This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

Скиталецъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

РАЗСКАЗЫ и ПѢСНИ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Сквозь строй.
Композиторъ.
Спѣвка.
Любовь декоратора.
Ранняя обѣдня.
Газетный листъ.
Октава.
За тюремной стѣной.
Пѣсни.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

Двадцать пятая тысача.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Digitized by Google

Digitized by Google

Peter, 8.9.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

Скиталецъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

РАЗСКАЗЫ И ПѢСНИ.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Digitized by Google

PG 3470
P25
1903
v. 1

Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла «Трудъ». Фонтанка, 86.

Digitized by Google

Посвящаю

Екатеринѣ Павловнѣ

Пѣшковой.

Digitized by Google

Digitized by Google

Колоколъ.

Я—гулкій мѣдный ревъ, рожденный жизни бездной,
Злой крикъ набата я!
Грубъ твердый голосъ мой, тяжелъ языкъ желѣзный,
Изъ мѣди—грудь моя!

И съ вашимъ пѣніемъ не можетъ слиться вмѣстѣ
Мой голосъ: онъ поетъ
Обиду кровную, а сердце—пѣсню мести
Въ груди моей куетъ!

Изъ грязи выходецъ, я жилъ въ болотной тинѣ,
Я въ мукахъ возмужалъ.
Суровый рокъ меня отъ юныхъ дней до-нынѣ
Давилъ и унижалъ.

О, да! Судьба меня всю жизнь нещадно била;
Душа моя—въ крови...
И въ сердцѣ, гдѣ теперь еще осталась сила,
Нѣтъ больше словъ любви!

Я лишь суровыя слова и мысли знаю,
Я весь, всегда—въ огнѣ...
И пѣснь моя—дика, и въ слово „проклинаю!“
Слилося все во мнѣ!

Digitized by Google

Digitized by Google

СКВОЗЬ СТРОЙ

I.

Мнѣ вспоминается внутренность деревенскаго кабака: маленькія окна, бревенчатыя стѣны, грязные сосновые столы и скамьи. За столами сидятъ мужики и пьютъ водку большими шкаликами изъ толстаго зеленаго стекла. Высокая стойка отгораживаетъ полки съ бутылками и огромную, тридцативедерную бочку съ водкой. Около нея, на стѣнѣ, висятъ разнаго калибра „мѣрки“ — мѣдные ковши, и кабатчикъ цѣдитъ въ нихъ изъ огромнаго крана бочки пахучую, синеватую водку.

Кабакъ—галдитъ; дверь, обитая рогожей, съ кирпичемъ на веревкѣ блока, постоянно отворяется и хлопаетъ, въ нее врываются клубы морознаго воздуха, образуя бѣлое облако; оно рѣдѣетъ, и тогда въ немъ видны огромныя фигуры, закутанныя въ тулупы и чапаны, съ бараньими шапками на головахъ, съ большими обледенѣлыми бородами.

Фигуры хлопаютъ огромными рукавицами, снимаютъ ихъ и заскорузлой рукой стаскиваютъ шапки, обнажая потныя лысины, а отъ лысинъ къ потолку поднимается паръ.

Ледяныя сосульки, отдираемыя съ длинныхъ усовъ

Digitized by Google

и бородъ корявыми пальцами, таютъ, слышатся кряканье и привѣтствія кабатчику.

— Гаврилѣ Петровичу! Хромому! Сто лѣтъ жить!

— И вамъ сто лѣтъ жить, да двѣсти на карачкахъ ползать!—звучно отвѣчаетъ кабатчикъ.

— Хо-хо-хо!—покатывается весь кабакъ:—ужъ онъ скажетъ, какъ смажетъ! Въ карманъ за словомъ не полѣзетъ, деревянная нога!

Кабатчикъ, сидѣлецъ отъ богача-хозяина, владѣльца почти всѣхъ кабаковъ уѣзда—мой отецъ.

Онъ стоитъ за стойкой, облокотясь на нее большими, тяжелыми руками, и небрежно кидаетъ мужикамъ складныя прибаутки, поговорки и мѣткія слова.

Наружность его необыкновенно симпатична.

Онъ—худой, средняго роста, хорошо сложенъ, видъ у него бравый. Лицо его—энергичное, характерное, съ рѣзкими, сухими чертами — напоминаетъ кардинала Ришелье: носъ съ горбиной, на щекахъ бороды нѣтъ и только на подбородкѣ эспаньолка, правильная, въ видѣ лопаточки. Все лицо смуглое, веселое и смѣлое, очень живое и выразительное. Волосы длинные, русые, закинутые назадъ, вьются крупными кудрями.

Лѣвая нога у него отрѣзана немного ниже колѣна, и онъ ходитъ на деревяшкѣ, въ широкихъ брюкахъ на выпускъ. Одѣтый въ длинный пиджакъ стариннаго покроя, онъ быстро поворачивается за стойкой и очень ловко владѣетъ своей деревяшкой.

Изо рта у него почти не выходитъ коротенькая черная трубка, и надъ его густыми кудрями постоянно вьются голубыя кольца табачнаго дыма.

— Гаврила Петровичъ! Гаврила Петровичъ!—дружественно гудитъ кабакъ.

И вотъ мой отецъ вынимаетъ изъ-подъ стойки гусли и кладетъ ихъ передъ собой на стойку.

Digitized by Google

Они трехугольныя, столярной работы, со множествомъ струнъ. Съ широкаго края гусель натянуты длинные стальные басы, обвитые тоненькой серебристой проволокой. Они блестятъ и кажутся серебряными, а за ними идутъ мѣдныя, золотистыя струны, одна другой короче и тоньше...

Отецъ засучиваетъ рукава, обнаруживая мускулистыя руки съ крупными пальцами, и кладетъ руки на струны: правой рукой онъ беретъ аккорды всѣми пальцами на басахъ и длинныхъ струнахъ, а указательнымъ пальцемъ лѣвой руки проводитъ по всѣмъ струнамъ: звонкія, безпечныя и наивныя трели текутъ серебристымъ ручьемъ, а блестящіе басы мягко рокочутъ долгимъ расплывчатымъ звукомъ.

Кабакъ умолкаетъ, и къ стойкѣ поворачиваются грубыя, бородатыя лица полупьяныхъ слушателей.

Загадочный, не то веселый, не то печальный мотивъ начинался медленно, басы неопредѣленно тянули даже нѣчто мрачно-похоронное, но сквозь этотъ строй внезапно прорывались маленькія, лукавыя и задорныя трели.

И тогда гусляръ, закинувъ голову и молодцовато потряхивая кудрями, запѣвалъ съ подмывающимъ видомъ:

Ка-акъ... на улицѣ Варваринс-кай!..

У него былъ хорошій голосъ, какой-то теплый и грудной басъ, не очень сильный, но чистый, мягкій...

Спи-итъ-лежитъ мужикъ Камаринска-ай!..

Выразительное лицо его дышало въ это время особеннымъ юморомъ, ноздри горбатаго носа раздувались, глаза блестѣли вдохновеніемъ...

А живыя струны простодушно и покорно выговаривали за нимъ каждое слово. Чувствовалось, что крѣпко и глубоко спитъ воспѣваемый мужикъ.

Digitized by Google

Мотивъ дѣлается все быстрѣе, звуки сгущаются и крѣпнутъ, сверкающіе басы гудятъ, сливаются въ одинъ голосъ, крючковатые, огромные пальцы проворно перебираютъ струны, а указательный палецъ уже съ неимовѣрной быстротой пробѣгаетъ по всѣмъ струнамъ.

Борода его вся всклоченная
И дешевочкой подмоченная!..

Чудодѣйственный палецъ смѣшитъ весь кабакъ своими движеніями: онъ описываетъ на струнахъ неуловимо-комическіе полукруги, словно издѣвательски мажетъ кого-то по губамъ, а порой и вся лѣвая ладонь, изображая педаль, похлопываетъ по струнамъ, словно по лысинѣ камаринскаго мужика, словно будитъ его отъ сна, и вотъ онъ пробуждается, а палецъ уже проворно убѣжалъ на верхнія струнки, и онѣ заливаются тонкимъ серебристымъ смѣхомъ.

Снится бабѣ, что въ веселомъ кабакѣ
Пьяный мужъ ея несется въ трепакѣ,
То привскочитъ, то согнется въ три дуги,
Истопталъ свои смазные сапоги...

Скороговоркой припѣваетъ отецъ. На гусляхъ поднимается отчаянный вихрь веселыхъ звуковъ: тонкія струны ухарски взвизгиваютъ, безпечные голоса ихъ вьются и порхаютъ стаями, среди нихъ воетъ и тянетъ одну безконечную ноту толстая нижняя струна, а басы гудятъ-гудятъ-гудятъ, словно опускаются все ниже и ниже.

З-зар-рычало бла-га-р-родіе!..
А-хъ, ты, хамово отр-родіе!

Выразительно поетъ отецъ. Лицо его ежеминутно измѣняется, изображая мужика, сонъ, бабу, глупость, „благородіе“ и его гнѣвъ... Лицо это полно жизни, энергіи, веселья, ноздри двигаются, кудри, встряхиваясь, словно пляшутъ на его головѣ.

Digitized by Google

Изъ кармана два полтинника
Вдругъ со звономъ покатилися
И сквозь землю пр-ровалилися!..

Голосъ отца уже гремитъ злобнымъ смѣхомъ, а гусельныя струны разсыпаются серебрянымъ звономъ.

По мѣрѣ того, какъ захватывающій мотивъ „камаринскаго“ развертывается во всю ширь, и гусляръ вдохновенно создаетъ самыя удивительныя трели—неудержимое, могучее веселье захватываетъ весь кабакъ: широкія плечи пожимаются, подергиваются, огромныя ножищи тяжело притоптываютъ, чей-нибудь кулакъ ударяетъ по столу, вырываются восклицанія:

— Сыпь, барыня, въ рѣшето! Эхъ! Шире! Ходи, изба, ходи, печь!..

Маленькій, шестилѣтній мальчикъ, я былъ тутъ же, за стойкой, и „во всѣ глаза смотрѣлъ на отца“.

Исторія о „камаринскомъ мужикѣ“ очень интересовала меня: его приключенія были занимательны, а самъ камаринскій мужикъ завоевалъ всѣ мои симпатіи. Его широкій разгулъ казался мнѣ волшебнымъ сномъ, полнымъ таинственности: тамъ „рычитъ“ „благородіе“—невиданный мною звѣрь, тамъ полтинники чудеснымъ образомъ со звономъ проваливаются сквозь землю, а самого камаринскаго мужика волшебный вихрь подхватываетъ и несетъ въ „трепакѣ“. Таинственная сила распоряжается имъ, преслѣдуетъ его и, наконецъ, сваливаетъ лицомъ въ грязь...

И мотивъ дѣлается опять медленнѣе и рѣже и снова становится загадочнымъ: сквозь веселый строй слышатся похоронные аккорды басовъ, и кажется, что камаринскій мужикъ усталъ плясать, свалился на улицѣ и опять спитъ, спитъ глубоко и симпатично, запрокинувъ курчавую всклокоченную бороду, обильно подмоченную „дешевочкой„.

Digitized by Google

И вдругъ раздаются самые отчаянные звуки „трепака„: они „требуютъ“ пляски, „заставляютъ“ плясать, невозможно удержать ноги отъ пляса, слушая ихъ.

Тутъ происходило самое главное, волшебное зрѣлище: весь кабакъ плясалъ, плясали молодые и старые, пьяные и трезвые, плясалъ я... А отецъ такъ и крутилъ пальцемъ, и прихлопывая по струнамъ, припѣвалъ, потрясая кудрями:

Мужикамъ по ногамъ,
А бабамъ по пяткамъ!..
Цыплятки мои,
Индіатки мои!
Брошу просо—не клюютъ,
Прошу вышить—не даютъ!..

— Хо-хо-хо! Ай-ай! Ой! — въ изнеможеніи стонетъ кабакъ, а гусляръ не унимается:

Попьемъ, попоемъ—
Все горе забудемъ!
А смерть придетъ—
Умирать будемъ!

Кабакъ наполняется новыми фигурами, онъ гудитъ, словно улей, торговля идетъ оживленно.

Поздно вечеромъ, передъ запоромъ, когда кабакъ уже пустъ, и гусли давно спрятаны, въ немъ еще пляшетъ Пешня, кабацкій завсегдатай, сѣденькій и вѣчно пьяненькій старичишка съ длиннымъ носомъ, похожимъ на пешню. Онъ топчется на одномъ мѣстѣ и, громыхая кожаными сапогами, смѣшно поетъ старческимъ пьянымъ голосомъ:

Попьемъ, попо-емъ...
Все горе за-бу-де-мъ...

— Г-гаврила... Петровичъ! Д-дай! Довѣрь! Одну...
— Не дамъ! Ступай домой!
— Г-ганя! Налей! Плясать хочу!..

Попьемъ, попо-емъ...

Digitized by Google

— Ну, это—его же царствію не будетъ конца!—говоритъ отецъ, выпроваживая Пешню.

И когда тотъ послушно уходитъ, и отецъ запираетъ дверь кабака, я выхожу изъ-за стойки на середину его и, представляя Пешню, начинаю тоже плясать и горбиться, какъ онъ, припѣвая:

Попьемъ, попоемъ—
Все горе забудемъ!

Въ селѣ былъ еще другой кабакъ, отъ другого хозяина. Между двумя кабаками возгорѣлась борьба, и побѣдителемъ въ ней оказался мой отецъ. Его, вообще, часто переводили изъ села въ село, и весь періодъ моего дѣтства за это время связанъ съ воспоминаніями о безпрестанныхъ переѣздахъ. Отца всегда посылали въ такой кабакъ, гдѣ „торговля“ шла плохо, и ее требовалось поднять.

Какъ только появлялся онъ со своими гуслями — село начинало пьянствовать, и торговля шла бойко. Гусли и пѣсни и симпатичная личность кабатчика окружали кабакъ ореоломъ поэзіи, влекли туда даже непьющихъ и совращали ихъ въ пьянство.

Успѣхъ отца выводилъ изъ себя представителей враждебнаго ему кабака. Противъ ненавистныхъ гуслей былъ устроенъ заговоръ. Однажды въ праздникъ, когда кабакъ былъ полонъ, а отецъ въ ударѣ и заливался на гусляхъ за своей стойкой, отпуская забористые куплетцы, въ кабакъ вошла цѣлая компанія парней, сильно подвыпившихъ. Они навалились къ стойкѣ, и одинъ изъ нихъ, рыжій, протягивая музыканту руку, вмѣсто рукопожатія, размахнулся и ударилъ изо всей силы кулакомъ по гуслямъ. Но ударъ пришелся по подструннику, сдѣланному изъ очень крѣпкаго дерева, и гусли уцѣлѣли: отецъ успѣлъ сдернуть ихъ со стойки.

Digitized by Google

Пьяная толпа съ ревомъ и ругательствами лѣзла на стойку, чтобы разбить гусли. Мнѣ ярко запомнилась эта картина: красныя пьяныя лица, потрясая кулаками, лѣзли на отца, а онъ стоялъ за стойкой, какъ за баррикадой и, держа гусли за спиной, отмахивался отъ своихъ враговъ увѣсистой мѣдной мѣркой. Весь кабакъ волновался, ревѣлъ и крутился въ свалкѣ. Отецъ отбилъ приступъ злоумышленниковъ и отстоялъ свои гусли.

На утро парни пришли къ нему трезвые, съ повинной. Онъ, по обыкновенію, былъ за стойкой, а парни мялись передъ нимъ и конфузливо чесали затылки.

— Прости ужъ!—ныли они.

— Дураки—Богу печаль!—сказалъ имъ отецъ спокойно.—Зачѣмъ вамъ понадобилось гусли-то разбивать? Олухи царя небеснаго!

— Да мы нешто сами? Цѣловальникъ изъ того кабака насъ подбилъ! Разбейте, баитъ, у него, робяты! Далъ по цѣлковому, да два полштофа выставилъ! Ну, мы и тово... пьяные были, спьяну...

— Не спьяну, а сдуру... Другой и пьянъ—да уменъ, два угодья въ немъ! А вы—ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга!..

— Прости ужъ! молимъ тебя!

— Безъ толку молиться — безъ числа согрѣшить! За цѣлковый васъ, чертей, и купить, и продать можно! Ничего не понимаете! Мужики—кругомъ—брюхо!..

— Гаврила Петровичъ!—выступилъ впередъ рыжій парень, тотъ самый, что ударилъ по гуслямъ: — окрестилъ ты меня мѣркой, буду тебя крестнымъ звать! Крестный, дай мнѣ сейчасъ по мордѣ, только не томи!

Парни конфузливо мялись передъ стойкой, а отецъ смотрѣлъ на нихъ какъ-то особенно задумчиво. Потомъ вздохнулъ, тряхнулъ кудрями и сказалъ съ добродушнымъ презрѣніемъ:

Digitized by Google

— Черти!

И сталъ заниматься со мной грамотой: я лежалъ на стойкѣ, а онъ рисовалъ карандашомъ на листѣ бумаги алфавитъ буквъ, крупно, по-печатному. По мѣрѣ того, какъ онъ рисовалъ, я спрашивалъ его:

— Это какая буква?

— Это „а"!

И я повторялъ „а".

А кабакъ мало-по-малу наполнялся народомъ, и опять шла „торговля", гвалтъ и игра на гусляхъ.

Иногда отецъ заставлялъ меня подзванивать желѣзной палочкой въ трехугольникъ, сдѣланный изъ стального прута, и я сидѣлъ на стойкѣ и звонилъ въ тактъ его игрѣ, а кругомъ галдѣли, пили, ругались.

Я очень любилъ отца, больше, чѣмъ мать. Мать была женщина добрая, тихая, на все смотрѣвшая глазами своего мужа, всегда во всемъ съ нимъ согласная. И она, и я, и мужики считали отца очень умнымъ и все знающимъ. Онъ много разговаривалъ со мной и любилъ разсказывать занимательныя исторіи. Мы жили въ маленькой комнатѣ, смежной съ кабакомъ. Я бывалъ очень счастливъ, когда отецъ позволялъ мнѣ спать съ нимъ. Раздѣваясь, онъ отвязывалъ деревяшку, ставилъ ее у изголовья, шутилъ и пугалъ меня обрубкомъ своей ноги. Смѣху и веселью нашему не было границъ. Я смѣялся до слезъ отъ его чудачествъ и, наконецъ, уставалъ отъ смѣха. Тогда мы укладывались подъ одѣяло, я радостно прижимался къ его широкой груди и требовалъ разсказовъ. И онъ разсказывалъ мнѣ о морѣ и о солнцѣ, о жаркой сторонѣ, о китѣ, о слонѣ и обезьянѣ, о львахъ и тиграхъ и всѣхъ ихъ представлялъ въ лицахъ, принималъ ихъ позы, ложился на полъ, передразнивалъ, ползалъ и подражалъ ихъ голосамъ. Онъ самъ увлекался представленіями и

Digitized by Google

увлекалъ меня. Иногда онъ разсказывалъ мнѣ о своей жизни, полной приключеній, о своей отрѣзанной ногѣ...

— Вотъ видишь ли, Копка,—говорилъ онъ мнѣ своимъ низкимъ и теплымъ басомъ, и въ голосѣ его звучали тогда задушевныя, мягкія нотки,—я былъ дворовый человѣкъ, барскій... Теперь народъ вольный, а тогда воли не было, и всѣ люди были барскіе: желтопузики что хотѣли съ ними дѣлать, то и дѣлали. Моего отца, а твоего дѣдушку засѣкли до смерти кнутомъ за сущій пустякъ: укралъ обрубокъ барскаго дерева и спряталъ въ подпольѣ,—онъ былъ столяръ. Мать въ дворнѣ была, а меня, когда я вотъ еще съ тебя былъ, лѣтъ шести, гусятъ пасти посылали. Бывало, сидишь-сидишь на солнышкѣ день-деньской, сгоришь весь отъ зною, все смотришь, какъ бы коршунъ гусенка не утащилъ: если пропадетъ гусенокъ—значитъ, и меня, клопа, тоже драть будутъ. У меня, братъ, Копка, тогда со спины-то рубцы не сходили, дубленая у меня спина-то. А гусята часто пропадали, потому что я на тростяныхъ дудкахъ любилъ играть, у пастуха выучился. Заиграешься—и забудешь про гусятъ: вечеромъ порка. А былъ я-таки и озорникъ порядочный, все норовилъ на зло что-нибудь сдѣлать. Потомъ, когда побольше выросъ, на гусляхъ сталъ играть. И когда у барыни мигрень приключался—есть такая барская боль—мигрень—то меня съ гуслями къ ней призывали. Барыня была старая дѣвка, злющая-презлющая: гусли слушать любила, а меня ненавидѣла: бывало, какъ заиграю ей, да запою „вьется ласточка“—сейчасъ это ее въ слезу ударяетъ—мигрень пройдетъ, а мигрень пройдетъ—барыня опять всѣхъ пороть велитъ. И отдала она меня въ ученье—въ столяры. Тамъ, братъ, меня тоже здорово лупили: шесть лѣтъ я былъ

Digitized by Google

не въ ученьи, а въ мученьи, ну за то столяръ изъ меня вышелъ хорошій, и еще я отъ себя токарному и рѣзному ремеслу и рисовать выучился. Вышелъ я, братъ, изъ ученья двадцати одного года—орелъ-орломъ, словно меня и не били никогда! По праздникамъ работалъ на себя, скопилъ деньжонокъ, расфрантился, шляпу купилъ пуховую и на тройкѣ, съ колокольчикомъ, въ родное село пріѣзжаю.

Разсказывая, отецъ вновь переживалъ давно пережитое, голосъ его звучалъ задушевной грустью, по временамъ, онъ закуривалъ свою трубку, и она, на моментъ вспыхивая, освѣщала краснымъ свѣтомъ его кардинальское лицо. И въ тишинѣ темной комнаты мягко ворковалъ его теплый голосъ:

— Здорово мнѣ влетѣло за этотъ колокольчикъ: какъ заслышала барыня тройку—тутъ же ее въ мигрень ударило: показалось ей, что „волю“ везутъ, передъ волей это было. А народъ бѣжитъ навстрѣчу, кричитъ: „воля! воля!“ Плачутъ.

И какъ узнали, что это не воля, а я—на смѣхъ меня подняли, а барыня къ себѣ позвала. Какъ завидѣла меня, франта, такъ и зашипѣла: „я, говоритъ, тебѣ покажу волю! Отецъ твой подъ плетьми околѣлъ, и тебѣ то же будетъ!“

Написала записку, призвала мужика Онуфрія, дворецкимъ онъ былъ, отдаетъ ему письмо. „Отведи, говоритъ, этого хама въ контору и письмо отдай! А потомъ назадъ Гаврюшку предоставь!“

Повелъ меня дворецкій. Чую—пороть ведутъ. Идемъ мимо кабака. Я и говорю Онуфрію: „Вѣдь не убѣгу я отъ тебя, зайдемъ въ кабакъ, выпьемъ!“ Важный былъ такой этотъ мужикъ, почтенный и глупый и вино любилъ, но только непремѣнно даровое, на свои же не пилъ. Зашли. Спросилъ я косушку. Пьемъ. „Ну-ка, го-

Digitized by Google

ворю, дай-ка я посмотрю бумагу-то". Онъ мнѣ и далъ. А я ее р-разъ! Изорвалъ въ мелкіе клочья. Какъ вскочитъ мужикъ. „Что ты со мной сдѣлалъ? И меня съ тобой будутъ пороть!"—„Безпремѣнно, говорю, выпорютъ тебя, коли поведешь меня въ контору!"—„Какъ же быть-то?"—„А пойдемъ, говорю, назадъ потихоньку: я притворюсь, будто меня выпороли, а ты доложи барынѣ, только и всего! И будутъ наши спины цѣлы!.."

Я тихонько взвизгивалъ отъ нетерпѣнія: разсказъ отца захватывалъ, волновалъ и увлекалъ меня, я трепеталъ за отца, прижимаясь къ его теплой груди, и въ душѣ дивился его уму и смѣлости, а онъ останавливался на самыхъ интересныхъ мѣстахъ разсказа и курилъ свою трубку.

— Ну-съ, дѣлать нечего, согласился мужикъ. Посидѣли въ кабакѣ—идемъ на барскій дворъ. Я согнулся, чуть ноги волочу, охаю: о-охъ! Насилу плетусь. Мужикъ ведетъ меня, а дворня-то посмѣивается, „съ пріѣздомъ" поздравляетъ, и до спины пальцемъ то одинъ, то другой дотронется, а я:—о-ой! заору благимъ матомъ, до койки насилу добрался...

— Вышла барыня. „Что, говоритъ, Онуфрій, сводилъ?"—„Сводилъ, матушка-барыня!"—„Выпороли?"—„Выпороли, матушка-барыня!"—„Хорошо-ли выпоролито?"—„Хорошо, матушка-барыня!"—А я лежу: о-охъ! о-о-хо-хо!...

Отецъ разсказывалъ все это картинно, въ лицахъ, разными голосами, изображая людей еще лучше, чѣмъ звѣрей. Я торжествовалъ и покатывался со-смѣху. Трубка то вспыхивала краснымъ огонькомъ, то погасала, а отецъ разсказывалъ... Мрачныя тѣни и картины прошлаго какъ бы проносились передъ нами одна за другой въ тихой полуночной темнотѣ...

— И тутъ, братъ, Копка, скоро меня въ кабалу от-

Digitized by Google

дали, на фабрику... Теперь уже и слова-то этого никто не понимаетъ, что оно значитъ—кабала, а тогда человѣка въ дрожь бросало отъ этого слова. Продавали тогда мастеровыхъ изъ дворни, на фабрики и заводы, на года: человѣкъ работаетъ, а деньги за него давно уже баринъ получилъ. И обходились съ такими закабаленными страшнѣе, чѣмъ съ каторжниками, лупили и въ хвостъ, и въ гриву. Вотъ и меня такъ-то закабалили... опять на шесть лѣтъ... И всего-то я у барыни одно лѣто пожилъ. Воспитанница у нея была, барышня, Наташей звали... Р-раскр-расавица! Волосы почитай до пятокъ, глаза большіе, печальные... Когда бывалъ у барыни мигренъ—призывали меня въ покои съ гуслями. Былъ я тогда веселый, Наташа-то меня и полюбила, и я ее полюбилъ. Барыня же терпѣть не могла, если кто кого полюбитъ!

Отдали ее замужъ за пастуха, а меня въ кабалу, далеко, на фабрику, около Волги...

Ты на гору, а чортъ за ногу: только изъ ученья вышелъ—въ кабалу попалъ, а тамъ люди, какъ въ аду, мучились. Лупили ихъ плетьми—сколько влѣзетъ, все равно, какъ сидорову козу. Протрубилъ я тамъ шесть лѣтъ. Жизнь прожить, Копка, не мутовку облизать: всего натерпишься! Она, братъ, совсѣмъ не въ нашу пользу устроена. Она—какъ мала-куча: которые наверху—барахтаются, да нижнихъ ногами топчутъ!.. А изъ-подъ низу какъ вылѣзешь, коли на насъ, нижнихъ, доски положены, верхніе на доскахъ сидятъ и обѣдаютъ, а у насъ кости трещатъ? У нихъ чай да кофей, а у насъ чадъ да копоть.

Я не понималъ истиннаго смысла подобныхъ его словъ, но онъ всегда говорилъ притчами, образно, и его разсказы запечатлѣвались въ моей душѣ.

— Ну-съ, жилъ я такимъ манеромъ въ кабалѣ,—

Digitized by Google

рокоталъ отецъ,—и думалъ: только бы кончился срокъ, тогда мои дѣла пойдутъ по маслу, откуплюсь на волю! И сталъ я работать по ночамъ сдѣльную работу, чтобы денегъ накопить, да отъ барыни выкупиться. И такъ-то работалъ шесть лѣтъ, деньги эти мнѣ въ руки не давали, а только за мной записывали. Кончился срокъ. Надо къ барынѣ возвращаться. Иду въ контору за разсчетомъ, чуть пѣтухомъ не пою отъ радости: воля, думаю, вотъ она гдѣ! Заработалъ!

Отецъ засмѣялся горькимъ смѣхомъ.

— „Позвольте разсчетъ!“ Переглянулись. Главный-то и говоритъ, спокойно такъ: „Отведите его и дайте ему разсчетъ“. Повели меня двое. Гляжу, ведутъ къ воротамъ. А фабрика была, какъ острогъ, высокой стѣной обведена, и ворота были желѣзныя, а у воротъ огромный такой татаринъ, и въ рукахъ у него пуда въ три дубина. Иду я, подъ полой гусли, въ рукѣ узелокъ—и весь я тутъ.

Подвели меня молча къ воротамъ, растворили ихъ, а татаринъ взялъ въ обѣ руки дубину, да-а какъ д-дастъ мнѣ промежду лопатокъ—я и вылетѣлъ за ворота: куда кузовъ, куда милостинки! Брякнулся я объ землю, гусли въ одну сторону полетѣли, узелокъ въ другую, а ворота опять захлопнули и заперли. Вотъ тебѣ и разсчетъ! Получилъ! Копилъ-копилъ, да чорта и купилъ!..

И опять горькій смѣхъ и пламенное дыханіе трубки.

— А ужъ вечеръ былъ, и на дворѣ была буря, дождикъ лилъ, и Волга вся черная была, а по ней бѣлые барашки гуляли...

И некуда мнѣ было дѣться, и ничего у меня не было, только гусли сломанныя. И взялъ я ихъ въ обѣ руки, размахнулся и о камень ихъ разбилъ, только струны застонали!..

Digitized by Google

И побѣжалъ я подъ дождемъ, по грязи, безъ шапки—самъ не знаю, куда. И такая ли злоба у меня въ сердцѣ была, что такъ бы, вотъ, эту самую фабрику порохомъ бы и взорвалъ! Добѣжалъ до берега Волги, повалился, плачу, ругаюсь и Богу жалуюсь...

А Волга такъ и гудитъ внизу, черные валы такъ и ходятъ, дождикъ хлещетъ, вѣтеръ гонитъ темныя тучи, а громъ съ неба нѣтъ-нѣтъ да и раскатится, словно хохочетъ надо мной: тррахъ-тахъ-хо-хо-хо-о!..

Мрачная, величавая картина бурной ночи, громъ и молнія, тучи и волны—все это грозно вставало предо мной, и я въ страхѣ прижался къ разсказчику, который, можетъ быть, и самъ не сознавалъ въ себѣ волшебной силы слова.

Онъ попыхивалъ изъ своей коротенькой трубочки и, вновь переживая пережитое, разсказывалъ своимъ задушевнымъ голосомъ:

— И сталъ я звать чорта: хотѣлъ я продать ему свою душу, только бы онъ помогъ мнѣ отомстить за всѣ мои обиды...

— Ну, и что же онъ? — шопотомъ спрашивалъ я, едва переводя духъ отъ волненія и невольнаго страха.

— Не явился! — отвѣчалъ онъ тономъ сожалѣнія и сострилъ—должно быть, тогда и самъ чортъ не могъ помочь мнѣ!

— Добрался я до родного села, къ барынѣ, и заболѣла у меня нога: простудилъ я ее, босикомъ по болотамъ съ недѣлю осенью шелъ. Распухла моя нога, какъ бревно, сталъ я хромать. Барыня видитъ, что я обезножилъ, какъ лошадь, и выгоды ей отъ меня мало, взяла да въ солдаты меня и отдала, единственнаго сына у матери-то, да еще больного! Ничего! На нашемъ базарѣ все сойдетъ, это можно было тогда! Какъ сейчасъ вижу: вышла партія новобранцевъ въ дорогу, и я съ котом-

Digitized by Google

кой иду, а мать все за мной бѣжитъ да реветъ, сѣдые волосы растрепались, глаза безумные... Обвила меня за шею—ничѣмъ не вырвусь!.. Она реветъ и я реву... Наконецъ, я вырвался насильно и безъ оглядки убѣжалъ отъ нея бѣгомъ, со своей хромой ногой, догонять партію... Эхъ, Копка, инда слеза прошибаетъ, какъ вспомнишь! Съ тѣхъ поръ я такъ ее и не видалъ: умерла...

Отецъ плакалъ всякій разъ, когда разсказывалъ этотъ эпизодъ прощанія съ матерью.

Онъ продолжительно затягивался изъ трубки, вытиралъ слезы и, успокоившись, продолжалъ:

— Тогда въ солдаты провожали все равно, какъ въ могилу, а я не робѣлъ: я даже и не думалъ, что не дослужусь до офицера... Непремѣнно, думалъ я, офицеромъ буду! Однако, вышло другое. Ногу мою очень скоро тамъ разнесло совсѣмъ, и положили меня въ больницу. А въ больницѣ-то я пролежалъ ни много, ни мало, какъ цѣлыхъ два года, ногу-то мнѣ тамъ и отрѣзали. И какъ разъ тутъ воля вышла! Обкарнали мнѣ крылья да на волю и выпустили! Ни кола, ни двора, полетай, куда знаешь — это пролетарій называется по книжному-то! Двадцать девять лѣтъ мнѣ было тогда, да только никто не вѣрилъ, всѣ за старика считали: передѣлали мнѣ въ больницѣ рыло-то!.. За два года-то лежанья много я, Копка, книгъ прочиталъ: если бы всѣ ихъ собрать, то можно было бы ими набить вотъ всю нашу комнату до потолка! И ариѳметикѣ я выучился въ больницѣ, у одного барина, а до тѣхъ поръ ариѳметики я не зналъ, такъ что оно, пожалуй, и лучше вышло, что въ больницу-то я попалъ: солдатская служба была такая, что волосы дыбомъ становятся, какъ вспомнишь! Я бы непремѣнно въ бѣглые попалъ, а бѣглыхъ тогда „сквозь строй“ прогоняли: поставятъ роту солдатъ въ два ряда, каждому палку дадутъ, а

Digitized by Google

бѣглому руки къ ружью привяжутъ и за ружье ведутъ, и бьютъ его съ двухъ сторонъ въ голую спину палкой изо всей силы, такъ что, когда до тебя, бывало, дойдетъ очередь бить, то ужъ не по спинѣ бьешь, а по кровяной говядинѣ, говядина-то клочьями виситъ, а въ ней отъ палокъ занозы. Упадетъ онъ — его водой отольютъ, поднимутъ и опять дальше сквозь строй ведутъ! Случалось, что такъ и не дойдетъ до конца: помретъ подъ палками. Тихо-то ударить нельзя: сзади строя ундера идутъ и мѣлкомъ на спинѣ крестики ставятъ тѣмъ, которые не изо всей мочи ударили. Кончится „сквозь строй“ — тутъ начнутъ этихъ „мѣченыхъ“ пороть: только и слышно кругомъ: „ува! ува!“ какъ младенцы, подъ розгами визжатъ!..

Я слушалъ эти разсказы, и сердце мое замирало отъ жалости и ужаса.

И вся жизнь моего отца представлялась мнѣ такимъ длиннымъ-длиннымъ „сквозь строемъ“ розогъ, плетей, палокъ, дубинъ, горькихъ обидъ, нескончаемыхъ несчастій, несправедливыхъ униженій и попираній въ немъ человѣка!.. И какого человѣка. Даровитаго, талантливаго, умнаго... Я до сихъ поръ не понимаю, какъ онъ могъ сохранить въ себѣ столько жизнерадостности, достоинства и доброты, какъ могъ онъ быть весельчакомъ, такъ забористо играть на гусляхъ и пѣть примиряющее: „попьемъ-попоемъ, все горе забудемъ?“

Однажды, когда отецъ далеко за полночь убаюкивалъ меня своими разсказами, и мы лежали съ нимъ въ нашей коморкѣ безъ огня—въ кабакѣ раздался звонъ разбитаго стекла, а потомъ зазвенѣли деньги въ большой шкатулкѣ для выручки. Отецъ вскочилъ, наскоро подвязалъ деревяшку, торопливо зажегъ свѣчу, и мы съ нимъ осторожно выглянули въ полуотворенную дверь

Digitized by Google

въ кабакъ: тамъ уже все было тихо. Тогда мы вышли за стойку; отецъ кинулся къ выручкѣ: большой, окованной мѣдью шкатулки съ деньгами не было, а окно противъ стойки разбито. Воръ исчезъ черезъ окно вмѣстѣ со шкатулкой, и звонъ произошелъ отъ груды мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ, когда онъ, вѣроятно, повернулъ ее бокомъ. Все село знало, что ежемѣсячная выручка отца была не менѣе пятисотъ рублей, а было уже близко первое число, и отецъ ждалъ хозяина за выручкой. Похищеніе было засвидѣтельствовано поднятой на ноги сельской полиціей, а на другой день прискакалъ хозяинъ, богатый купецъ. Онъ былъ толстый, съ широкой бородой вѣеромъ, кривой на одинъ глазъ, съ двумя толстыми цѣпями на жилеткѣ. Въ обыкновенное время онъ всегда шутилъ съ отцомъ, видимо дорожилъ имъ, любилъ слушать гусли и всегда звалъ его почему-то „орломъ“, можетъ быть, потому, что какъ въ физіономіи, такъ и въ натурѣ необыкновеннаго кабатчика было что-то орлиное: орелъ съ отрѣзанной ногой и подрѣзанными крыльями. Но теперь хозяинъ влетѣлъ въ кабакъ запыхавшись, озабоченный и недовольный. Единственный глазъ сердито вращался, рябоватое лицо покраснѣло...

— Орелъ!—закричалъ онъ.—Много ли украдено?

— Пятьсотъ рублей!—отвѣчалъ отецъ:—вся выручка!..

Хозяинъ плюхнулся на стулъ, вынулъ красный платокъ и сталъ отирать потъ съ лысины...

— Пятьсотъ рублей!—простоналъ онъ хриплымъ голосомъ: — вся выручка! И зачѣмъ я тебя безъ залога взялъ? Что съ тебя, голяка, возьмешь?

— Левъ Осипычъ!—укоризненно заговорилъ отецъ.— Чѣмъ же я-то виноватъ? Вѣдь меня убить могли изъ-за вашихъ денегъ? Да и что вамъ пятьсотъ рублей?

— Какъ что,—заоралъ хозяинъ,—орелъ! Ты не орелъ, а ворона! Проворонилъ мои деньги, да еще смѣешься?

Digitized by Google

Пятьсотъ рублей — деньги! Ихъ на полу не подымешь!..

— Бываетъ, что и на полу подымаютъ! — отвѣчалъ отецъ и бросилъ въ купца толстымъ кожанымъ бумажникомъ, туго набитымъ. — Я-то орелъ, — презрительно продолжалъ онъ,—орломъ и останусь, а вотъ вы-то кто?

Левъ Осипычъ развернулъ бумажникъ: въ немъ были бумажныя деньги.

— Это что?—спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Пятьсотъ рублей—отвѣчалъ отецъ:—успокойтесь, все цѣло: я всегда ихъ держалъ въ шкатулкѣ, а этой ночью словно кто шепчетъ мнѣ: возьми да возьми въ карманъ! Всталъ вѣдь ночью съ постели, вынулъ ихъ изъ шкатулки, да въ карманъ и положилъ! А тутъ какъ разъ и воры! Ну, имъ только рублей восемь досталось, мелочь...

— Ор-релъ!..—заоралъ купецъ, словно пьяный, такъ былъ радъ:—молодчина! люблю! орелъ—одно слово, это ты вѣрно!..

И онъ сталъ трясти своей жирной рукой огромную, жилистую руку отца.

На радостяхъ купецъ велѣлъ откупорить бутылку какого-то „допель-кюмеля“, и они дружественно выпили. Отецъ сыгралъ на гусляхъ, я подзванивалъ въ звонокъ, Левъ Осипычъ былъ въ прекраснѣйшемъ настроеніи и все кричалъ: ор-релъ!

Отецъ только кудрями трясъ.

— Ты, орленокъ! Н-на!—захмелѣвшій хозяинъ ущипнулъ меня и подарилъ мнѣ новенькій бумажный рубль; бумажка гремѣла, какъ накрахмаленная, и хорошо пахла. Я былъ радъ.

Отецъ и Левъ Осипычъ выпили еще.

— Ну-съ,—сказалъ, наконецъ, хозяинъ:—теперича—учетъ! нельзя! Дѣвушка гуляй, а дѣльце помни! Бѣда,

Digitized by Google

ежели я тебя да въ мошенствѣ пымаю! Ха-ха-ха-ха! З-замузычу!.. Ор-релъ!..

И они принялись за учетъ.

Когда черезъ нѣсколько времени я вбѣжалъ къ нимъ въ кабакъ—они ссорились.

— Какая недоимка?—горячился отецъ: — недоимку слѣдуетъ скостить: въ долгъ мужикамъ роздалъ, а у нихъ кобылка хлѣбъ поѣла, оттого и воровство началось!

Хозяинъ спокойно щелкалъ на счетахъ и холодно отвѣчалъ:

— Скостить нельзя! Вычту съ тебя изъ жалованья!..

Отецъ поблѣднѣлъ. Орлиные глаза его засверкали.

— Какъ?—заговорилъ онъ голосомъ тихимъ и дрожащимъ, между тѣмъ какъ въ груди его клокотало бѣшенство: — не можешь скостить, когда я спасъ тебѣ пятьсотъ рублей? Я могъ вѣдь ихъ утаить!

— Могъ утаить—и не утаилъ! Значитъ — дуракъ! Былъ я у тебя въ рукахъ—не умѣлъ держать, а теперича за что же я тебѣ буду скащивать? Самъ посуди! Орелъ!

— Такъ ты эдакъ?

— А то какъ же?—спокойно отвѣчалъ хозяинъ, углубляясь въ счета. Ноздри его остраго носа сплющились, глазъ холодно и неподвижно смотрѣлъ въ приходо-расходную книгу, и все рябое лицо приняло непріятное, хищное выраженіе.

Наступило зловѣщее молчаніе.

— Вонъ!—рявкнулъ вдругъ отецъ, блѣдный и весь дрожа отъ злости.

Хозяинъ отъ изумленія не могъ ничего сказать и уставился на него, блѣднѣя...

— Вонъ, сволочь!.. Я тебѣ не слуга, — повторилъ отецъ, и отъ его баса на полкахъ встревоженно задребезжали бутылки и рюмки.

Digitized by Google

Своей дюжей рукой, оплетенной толстыми жилами, онъ схватилъ хозяина за шиворотъ и тряхнулъ.

Между „орломъ“ и Львомъ Осипычемъ завязалась борьба. Нѣсколько минутъ они возились молча, слышно было только усиленное дыханіе обоихъ. Купецъ былъ гораздо крупнѣе моего отца, но отецъ оказался сильнѣе. Онъ дѣйствовалъ только одной рукой, другой же держался за стойку, чтобы не быть сшибленнымъ съ ногъ. и яростно возилъ противника изъ стороны въ сторону.

Перехватываясь лѣвой рукой по стойкѣ, примыкавшей къ выходной двери, отецъ впихнулъ его въ дверь, но купецъ уперся въ косяки: онъ, пыхтя и страшно вращая глазомъ, силился подшибить отца подъ его деревянную ногу. Тутъ произошло что-то быстрое и неожиданное: отецъ выпустилъ шиворотъ врага и, поднявъ деревяшку на перевѣсъ, пихнулъ ею купца въ толстое, мягкое брюхо.

Левъ Осипычъ полетѣлъ съ крыльца.

II.

Мы съ отцомъ вышли за околицу, навсегда оставляя село. За спиной у отца висѣли гусли и узелокъ. Лѣвой рукой онъ опирался на толстую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, а за правую держался я и семенилъ за нимъ по пыльной дорогѣ. Изъ-подъ сѣраго картуза развѣвались по вѣтру его длинные кудри, да въ зубахъ у него ароматно дымилась на свѣжемъ воздухѣ черная коротенькая трубка. Солнце ярко сіяло надъ зеленой степью, село потонуло за пригоркомъ, а впереди серебристою лентой блестѣла на солнцѣ широкая Волга. Мать мы отправили въ родную деревню, къ дѣдушкѣ, а сами превратились въ странствующихъ музыкантовъ.

— Поѣдемъ, Копка, перво-на-перво, въ Нижній, на ярмарку!—сказалъ мнѣ отецъ:—тамъ, говорятъ, музыканты

Digitized by Google

деньги наживаютъ! Тамъ у насъ пойдутъ дѣла по маслу, каждый день буду тебѣ пятакъ на книжку давать!

Въ это время я былъ одержимъ страстью къ чтенію сказокъ. Я жилъ въ чудномъ мірѣ подвиговъ Еруслана Лазаревича, Бовы-королевича и Францыля Венеціана, и хотѣлъ каждый день читать новую сказку.

— Идемъ!—отвѣчалъ я, чувствуя въ себѣ героическій духъ Еруслана и Бовы.

Передъ нами открывалась фантастическая жизнь бродячихъ гусляровъ, полная приключеній, богатая новыми впечатлѣніями, яркими картинами...

Трое сутокъ мы плыли на пароходѣ въ третьемъ классѣ. Знойный лѣтній день торжественно сіялъ надъ спокойной гладью рѣки, а навстрѣчу намъ плыла панорама зелено-кудрявыхъ горъ. Эти красивыя береговыя горы важно и задумчиво молчали, песчаныя косы блестѣли, какъ золото, порой изъ-за горы любопытно выглядывала деревушка. По временамъ пароходъ плылъ около самаго берега, у подножія огромныхъ скалъ, и тогда нужно было поднимать голову кверху, чтобы видѣть верхушки горъ. Лѣсистыя, курчавыя горы смѣнялись гладкими, и онѣ были расписаны правильными узорами посѣвовъ, золотыми квадратами хлѣбовъ, черными полосами пашенъ, зелеными пастбищами. Высоко, наверху горъ ползали чуть видныя стада черныхъ и бѣлыхъ овецъ, коровокъ и лошадокъ... Всѣ онѣ казались маленькими, какъ дѣтскія игрушки. Избушечки селеній тоже представлялись кукольными, съ бѣленькой церковкой, съ малиновымъ звономъ сельскаго колокола... Порой, по извилистой тропинкѣ, спускалась къ рѣкѣ за водой дѣвушка въ яркомъ нарядѣ, а у берега колыхались челноки, бѣгали нагіе ребятишки, купались и брызгали водой, и брызги ея алмазами сверкали на солнцѣ.

Digitized by Google

И вся эта жизнь медленно проплывала мимо насъ и опять смѣнялась величавыми горами и дикими утесами.

— Гляди, Копка,—сказалъ мнѣ однажды отецъ,—вонъ утесъ Стеньки Разина! Экое орлиное гнѣздо!..

И онъ сталъ мнѣ разсказывать о Стенькѣ Разинѣ. Утесъ поражалъ своею мрачной величавостью... Онъ былъ отвѣсный, возвышался прямо изъ воды, и казался крѣпостью, сложенной гигантами изъ громадныхъ камней. Весь каменный, съ боковъ окутанный стройнымъ боромъ, онъ грозно хмурился на насъ, словно погруженъ былъ въ грустныя воспоминанiи о Степанѣ Тимофеевичѣ. Изъ расщелинъ дикихъ камней упрямо росли молодыя березы, а въ уступахъ вили гнѣзда степные орлы. Отъ этого мѣста вѣяло героическимъ настроеніемъ, а отецъ увлекательно разсказывалъ мнѣ о подвигахъ Разина, о громадныхъ историческихъ сценахъ, и фигура волжскаго героя выростала въ моемъ воображенiи до гигантскихъ размѣровъ... Мятежи, разбои и грозныя событія вполнѣ соотвѣтствовали этой романтической обстановкѣ: величавая рѣка, лѣсистыя горы и мрачные утесы словно созданы были для того, чтобы здѣсь разыгрывались трагическія исторіи, эти мѣста однимъ своимъ видомъ наводили на какія-то размашистыя, большія мысли.

— И вотъ, Копка,—разсказывалъ мнѣ отецъ,—поймали его, сковали, и руки, и ноги и въ желѣзную клѣтку посадили. Такъ въ клѣткѣ, словно звѣря, и повезли въ Москву. Тамъ, на Красной площади, четвертовали...

И онъ въ яркихъ краскахъ и въ живыхъ образахъ большими чертами, словно художникъ, нарисовалъ мнѣ картину казни: огромная площадь, освѣщенная кровавымъ свѣтомъ восходящаго солнца, полна народа... Эшафотъ... Палачъ въ красной рубашкѣ, съ окладистой

Digitized by Google

бородой, съ топоромъ... Разинъ лежитъ на эшафотѣ... Р-разъ! отлетѣла правая рука... Разъ-разъ!.. лѣвая нога... Разинъ молчитъ... не хочетъ стонать... Онъ гордый. Потомъ такимъ же манеромъ лѣвую руку, потомъ правую ногу и послѣ голову... Изрубили въ куски и бросили собакамъ. Вотъ какъ!

У меня кровь застывала въ жилахъ. Изумленными глазами смотрѣлъ я то на отца, то на утесъ, который, какъ грозное видѣніе, уплывалъ назадъ и казался мнѣ теперь обиталищемъ величавыхъ тѣней, а отецъ, указывая на него палкой, продолжалъ свои разсказы.

— На этомъ утесѣ былъ сложенъ изъ камней стулъ, на стулѣ сидѣлъ Разинъ и судилъ ослушниковъ, и бросали ихъ тутъ же, съ горы да въ Волгу... Очень просто.

А то разъ плыветъ Разинъ по Волгѣ со всѣмъ своимъ войскомъ на лодкахъ: пароходовъ тогда не было. Всѣ лодки коврами разубраны, да награбленнымъ добромъ нагружены: разграбилъ онъ персидское царство и персидскую княжну съ собою взялъ. Плывутъ они и пѣсни вольныя поютъ, а кругомъ-то дебри дикія, утесы, да горы, да Волга на солнышѣ свѣтится. И говоритъ Разинъ: „Эхъ ты, говоритъ, Волга-матушка!..“

И я жадно слушалъ красочный, картинный разсказъ, оживленный подробностями: „княжна взвизгнула“, по воздуху сверкнули „золотые башмачки съ красными каблучками“ и проч. Я смотрѣлъ на Волгу и утесы и невольно ждалъ, что вотъ-вотъ изъ-за мыса покажутся разубранныя лодки съ разбойниками, и уже мнѣ чудилось, какъ поютъ они вольныя пѣсни, а Разинъ говоритъ: „эхъ ты, Волга-матушка!“ Но ничего подобнаго не показывалось. Плыли иногда парусныя лодки да плоты со своими избушками. А отецъ разсказывалъ.

— Отецъ твоей матери,—говорилъ онъ,—твой дѣ-

Digitized by Google

душка, не вѣритъ, что Разинъ умеръ, и все споритъ со мной... Въ народѣ, видишь ты, разныя сказки про него сложены, такъ—фантазіи: будто подъ этой самой горой живетъ Разинъ: въ смерти ему отказано, а предназначено вѣчно мучиться: лежитъ онъ въ темной пещерѣ, вродѣ какъ въ подпольѣ... Цѣпями онъ къ этому подполью прикованъ, томится и стонетъ, задыхается безъ воздуха и свѣта. Дѣдушка говоритъ, что когда на Волгѣ поднимается буря—это знакъ, что Разинъ мечется и рветъ свои цѣпи. Кажется, что только Волга шумитъ, да валы объ утесы бьютъ, а если прислушаешься, это „онъ“ подъ горою стонетъ... Съ виду будто бы только сосны подъ вѣтромъ гудятъ, а наставишь ухо, послушаешь хорошенько—желѣзныя цѣпи звенятъ!

И лежитъ въ пещерѣ огромный великанъ, сѣдой и нагой... Борода ему все тѣло покрываетъ, на рукахъ и ногахъ за триста-то лѣтъ львиные когти отросли, цѣпь его, какъ змѣя, обвила и съ тѣломъ срослась... Лежитъ Разинъ и на груди своей всю гору выдерживаетъ. Каждую ночь приходятъ левъ и медвѣдь, въ клочья его разрываютъ... И тогда онъ стонетъ, и отъ стоновъ его дрожитъ гора, а на Волгѣ поднимается буря. Но въ томъ-то и штука, что къ утру онъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, срастается и опять цѣлехонекъ лежитъ въ цѣпяхъ, и опять гора его давитъ... Такъ мучится Разинъ, и конца его мученіямъ не будетъ никогда!

Отецъ задумался немного, помолчалъ и повторилъ грустно и вдумчиво:

— Никог-да!..

Я полюбилъ Разина за его мужество и страданія. Я настроенъ былъ сказочно, на богатырскій ладъ, и въ моихъ глазахъ онъ былъ гордый и мятежный волжскій духъ. Прикованный къ утесу, онъ жилъ въ этихъ горахъ. Мало того, онъ былъ въ моемъ отцѣ и во мнѣ.

Digitized by Google

Вѣчный духъ безпокойства, мученіямъ котораго никогда не бываетъ конца—вотъ что было въ насъ. Намъ была по душѣ дерзость Разина, намъ, оторваннымъ отъ всего уклада жизни, отрицаемымъ ею, одинокимъ, чуждымъ всѣмъ. Мы оба любили героевъ непокорныхъ и одинокихъ, сильныхъ и воинственныхъ. И отецъ безъ конца разсказывалъ мнѣ о нихъ. А Волга ослѣпительно трепетала на солнцѣ, вдали, словно со дна рѣки, всплывалъ вдругъ, бѣлый какъ лебедь, пароходъ и, дымясь. гармонично, гулко пѣлъ. Ревъ его катился по рѣкѣ и пропадалъ за горами. А въ отвѣтъ ему оглушительно и дико, со свистомъ и хрипотой, яростно оралъ нашъ пароходъ и, мощно барабаня колесами, весь сотрясался и дрожалъ, словно былъ охваченъ неукротимою злобой, словно мчался онъ въ бой. Потрясенный его могучимъ, страшнымъ голосомъ, я зажималъ уши и въ страхѣ бросался къ отцу: онъ мнѣ казался единственнымъ и вѣрнымъ моимъ оплотомъ въ этой огромной жизни, гдѣ исчезалъ я, какъ маленькая, незамѣтная пылинка.

— Чего ты, дурачокъ, боишься?—успокаивалъ меня отецъ:—это свистокъ, паръ! Вонъ видишь, какъ онъ устроенъ: повернуть ручку—паръ и бьетъ въ края этой мѣдной трубки.

И онъ послѣ свистка подводилъ меня къ трубкѣ, гдѣ расхаживалъ сердитый усастый человѣкъ въ форменномъ картузѣ, и объяснялъ ея устройство: онъ страстно любилъ механику и разсказывалъ мнѣ все это со своимъ обычнымъ увлеченіемъ... Потомъ подводилъ къ машинѣ и, говоря о ней, возвышался до истиннаго краснорѣчія. Я со страхомъ и любопытствомъ заглядывалъ въ огромное брюхо парохода и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, какъ работалъ могучій и страшный механизмъ, какъ двигались огромные, блестящіе ци-

Digitized by Google

линдры, облитые хлюпающимъ масломъ, и какъ копошились и кишѣли безчисленныя колесики.

— Это все паръ приводитъ въ движеніе!—объяснялъ отецъ:—но когда-нибудь наука выдумаетъ и „вѣчный двигатель“, который будетъ двигаться безъ пара, самъ, и—вѣчно!—продолжалъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и вѣрой,—онъ будетъ наподобіе вселенной и этихъ безчисленныхъ міровъ, которые всѣ ворочаются вокругъ солнца и звѣздъ... Каждая звѣзда вѣдь—это тоже солнце!

О „наукѣ“ онъ всегда отзывался съ большимъ уваженіемъ и любовью, и у насъ начинался упоительный разговоръ о звѣздахъ и планетахъ, о морѣ и солнцѣ, о жаркой сторонѣ, полной сказочныхъ чудесъ, о жителяхъ луны, о человѣческой душѣ, и мой отецъ давалъ волю своей пылкой фантазіи. Онъ умѣлъ разсказывать съ мельчайшими подробностями о томъ, чего самъ никогда не видалъ. Съ луны и звѣздъ мы опять спускались на землю, но не къ нашей печальной жизни, не въ тѣсныя каморки и бѣдныя хижины, хорошо знакомыя намъ, а въ роскошные дворцы и пышныя залы, къ жизни богатыхъ и счастливыхъ. Отецъ водилъ мою жадную мысль по безчисленнымъ сказочнымъ заламъ, безъ конца отворяя предо мной все новыя и новыя двери съ яшмовыми рукоятками, съ зеркальными стеклами, съ дивными звѣрями у мраморныхъ ступеней крыльца... Наконецъ, онъ описывалъ мнѣ жизнь царя съ такимъ обиліемъ подробностей и съ такимъ видомъ, какъ будто самъ былъ развѣнчаннымъ царемъ. Онъ описывалъ царское бѣлье, царское кушанье, весь день царя, его занятія и, наконецъ, спальню съ высокой золотой кроватью подъ краснымъ балдахиномъ изъ бархата и острымъ мечомъ, который виситъ на тонкой ниточкѣ надъ головой царя...

Digitized by Google

Грустная дѣйствительность нашей жизни была слишкомъ неприглядна, чтобъ ею интересоваться, и, два мечтателя, мы больше интересовались мечтами. Разсказы отца отвѣчали въ моей душѣ подвигамъ Бовы и Еруслана и уносили ее въ аристократическій міръ героизма и рыцарства.

Потомъ мы начинали играть передъ пароходной публикой. Насъ плотнымъ кольцомъ окружала разношерстная, любопытная толпа, разглядывая насъ и наши гусли, какъ нѣчто странное и неподходящее къ ея прозаической жизни.

А отецъ начиналъ „Пѣсню про Стеньку Разина“.

Изъ-за острова на стрежень,
На просторъ рѣчной волны
Выбѣгаютъ расписные,
Острогрудые челны!...

Мотивъ этой пѣсни былъ самый разбойническій, размашистый, и отецъ пѣлъ ее сильнымъ голосомъ вольно и широко...

А струны журчали, словно весла всплескивали, пѣсня мчалась мѣрными взмахами, и выходило похоже на то, какъ „острогрудые челны“ разрѣзаютъ звонкую волну, и какъ длинныя весла на солнцѣ блестятъ...

На переднемъ Стенька Разинъ,
Обнявшись съ своей княжной,
Свадьбу новую справляетъ,
И веселый, и хмельной...

Мнѣ, уже настроенному его разсказами, представлялась цѣлая стая лодокъ, „разубранныхъ коврами“, отчаянныя лица разбойниковъ и Разинъ, говорящій съ Волгой. А въ пѣснѣ разсказывалась вся эта поразительная исторія.

Эхъ ты, Волга, мать родная,
Волга, вольная рѣка!..

Digitized by Google

Гремитъ сильный голосъ отца, и мнѣ кажется, что это голосъ Разина.

Толпа вокругъ увеличивается, всѣ ждутъ, чѣмъ кончится пѣсня, а отецъ пропоетъ куплетъ и помолчитъ немного, только струны журчатъ, и звуки бѣгутъ, и мчатся легкіе челны.

Мощнымъ взмахомъ поднимаетъ
Онъ персидскую княжну
И за бортъ челна бросаетъ!

Рѣзко обрывается пѣсня: словно „ахнули“ всѣ, словно бросили весла... И опять повторяются послѣднія слова, но уже нѣжно, жалобно и медленно, словно душа разстается съ тѣломъ, и тихо плачутъ волны, принимая драгоцѣнный подарокъ:

И за бортъ челна бросаетъ...
Въ набѣжавшую волну...

И въ душѣ у Разина, въ темной ея глубинѣ, тоже что-то плачетъ... о любви, вырванной съ кровью изъ сердца. Но тотчасъ же начинается прежній размахъ, и отецъ, тряхнувъ кудрями, поетъ, какъ настоящій разбойникъ:

Гей, ты, Фролка, чортъ! пляши!
Грянемъ пѣсню удалую,
На поминъ ея души!
Изъ-за острова на стрежень
На просторъ...

И пѣсня заканчивается такъ же, какъ и начиналась: челны бѣгутъ, волны журчатъ, весла всплескиваютъ, и никакихъ слѣдовъ не остается на томъ мѣстѣ, гдѣ утопили княжну. Все исчезаетъ.

Выду-ль я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю!..

Потряхивая кудрями, переходитъ отецъ на другую пѣсню.

Digitized by Google

Унеси ты мое горе!..

Безпечныя, живыя трели русскихъ пѣсенъ, вдохновенный видъ и юмористическія движенія его пальцевъ по струнамъ мало-по-малу наэлектризовываютъ слушателей, и въ круглую дыру гусель сыплются мелкія деньги.

А ночью небо и Волга, и берега — все одѣвалось теплою мглой, въ небѣ выплывали лучистыя звѣздочки и въ черной мглѣ горизонта перепутывались съ разноцвѣтными огоньками маяковъ и встрѣчныхъ судовъ. Пароходъ мчался въ таинственную безбрежную мглу, изъ черной огромной трубы вмѣсто дыма столбомъ вылетали мелкія красныя искры и гасли на бархатномъ фонѣ черной ночи.

И мнѣ казалось, что какое-то сказочное чудовище съ красными огненными глазами, изрыгая искры, какъ змѣй-Горынычъ, уноситъ насъ въ невѣдомый, удивительный край...

И вотъ однажды утромъ этотъ край вдругъ предсталъ передъ моими глазами. Я проснулся отъ какого-то страннаго пѣнія. Пароходъ шелъ медленно. На носу парохода широкоплечій, чернобородый матросъ стоялъ у борта, и закидывая пестрый, длинный шестъ, нащупывалъ дно...

— Ше-есть!.. — пѣлъ онъ густымъ и мрачнымъ басомъ.

И тотчасъ же, какъ эхо, откликался ему гдѣ-то невидимый дрожащій теноръ и повторялъ за нимъ протяжно и печально:

— Ше-есть!..

И пока онъ тянулъ, коренастый матросъ опять погружалъ за бортъ свой шестъ и безнадежно пѣлъ:

— Пя-ать!..

— Пя-ать!..—жалобно подхватывалъ невидимка.

Digitized by Google

— Шесть съ половиной!—ободряюще и быстро вскрикивалъ басъ.

— Шесть съ половиной!—радостной скороговоркой повторялъ теноръ.

Но мрачный матросъ снова закидывалъ шестъ и опять протяжно и сердито пѣлъ:

— Шесть!..

— Шесть!.. — разочарованно и грустно звенѣлъ невидимый теноръ...

На горизонтѣ, совсѣмъ уже близко, зеленѣла высокая гора, а на горѣ блестѣлъ подъ лучами утренняго солнца красивый, словно сказочный городъ: онъ былъ обнесенъ зубчатой каменной стѣной съ башнями, старинныя церкви такъ и сіяли своими золотыми головами, а рѣка противъ города была вся, отъ одного берега до другого, запружена судами, и мачты этихъ судовъ съ безчисленными красными и бѣлыми флагами казались огромнымъ лѣсомъ, которому не видно было конца. И пароходъ нашъ подходилъ къ нимъ все ближе и ближе...

Мы съ отцомъ ходили по многолюднымъ, шумнымъ улицамъ огромнаго города, играли и пѣли подъ окнами многоэтажныхъ домовъ, пробирались сквозь разноцвѣтную, веселую, потную толпу...

Надъ ярмаркой стоялъ цѣлый адъ звуковъ: изъ трактировъ ревѣли „машины“ съ литаврами, бубнами и турецкими барабанами, доносилось безшабашное хоровое пѣніе съ визгомъ и пляской.

На улицахъ гремѣли ломовики и пролетки, жужжала оживленная толпа; уличные пѣвцы, музыканты и плясуны пѣли, играли и плясали, задирая головы на окна верхнихъ этажей. Это былъ все пришлый, не рус-

Digitized by Google

скій народъ: евреи и еврейки съ арфами и скрипками, уличные оркестры венгровъ съ мѣдными трубами и хриплыми контрабасами, музыканты-акробаты, изъ которыхъ каждый игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ: руками, ногами и головой и, наконецъ, гудочники-итальянцы съ гудкомъ подъ мышкой, въ національныхъ рваныхъ и засаленныхъ костюмахъ, съ красивыми загорѣлыми лицами и живыми мягкими тѣлодвиженіями, полными прирожденной граціи. Все это наигрывало, звенѣло, гудѣло, пѣло и плясало разомъ, создавая невообразимый гамъ: волынка тянула странные не русскіе мотивы, скрипки уличныхъ скрипачей визжали, разстроенныя струны арфъ безпомощно стонали, трубы неистово ревѣли и хрипѣли, литавры звенѣли, барабаны бухали, пѣвцы и пѣвицы надрывались, желая быть услышанными...

Толпа густыми волнами текла повсюду съ невнятнымъ гуломъ и жужжаніемъ; мелькали яркіе восточные костюмы: татары въ золотыхъ и серебряныхъ тюбитейкахъ, въ халатахъ изъ желтой и голубой матеріи, китайцы въ томъ нарядѣ, въ какомъ ихъ обыкновенно рисуютъ, въ широкихъ цвѣтныхъ шароварахъ, въ странной шляпѣ и странной обуви, косоглазые, смуглые, съ длинными тонкими усами, съ черной, жесткой косой. Уличные акробаты въ яркомъ трико сгибались въ кольцо, прыгали, перевертывались въ воздухѣ, ручныя обезьяны лазали по водосточнымъ трубамъ громадныхъ домовъ, заглядывая въ окна верхнихъ этажей, потѣшая толпу. Изъ оконъ трактировъ, откуда несся гамъ и гулъ голосовъ, грохотъ „машинъ“ и взвизгиванія женскаго хора, спокойно выглядывали полуобнаженныя женщины. Надъ пестрой, веселой и поющей толпой стояла золотистая пыль, освѣщенная жаркими лучами лѣтняго солнца...

Digitized by Google

Мы затерялись въ этой толкотнѣ со своими тихими, простодушными гуслями...

На огромной площади, полной народа, виднѣлся цѣлый рядъ „балагановъ“. На вышкѣ каждаго изъ нихъ гремѣлъ раздирающій уши оркестръ и кривлялись „паяцы“ въ смѣшномъ, дурацкомъ нарядѣ. Потрясая высокимъ колпакомъ съ погремушками, они отпускали ѣдкія шуточки, а толпа слушателей отвѣчала имъ шутками, еще болѣе смѣшными Набѣленныя лица „паяцовъ“ были непріятны, со щетинистыми усами, съ рѣзкими чертами и морщинами, со слѣдами пьяной и тяжелой жизни...

Тутъ же крутились карусели, каждая подъ свою музыку. Около одной карусели мы долго стояли и смотрѣли на музыкантовъ: ихъ было трое, и всѣ они были пьяны, въ растерзанныхъ одеждахъ, двое играли на гармоніяхъ, а третій — на барабанѣ, предаваясь игрѣ съ необыкновенной энергіей. Одинъ изъ гармонистовъ былъ только въ одномъ бѣльѣ... Нервное, блѣдное лицо его, обросшее рыжей щетиной, являло всѣ признаки долгодневнаго пьянства и сильнаго возбужденія, воспаленные глаза блестѣли, всѣ силы его души, казалось, были напряжены „во всю“, какъ натянутыя струны, и онъ игралъ мастерски, съ неистовствомъ, съ бѣшеной энергіей, въ какомъ-то изступленіи... Играя, онъ размахивалъ гармоніей, поднималъ ее надъ головой, растягивалъ ея длиннѣйшіе мѣхи и, въ упоеніи собственной игрой, качалъ нечесаной мохнатой головой, а гармонія такъ и пѣла, говорила, рыдала и смѣялась, и звенѣла болью натянутыхъ нервовъ, „до бѣлья“ пропившагося тѣла, и широкимъ размахомъ русской души, которая развернулась и удержу знать не хочетъ.

— Ай, да портной!—говорили кругомъ: — пропился человѣкъ, въ музыканты попалъ, а ловко наяриваетъ!.. Яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего!..

Digitized by Google

Второй гармонистъ аккомпанировалъ столь же энергично и, судя по чернымъ рукамъ, былъ сапожникомъ. Но всѣхъ энергичнѣе былъ барабанщикъ, деревенскій парень... Весь красный отъ своей работы, обливаясь потомъ, онъ злобно и ожесточенно билъ палкой въ большой турецкій барабанъ, словно тотъ былъ его заклятымъ врагомъ.

— Жарь!—слышалось изъ толпы:—сыпь, ребята!

Отъ музыки этихъ троихъ музыкантовъ вѣяло огромнымъ подъемомъ настроенія, силой энергіи, удалью и ширью...

Около „силомѣра“ мы заинтересовались богатыремъ-калачникомъ: онъ былъ почти на голову выше толпы, весь въ мукѣ, съ рыжими курчавыми усами, въ картузѣ на ухо и до-нельзя рваномъ пиджакѣ въ накидку... Какой у него былъ героическій видъ! Какъ гордо смотрѣлъ онъ на толпу, какъ легко раздвинулъ ее своимъ богатырскимъ плечомъ! Изъ устъ его рѣкой лилась риѳмованная ругань, онъ ругался артистически, торжественно и побѣдоносно, выражая звонкою руганью избытокъ силъ и благодушно-боевое настроеніе.

И онъ одной рукой бралъ тяжелый деревянный молотъ, вдохновенно билъ имъ, кверху по доскѣ взлеталъ кусочекъ желѣза и эффектно разбивалъ пистонъ...

— Ссаривай! Знай нашихъ, почитай своихъ! Что, черти? Живота вамъ, али смерти?—вызывающе ругался калачникъ.

Онъ побѣдилъ всѣхъ, презрительно раздвинулъ толпу и гордо исчезъ въ ревущей пасти ближайшаго кабака.

Гулъ и стонъ стоялъ надъ ярмаркой... Мы съ трудомъ продирались сквозь густую толпу, останавливаясь кое-гдѣ поглазѣть... Насъ обоихъ подавляло обиліе впечатлѣній, лицъ, красокъ и звуковъ... Толпа, представлявшая смѣсь всероссійскихъ типовъ, физіономій и одеждъ

Digitized by Google

всѣхъ странъ и народовъ, съ гуломъ, говоромъ, пѣніемъ и руганью, безконечнымъ потокомъ проходила передъ нами: китайцы, бухарцы, негры и итальянцы смѣнялись русскими купцами, мужиками, барынями, сапожниками и калачниками.

А по серединѣ площади какой-то разносчикъ выставилъ зеркальный шаръ, величиной съ „камышинскій“ арбузъ, и на его поверхности отражалась вся ярмарка, со всѣми зданіями, со всѣмъ движеніемъ разноцвѣтно-одѣтой толпы, въ которой мы увидали и себя, маленькими, словно на фотографической карточкѣ: я долго разсматривалъ въ безконечной смѣнѣ лицъ крохотныя отраженія кудряваго гусляра съ характернымъ, энергичнымъ лицомъ, съ гуслями за плечами, и маленькаго деревенскаго мальчика рядомъ съ нимъ.

Отецъ вспомнилъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ долженъ быть памятникъ Минину и Пожарскому. Онъ разсказалъ мнѣ объ этихъ людяхъ и хотѣлъ показать памятникъ, но не зналъ, какъ его отыскать, и сколько ни спрашивалъ встрѣчныхъ, никто ничего не могъ сказать о памятникѣ. Каждый думалъ о своемъ личномъ дѣлѣ, настроеніе у всѣхъ было злободневное, торговое, только мы съ отцомъ интересовались героями и на ярмаркѣ жизни искали чего-то, что̀ было чуждо всѣмъ и близко намъ. Отецъ, наконецъ, рѣшилъ, что Минина и Пожарскаго нѣтъ здѣсь.

— Есть другой Новгородъ,—сказалъ онъ мнѣ:—такъ они тамъ, въ другомъ Новгородѣ!

Наконецъ, мы попали въ грязный и низенькій трактиръ; тамъ было много комнатъ, и во всѣхъ комнатахъ толпились люди, сидѣли за столами и пили. Въ трактирѣ стоялъ гулъ и шумъ голосовъ, звонъ посуды, гремѣло пѣніе. Въ самой большой комнатѣ, на

Digitized by Google

возвышенной площадкѣ, пѣли пѣсни женщины въ коротенькихъ платьицахъ и съ голыми плечами. Онѣ слегка пританцовывали и, оттопыривая пальцами свои кисейные подолы, потрясали ими въ тактъ своему пѣнію. Одна изъ нихъ, которая стояла впереди, запѣвала сильнымъ, грудным голосомъ:

Разъ въ когтяхъ нужды-злодѣйки
Стукнулъ нищій въ дверь мою,
Но сама я безъ копѣйки
Голодаю, да пою!
— Тру-ля-ля! Тру-ля-ля!

Припѣвали остальныя, чуть-чуть поднимали юбки, пританцовывали и неестественно улыбались.

Ради неба, проситъ пищи,
И пуста его сума...
Жаль бѣднягу!.. Хочешь, нищій,
Вмѣсто хлѣба — я сама?..
— Тру-ля-ля! Тру-ля-ля!

Весело подхватывалъ хоръ пѣвицъ. Всѣ онѣ были очень красивыя, молодыя, — голоса звенѣли, какъ струны...

Наше появленіе было замѣчено хозяевами трактира, и намъ позволили въ антрактѣ показать свое искусство. Отцу дали столъ, онъ положилъ на него гусли, засучилъ рукава, настроилъ струны, тряхнулъ кудрями и заигралъ.

Онъ заигралъ печальную, задушевную пѣсню... Рѣзко выдѣляясь, прозвучала она въ этомъ грязномъ городскомъ трактирѣ, среди безшабашнаго веселья и нечистыхъ пѣсенъ. Невинныя гусельныя трели какъ бы случайно залетѣли сюда, словно пойманныя полевыя птички. Отъ нихъ вѣяло чистымъ воздухомъ полей, онѣ какъ будто грустили, одиноко порхая въ нездоровомъ воздухѣ огромнаго, возбужденнаго города. А у насъ

Digitized by Google

обоихъ, у отца и у меня, на сердцѣ была печаль по оставленной деревнѣ и страхъ передъ городомъ...

Къ намъ прислушивались. Шумъ трактира сталъ глуше.

Тогда отецъ запѣлъ:

Вѣтка, вѣтка бѣдная,
Ты куда плывешь?
Берегись, сердечная:
Въ морѣ пропадешь!

Жалобныя трели и грустные аккорды гусель опять заговорили, словно повторяя его слова, а онъ, помолчавъ, продолжалъ свою пѣсню:

Нечего беречься мнѣ!
Вѣткинъ былъ отвѣтъ:
Я уже изсохшая,
Во мнѣ жизни нѣтъ!

Какъ задушевно, какъ грустно онъ пѣлъ своимъ теплымъ голосомъ!.. Негромкій, но густой и слышный, этотъ голосъ переплылъ черезъ весь гамъ трактира, какъ волна, и смолкъ, а трели повторили его слова и передали его басамъ. Басы согласились, но тихо спросили о чемъ-то...

Отъ родного деревца
Вѣтеръ оторвалъ!

Объяснилъ отецъ, и ноздри его раздулись, и глаза внезапно заблестѣли...

Пусть теперь несетъ меня
Куда хочетъ валъ!..

И опять заговорили печальныя струны... Тутъ подошла къ намъ замѣчательно красивая дѣвушка. Я былъ до глубины души пораженъ ея красотой и фантастическимъ яркимъ нарядомъ: на ея черныхъ густыхъ волосахъ лежала красная шелковая шапочка, украшенная мелкими серебряными монетами, вся грудь была въ

Digitized by Google

ожерельяхъ изъ монетъ, рукава куртки широкіе, расшитые золотой бахромой, а юбка на дѣвушкѣ была изъ краснаго атласа... Она весело смотрѣла огромными черными глазами изъ-подъ густыхъ и длинныхъ рѣсницъ и казалась очень живой и возбужденной... Смуглая, румяная, съ южными чертами лица, она была дивно хороша! И голосъ у нея былъ музыкальный, похожій на звукъ свирѣли, а говорила она, словно пѣла, чужимъ, не нашимъ говоромъ, „по-хохлацки“, какъ объяснилъ мнѣ послѣ отецъ.

— Бандуристіку, голубчичку! Заграй мені, а я заспиваю! Заграй, кучерявый!

И она громко запѣла своимъ свирѣльнымъ голосомъ:

Віютъ витры, віютъ буйны,
Ажъ дерева гнутця!..

Отецъ сразу подхватилъ на гусляхъ аккомпаниментъ, и сильное груднее сопрано такъ и зазвенѣло по всему трактиру... Ея голосъ былъ яркій и горячій, какъ лучи ея родного, южнаго солнца и брызгалъ, словно огненный дождь, обдавая толпу... Теперь мы уже сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія, со всего трактира прихлынулъ народъ, кольцомъ окружилъ пѣвицу и гусляра, а она пѣла, ни на кого не глядя, и лицо ея было теперь такое гордое, мрачное и прекрасное!..

Ой, якъ болитъ мое сердце,
А слезы не льютця!..

Разливалась по трактиру печальная пѣсня. Но слезы обильнымъ ручьемъ уже текли изъ ея прекрасныхъ глазъ. Она пѣла задушевно и грустно и такъ была красива, поющая и плачущая, что жаль было смотрѣть на нее.

Вдругъ она быстро положила хорошенькую ручку на струны и остановила пѣсню.

— Веселую!—крикнула она.

Digitized by Google

Отецъ заигралъ веселую.

А она тряхнула головкой, повела плечами, зазвенѣла всѣми своими монетами, улыбнулась и, плавно поворачиваясь на каблукахъ, граціозно покачивая станомъ и разводя руками, запѣла:

Попьемъ, попоемъ—
Все горе забудемъ,
А смерть прійдетъ—
Умирать будемъ!..

Слушатели смѣялись. „Ловко поетъ!“ говорили одни. „Пьяная“, возражали другіе.

Она пѣла и хлопала въ ладошки, притопывая каблучками и плавно поворачиваясь кругомъ себя, а по лицу ея все еще текли слезы.

Въ эту минуту явился полицейскій въ сопровожденіи толстаго, хорошо одѣтаго господина. Полицейскій грубо ухватилъ пѣвицу за руку и прекратилъ ея веселье, а господинъ что-то такое говорилъ, и видъ у него былъ оскорбленный и обиженный. А она покорно пошла съ ними изъ трактира и только громко ругалась непечатными словами. Въ толпѣ звучали слова: „убѣжала“, „били“, „обязана“ и еще что-то, непонятное мнѣ.

Мы играли въ этомъ трактирѣ нѣсколько дней. Потомъ насъ пригласили въ другой. Тамъ было то же самое. Наконецъ, мы получили приглашеніе въ большой трактиръ играть тамъ до конца ярмарки на жалованье въ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, на всемъ готовомъ.

Трактиръ помѣщался во второмъ этажѣ огромнаго дома, и въ него вела длинная, широкая лѣстница. Въ наше распоряженіе дали крохотную, полутемную каморку, два раза въ день подавали чай, въ полдень обѣдъ и поздно вечеромъ ужинъ.

Digitized by Google

Днемъ почти нечего было дѣлать: трактиръ пустовалъ, и только по временамъ приходила пить чай большая компанія татарскихъ купцовъ. Они всѣ были одѣты въ дорогіе національные костюмы яркаго цвѣта, ходили въ калошахъ и ичигахъ изъ зеленаго сафьяна, а съ бритыхъ головъ не снимали дорогихъ тюбитеекъ, густо расшитыхъ золотомъ и серебромъ. Все на нихъ блестѣло и шелестѣло. Они были важные, молчаливые, медлительные и говорили на странномъ, гортанномъ языкѣ. Имъ подавали на большомъ подносѣ фарфоровыя чашечки, низенькія и широкія, похожія на татарскія тюбитейки, и они медленно и долго пили изъ нихъ густой чай. Въ нашей музыкѣ они не нуждались.

Днемъ отецъ обыкновенно разучивалъ про себя новые мотивы, слышанные имъ здѣсь. У него былъ хорошій слухъ и большая память, и онъ уже игралъ на своихъ гусляхъ всѣ „марши“, „польки“ и всевозможные отрывки изъ оперъ и оперетокъ, усвоенные имъ отъ здѣшнихъ бродячихъ музыкантовъ. Игралъ онъ и всѣ нѣжно-печальные, одного характера, нижегородскіе народные напѣвы, неумолчно звучавшіе въ воздухѣ.

А вся ярмарка, прежде всего, гудѣла здѣсь пѣснями: онѣ носились въ воздухѣ, лѣзли въ уши и неизбѣжно запечатлѣвались въ памяти. Эти мелодичныя нижегородскія пѣсни, въ которыхъ неизмѣнно воспѣвались любовь и разлука, до сихъ поръ звучатъ у меня въ ушахъ: онѣ особенно хорошо выходили на нѣжныхъ гусельныхъ струнахъ.

Онъ разучивалъ эти пѣсни и даже, кажется, сочинялъ свои, а я въ это время упивался чтеніемъ лубочной книги, купленной за пятакъ: этотъ пятакъ я ежедневно сталъ требовать у отца, помня его обѣщаніе. Онъ сначала давалъ охотно, но потомъ сталъ отказывать и сердиться.

Digitized by Google

А я всѣмъ существомъ моимъ жилъ въ мірѣ богатырей, рыцарей, волшебниковъ и драконовъ. Послѣ каждой прочитанной сказки я долго не могъ успокоиться и пытался передавать мои впечатлѣнія бумагѣ: я рисовалъ. Такъ какъ рисовалъ я безъ устали и вѣчно, то на бумагу для этого тоже не было денегъ, и я подбиралъ на полу оберточную бумагу и покрывалъ ее изображеніемъ вооруженныхъ съ ногъ до головы рыцарей, снабжая каждое изображеніе подписью въ формѣ двустишія.

Я продолжалъ свои занятія и вечеромъ, когда подъ потолкомъ трактира зажигали лампы, и пользовался желтой оберточной бумагой изъ-подъ гильзъ, которая при свѣтѣ лампъ становилась бѣлой, и на ней можно было рисовать. Отъ рисованія отрывалъ меня отецъ, налаживая струны и принимаясь за „работу“: трактиръ начиналъ наполняться „гостями“.

Я чувствовалъ себя такъ, какъ будто бы только-что очнулся отъ роскошныхъ и сладкихъ сновидѣній, и съ тоской начиналъ бить въ звонокъ, а отецъ разливалъ по трактиру звонкія гусельныя трели.

Иногда мы пѣли дуэтомъ „Стонетъ сизый голубочекъ“, или „Вотъ на пути село большое“, или „Вѣтку“. У меня былъ звонкій дискантъ, и я любилъ пѣть, но пѣть по принужденію не хотѣлъ и часто отказывался отъ пѣнія. Тогда мы ссорились.

— Пой!—говорилъ мнѣ отецъ.

Настроеніе мое моментально становилось мрачнымъ, я „бычился“ и молчалъ.

— Пой, говорятъ тебѣ!—горячился отецъ и начиналъ аккомпаниментъ.

Гусли рокотали. Я молчалъ.

— Пой, чортъ тебя подери!—уже ревѣлъ онъ на меня въ бѣшенствѣ.

Digitized by Google

Я начиналъ пѣть, но оказывалось, что, по случаю грубаго обращенія со мной, у меня совсѣмъ пропалъ мой обычный звонкій голосъ: онъ дрожитъ, обрывается, слабѣетъ, а глаза мои наполняются слезами оскорбленнаго самолюбія.

— Громче!—кипятится отецъ.

Я совсѣмъ умолкаю: горло сдавлено спазмой, по щекамъ льются слезы.

— Тьфу! ни одной книжки тебѣ не куплю! Звони!

И онъ пѣлъ одинъ „комическіе“ куплеты:

Встрѣча-то премерзкая:
Лавочникъ идетъ,
А жена-то, дерзкая,
Въ лавкѣ въ долгъ беретъ!
Дѣти плачутъ съ голоду,
Дохнетъ вся семья:
Глупо сдѣлалъ смолоду,
Что женился я...

Онъ пѣлъ и по-прежнему энергично потряхивалъ кудрями, но сквозь веселый строй гусель пробивалась печаль...

Когда, по окончаніи игры, никто изъ публики не подходилъ къ гусляру и не бросалъ на струны мелкихъ денегъ, тогда отецъ посылалъ меня обходить слушателей съ протянутой шляпой въ рукѣ. Изъ-за этого у насъ тоже выходили препирательства, но угроза лишенія книгъ дѣйствовала, и я шелъ собирать деньги.

Смущенно путешествуя со шляпой, я чувствовалъ себя униженнымъ: гордость моя страдала. Нѣкоторые давали мнѣ деньги со словами: „это тебѣ“, но я все отдавалъ отцу.

„Гости“ все прибывали, голоса ихъ начинали сливаться въ одинъ общій гулъ, и мы барабанили всю ночь почти безъ передышки. Мало-по-малу фигуры гостей расплывались, разбухали, выростали до потолка, потомъ

Digitized by Google

сразу исчезали, гулъ трактира становился глуше, въ ушахъ гудѣли только знакомые звуки гусель, и я звонилъ сквозь сонъ, съ закрытыми глазами. Толчокъ отцовской руки пробуждалъ меня, я поднималъ голову и опять, постепенно склоняя ее, звонилъ, звонилъ, звонилъ...

У отца на всѣхъ пальцахъ были кожаные „напалки“, иначе, какъ говорилъ онъ, „пальцы можно протереть до кости“.

Такова была наша „работа“.

Однажды утромъ, когда трактиръ пустовалъ, и мы были свободны, отецъ спускался со мной по длинной лѣстницѣ изъ трактира, чтобы идти купаться на Оку.

На лѣстницѣ, какъ и во всемъ трактирѣ, было пусто, тихо. Вдругъ на ней появились какіе-то люди и бросились къ отцу. Одинъ изъ нихъ, звѣрообразный, рыжій, похожій на того парня, который хотѣлъ разбить гусли, загородилъ отцу дорогу.

— Ты что, хромой чортъ, намъ вчера испортилъ дѣло?—хриплымъ голосомъ зарычалъ онъ.

— А то, что я не согласенъ людей грабить,—отвѣчалъ отецъ.—Пошелъ прочь!

— Ахъ ты... ш... шерстобитъ! — злобно зашипѣлъ рыжій и схватилъ отца за горло. Трое другихъ молча вцѣпились въ него, и началась борьба; отецъ одной рукой держался за перила, а другую, на которой кто-то повисъ, напрягался поднять. Рыжій душилъ его, и онъ хрипѣлъ, лицо налилось кровью, глаза страшно выкатились. Я пронзительно визжалъ и колотилъ ручонками рыжаго. Мой визгъ спасъ отца: сверху прибѣжали половые, таинственные люди бросились на улицу и убѣжали.

Отецъ едва отдышался.

— Разбойники!—говорилъ онъ всѣмъ собравшимся.— Хотѣли они вчера обобрать пьянаго купца, да я не со-

Digitized by Google

гласился, а безъ меня нельзя было! Такъ вотъ—за это! Тутъ грабежомъ деньги-то наживаютъ! Ну, якшаться съ ними намъ не рука!

Онъ тряхнулъ кудрями и шутливо добавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Видно, Копка, здѣсь у насъ дѣла-то не пойдутъ по маслу!

„Дѣла“ шли у насъ, дѣйствительно, далеко не по маслу. „Доходы“, на которые разсчитывалъ отецъ, были плохіе, а на „темныя“ дѣла онъ не соглашался; значитъ, о солидномъ заработкѣ нечего было и думать.

Но я знать ничего не хотѣлъ и каждый день клянчилъ пятакъ на книжку. Когда въ трактиръ заходилъ разносчикъ съ коробомъ лубочныхъ книгъ и картинъ, я ударялся въ слезы.

— Купи книжку!—умолялъ я отца, обливаясь слезами.

— Денегъ нѣтъ, не куплю!—сурово отвѣчалъ онъ.

— Купи-и! — приставалъ я, всхлипывая. — Деньги есть, я самъ видалъ въ сундукѣ!

— Отстань! какія это деньги? Онѣ нужны тебѣ же: на сапоги, на рубашку!

— Не надо мнѣ сапоги! не надо рубашку! книжку мнѣ! Вѣдь только пята-акъ! — тянулъ я его за душу.

— Сегодня пятакъ, завтра пятакъ!.. Это — его же царствію не будетъ конца!

— Купи-и!..

Я реву. Все лицо мое мокро отъ слезъ.

— Я тебѣ всѣ пѣсни буду пѣть! Буду слушаться!— пускаюсь я на обѣщанія.

— Не куплю!—говоритъ онъ непреклонно.

— Зачѣмъ же ты меня обманулъ? — сквозь рыданія кричу я, испытывая первое разочарованіе въ жизни.

— Чѣмъ я тебя обманулъ?

Digitized by Google

— Ты... говорилъ... какъ пріѣдемъ въ Нижній... каждый день.... по книжкѣ...

Родникъ моихъ слезъ оказывался неизсякаемымъ... Я поступалъ жестоко: вѣроятно, отцу было тяжело видѣть мое горе. Но онъ оставался непреклоннымъ поневолѣ: впереди стоялъ грозный призракъ безпріютныхъ скитаній безъ гроша за душой...

Опрометчивое обѣщаніе, данное мнѣ отцомъ о ежедневной покупкѣ книгъ, имѣло для меня огромное значеніе. Мечта о ежедневномъ чтеніи все новыхъ и новыхъ книгъ составляла для меня весь интересъ жизни, и ради этой мечты я терпѣливо переносилъ все, что̀ было для меня ненавистнаго въ нашемъ ремеслѣ. Эту мечту я лелѣялъ долго, еще когда мы ѣхали по Волгѣ. Я никакъ не ожидалъ, что отецъ меня обманетъ, и не хотѣлъ взять въ толкъ нашего экономическаго положенія: книжка мнѣ казалась нужнѣе сапогъ.

Какая-то мысль мелькнула у меня. Хотя плакалъ я вполнѣ искренно, но, тѣмъ не менѣе, имѣлъ и разсчетъ, что мои слезы разжалобятъ отца. Когда же онъ устоялъ противъ слезъ и занялся разучиваніемъ, я сразу бросилъ плакать, забился въ уголъ нашей каморки и сидѣлъ въ немъ долго и мрачно. Такъ я рѣшилъ непремѣнно поставить на своемъ.

Мнѣ захотѣлось отнять у отца пятакъ. Но тутъ я вспомнилъ его расправу съ купцомъ и четверыхъ „разбойниковъ“, которые не могли его свалить на лѣстницѣ съ единственной ноги, и сообразилъ, что онъ—сильный, а я—малъ и слабъ. Значитъ — надо украсть. Пятаковъ въ сундучкѣ лежитъ цѣлая пригоршня: если взять одинъ изъ нихъ, то отецъ, пожалуй, и не замѣтитъ. А если и замѣтитъ—такъ что жъ? Я не боюсь! Я скажу: да, я взялъ, потому что это „мой“ пятакъ, заработанный мною, одинъ изъ тѣхъ, которые дадены „мнѣ“.

Digitized by Google

Пусть тогда не покупаетъ сапогъ, наплевать! Я считалъ себя совершенно правымъ и не только правымъ, но прямо обобраннымъ, а отца — присвоителемъ моего пятака и обманщикомъ.

Я смѣло открылъ сундукъ, взялъ пятакъ, лежавшій сверху другихъ пятаковъ въ маленькомъ ящикѣ сундука и, крѣпко зажавъ монету въ кулакѣ, побѣжалъ покупать книжку.

Мнѣ попался разносчикъ, у котораго только и осталось, что двѣ книжки: всѣ распродалъ. Одна была „Еруслань“, давно мнѣ извѣстная, а на розовой оберткѣ другой былъ нарисованъ рыцарь въ полномъ вооруженіи, заглавіе же книжки было „Донъ-Кихотъ“. Я любилъ рыцарей и купилъ эту книжку.

Читать я ее принялся тутъ же, на тумбѣ, между деревьями. Книга эта сразу увлекла меня. Я отъ всего сердца полюбилъ благороднаго и храбраго рыцаря, путь котораго былъ длиннымъ рядомъ несчастій и битвъ, а Донъ-Кихотъ не унывалъ и шелъ, какъ „сквозь строй“. И я находилъ сходство въ его судьбѣ съ моей собственной судьбой и судьбой моего отца и плакалъ, читая о страданіяхъ рыцаря...

Я наскоро смахивалъ рукавомъ слезы и снова проглатывалъ страницу за страницей, пока не кончилъ чтенія. Такихъ книгъ я еще не читывалъ и теперь былъ убѣжденъ, что лучшей книги нѣтъ на свѣтѣ. Я чувствовалъ себя послѣ чтенія, какъ въ чаду: голова горѣла, щекамъ было жарко, и казалось мнѣ, что все кругомъ задумалось о печальной исторіи: огромные пятиэтажные дома удивленно смотрѣли своими многочисленными окнами, словно хотѣли сказать: „вотъ такъ штука!“ а деревья совсѣмъ-таки явственно шептали надъ моей головой: „и ты, вѣдь, будешь... Донъ-Кихотомъ... Донъ-Кихотомъ!“

Digitized by Google

Наконецъ, я пришелъ въ себя. Какъ быть съ такой великолѣпной книгой? Какъ уничтожить ее? Можно ли разстаться съ такимъ другомъ, какъ Донъ-Кихотъ? Я былъ въ нерѣшительности, а храбрый рыцарь пристально смотрѣлъ на меня съ розовой обложки, воссѣдая на Россинантѣ, во всеоружіи своихъ доспѣховъ, и какъ бы говорилъ мнѣ, кивая: „не бойся!“

Я свернулъ книжку трубкой, положилъ въ карманъ штановъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился въ трактиръ. До самаго вечера я рисовалъ Донъ-Кихота на желтыхъ обложкахъ отъ гильзъ, слагая въ честь рыцаря самыя дружескія двустишія, потомъ всю ночь покорно игралъ съ отцомъ и даже пропѣлъ „Вотъ на пути село большое“.

Заснулъ я крѣпко и спокойно, какъ человѣкъ, которому удалось хорошее предпріятіе. Во снѣ подъѣзжалъ къ моему изголовью Донъ-Кихотъ и дружелюбно разговаривалъ со мной.

Когда я проснулся—утреннее солнце радостно било въ наше окно и освѣщало каморку розовымъ свѣтомъ... Первою моею мыслью былъ — Донъ-Кихотъ, и я схватился за карманъ: увы! книжки тамъ не было. Я поднялъ голову: у стола сидѣлъ отецъ, весь въ розовомъ освѣщеніи, и внимательно читалъ измятую книжку въ розовой обложкѣ—моего Донъ-Кихота. На лицѣ его я замѣтилъ удовольствіе. Онъ курилъ трубку, слегка улыбался, раздувая ноздри, и, видимо, одобрялъ подвиги Донъ-Кихота: храбрый рыцарь нравился и ему. Но едва онъ замѣтилъ, что я проснулся и шевелюсь, какъ лицо его приняло суровое и зловѣщее выраженіе.

— Поди сюда!—сказалъ онъ что-то черезчуръ ужъ спокойно;—гдѣ ты эту книжку взялъ?

— Купилъ.

— А гдѣ денегъ взялъ?

Digitized by Google

— Въ сундукѣ.

— Значитъ—у-кр-ралъ! — крикнулъ онъ, повышая голосъ и какъ бы срывая съ лица маску спокойствія: оно теперь пылало гнѣвомъ, розовое отъ восходящаго солнца.

Я стоялъ передъ нимъ съ опущенной головой, какъ подсудимый. Я обидѣлся, что отецъ заговорилъ со мной тономъ судьи, а не товарища, каковымъ онъ былъ до сихъ поръ. Я чувствовалъ какую-то неискренность съ его стороны, словно онъ играетъ роль. И я молчалъ. Что-то мнѣ мѣшало говорить. Помолчалъ и отецъ, выпустилъ облако табачнаго дыма, и оно расплылось по комнатѣ, освѣщенное золотыми лучами. Отецъ сердито посмотрѣлъ на солнце своими грозными глазами и заговорилъ о Донъ-Кихотѣ.

— Донъ-Кихотъ былъ честный рыцарь, — говорилъ онъ,—онъ шелъ напроломъ и никогда не воровалъ, не лазилъ исподтишка по сундукамъ... А ты — воришка, трусишка, непослушный сынъ! Ты—не рыцарь, а просто арестантъ!..

И онъ долго, краснорѣчиво и съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ, яркими красками рисовалъ мнѣ мое будущее: сначала я укралъ одинъ пятакъ. Если меня не наказать, то я украду другой, потомъ стащу и цѣлый рубль, потомъ больше, потомъ еще больше. Затѣмъ — „повадится кувшинъ по-воду, — сломать ему голову". Это значитъ, объяснилъ онъ, что „сколько вору ни воровать, а тюрьмы не миновать! быть бычку на веревочкѣ!" Я, наконецъ, попадаюсь жандармамъ въ синихъ мундирахъ, меня забираютъ и сажаютъ въ острогъ, одѣваютъ въ арестантскій халатъ, а ноги куютъ въ желѣзныя цѣпи. Мать видитъ меня въ цѣпяхъ и умираетъ съ горя, а весь народъ кричитъ: „смотрите, смотрите, арестанта ведутъ!" На груди у меня повѣшена черная доска, а на ней мѣломъ написано: „воръ!"

Digitized by Google

Это слово отецъ крикнулъ такъ, что я вздрогнулъ: оно словно било меня по лицу. Я хотѣлъ возражать, хотѣлъ оправдываться, объяснить ему... Но языкъ мой не хотѣлъ говорить; я былъ оскорбленъ и гордо молчалъ, а отецъ не понималъ моего молчанія и допекалъ меня.

— Поздно тушить пожаръ!—гремѣлъ онъ:—нужно тушить искру! зло нужно вырывать съ корнемъ въ самомъ началѣ! нужно сѣчь сына, когда онъ поперекъ лавочки укладывается, а не тогда, когда онъ и вдольто не уляжется!

— Ты думаешь,—не унимался онъ,—что мнѣ пятака жалко? Нѣтъ, мнѣ тебя жалко, потому что ты стоишь на краю пропасти и хочешь броситься туда. Сегодня ты посягнулъ на пятакъ отца твоего, а завтра посягнешь на пятакъ чужого дяди, потому что своихъ-то пятаковъ у насъ мало и всегда будетъ у тебя мало ихъ, запомни это! Мы — бѣдняки и не должны тягаться съ богачами: коза съ волкомъ тягалась—одна шкура осталась! А чужой-то дядя тебя въ бараній рогъ и согнетъ потому—онъ сила, съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись! На свѣтѣ такъ устроено, чтобы одни были бѣдные, а другіе богатые! И въ которомъ бѣднякѣ заводится такой духъ, чтобы завидовать богатымъ и не покоряться своей низкой долѣ, то этотъ бѣднякъ погибаетъ, какъ мошка отъ дождя, и я не хочу, чтобы ты погибъ, а для этого я обязанъ, какъ отецъ, тебя наказать, чтобы ты помнилъ и не воровалъ больше никогда.

И онъ сталъ торжественно приготовлять розги, чтобы истребить во мнѣ мятежный воровской волжскій духъ.

Я не вѣрилъ, что онъ меня высѣчетъ. Что-то поднялось и закипѣло въ моей груди, но оскорбленная гордость не позволяла говорить... А мнѣ хотѣлось крик-

Digitized by Google

нуть ему, что я уже не маленькій, мнѣ цѣлыхъ *семь* лѣтъ, что я такой же вольный пѣвецъ, какъ и онъ, и меня не за что сѣчь...

Онъ взялъ меня за руку и вывелъ на дворъ, подъ сарай...

Я чувствовалъ, что въ головѣ моей все переворачивается отъ ужаса, униженія и страха. Я готовъ былъ на все, лишь бы меня не сѣкли. И я униженно всталъ передъ нимъ на колѣни, рыдалъ, и даже лицемѣрно молилъ „о прощеніи". Гордый въ душѣ—я затрепеталъ при видѣ розогъ, я испугался предстоящихъ ударовъ...

Я струсилъ.

Но лицо отца было твердо и сурово. Онъ рѣшилъ.

— Не проси и не моли!—говорилъ онъ непреклонно.

Рыдающаго, полубезумнаго, положилъ онъ меня на скамейку и началъ сѣчь. Розги свистѣли въ воздухѣ и обжигали мою спину огненными полосами. Я вырывался, царапался, кусался, билъ ногами и пронзительно кричалъ.

Но отецъ крѣпко держалъ меня и сильно билъ. Потомъ у меня потемнѣло въ глазахъ.

Очнулся я въ каморкѣ, на постели. До спины нельзя было дотронуться: она была въ крови и ее жгло... Но гораздо сильнѣе жгло мою душу: и тѣло, и душа моя были въ крови.

Душу жгло какое-то новое чувство, котораго я прежде не испытывалъ: это была злоба.

Я думалъ объ отцѣ; онъ мнѣ теперь былъ ненавистенъ. Я чувствовалъ, что никогда не забуду и не прощу ему нанесенной мнѣ обиды. Какъ пріятно было бы увидѣть его теперь мертвымъ!.. Отца, котораго я такъ любилъ, безъ котораго не могъ представить себѣ своего существованія, за котораго я не задумался бы прежде пойти въ огонь—этого отца, такого дорогого для меня человѣка, единственнаго изъ людей, кого я до этихъ

Digitized by Google

поръ любилъ всѣми силами своей души—теперь я не могъ представить себѣ безъ ненависти и отвращенія.

Я сидѣлъ на постели въ неподвижной позѣ и чувствовалъ себя совершенно одинокимъ на всемъ свѣтѣ.

Я хотѣлъ плакать, но не плакалъ, слезъ не было. Упрямая злость застыла въ моемъ сердцѣ, жгла мою душу и сушила мои слезы. Я уже никого не любилъ, а всѣхъ ненавидѣлъ. Я ненавидѣлъ и отца, и всѣхъ половыхъ, и повара, и бабу съ ребятишками, и всю толпу, которая смотрѣла на то, какъ меня сѣкли. Наконецъ, я ненавидѣлъ самого себя, и это было всего тяжелѣе.

„И зачѣмъ это я на колѣни становился, да еще „миленькимъ“ его называлъ“, со стыдомъ думалъ я: „лицемѣрилъ и лгалъ, признавая себя виноватымъ, кричалъ и плакалъ, нужно бы молчать, какъ молчалъ Стенька Разинъ, а я испугался, струсилъ! Стыдъ! Не хочу быть трусомъ! Хочу быть храбрымъ, какъ Донъ-Кихотъ, и мужественнымъ, какъ Разинъ!“

И самолюбіе мое страдало отъ сознанія, что я не таковъ, какими были они. На полу валялся измятый Донъ-Кихотъ, розовая обложка книги сморщилась, и мнѣ показалось, что теперь онъ смотритъ на меня съ кислой гримасой презрѣнія.

Весь свѣтъ былъ мнѣ противенъ, не глядѣлъ бы на него. Жизнь моя какъ бы раздѣлилась на двѣ половины: свѣтлую, когда я еще не былъ битъ, и темную,—послѣ того, какъ меня высѣкли.

Свѣтлая жизнь исчезла безвозвратно, а теперешняя моя темная жизнь показалась мнѣ совершенно неинтересной, скучной, холодной...

И мнѣ захотѣлось умереть. Захотѣлось прекратить въ груди невыносимую, жгучую боль, которую я чувствовалъ. Сердце мое щемило...

И я представилъ себѣ, какъ я буду мертвъ, и какъ

Digitized by Google

отецъ будетъ плакать надо мной и раскаиваться въ томъ, что высѣкъ меня. О! Я отомщу отцу! я отомщу своею смертью!

Я чувствовалъ себя несправедливо обиженнымъ страдальцемъ, и мнѣ было смертельно жаль самого себя, и это чувство доставляло мнѣ мучительное наслажденіе. Злорадное чувство мести охватило мою горящую душу.

Я всталъ съ постели и вытащилъ изъ-подъ кровати веревку: я зналъ, что тамъ была веревка. Куда же привязать? Вотъ къ форточкѣ можно привязать... Я приставилъ стулъ къ печкѣ, приподнялся на цыпочки и привязалъ веревку къ чугунной плитѣ печной форточки; на другомъ концѣ была петля. „Теперь нужно запереть дверь!“ сказалъ я мысленно, соскочилъ со стула и заперъ дверь. Все это я продѣлалъ съ какимъ-то особеннымъ спокойствіемъ и чувствовалъ себя хитрымъ и предусмотрительнымъ человѣкомъ.

Однако, я торопился. На дворѣ былъ какой-то шумъ. „Яшка, подь сюды, эфіопская твоя морда!“ оралъ сердитый голосъ. Это поваръ поваренка ругаетъ. Экипажи гремятъ. Воробьи чирикаютъ. „Да что же это я? Скорѣе!“ шепталъ я самъ себѣ. Я просунулъ голову въ петлю и оттолкнулъ стулъ. Онъ съ грохотомъ упалъ, а меня куда-то потащило. Стѣны комнаты закачались, и мнѣ сдѣлалось страшно, и я опять струсилъ, мнѣ захотѣлось освободиться, снять петлю, спастись: я болталъ ногами въ воздухѣ, чтобы встать опять на стулъ. Хотѣлъ закричать и не могъ... Мнѣ показалось, что лицо мое раздулось, и кожа на немъ хочетъ лопнуть... Цѣлый вихрь мыслей завертѣлся въ моей головѣ. Съ удивительной ясностью вспомнилъ я всю мою коротенькую жизнь, деревни и села, поля, мать, кабаки, Волгу и ярмарку. Все это было, какъ на картинѣ, и имѣло какой-то особенный, таинственный смыслъ, какъ бываетъ

Digitized by Google

во снѣ, и я понялъ что-то такое самое главное, чего прежде не зналъ.

Зеленые, оранжевые и красные круги заходили передъ моими глазами, расплываясь все шире и шире, и наконецъ, моя жизнь освѣтилась яркимъ солнечнымъ свѣтомъ: она стала дивно прекрасной. Я почувствовалъ необыкновенный восторгъ. Гдѣ-то мягко и тихо играла стройная музыка, а около меня гармонично позванивали малиновымъ звономъ серебряные колокольчики... Сладкая истома счастья разлилась по всему моему тѣлу. Тогда моя жизнь стала понемногу удаляться отъ меня, солнечное сіяніе поблѣднѣло, появилась черная ночная мгла, по ея безбрежному, бархатному полю замелькали безчисленные огоньки и понеслись вдаль... Колокольчики звенѣли все тише и тише, музыка удалялась, огоньки мелькали все рѣже и, наконецъ, совсѣмъ погасли.

Кто-то случайно вытащилъ меня изъ петли.

III.

Два года мы были бродячими музыкантами. Мы побывали во всѣхъ поволжскихъ городахъ, переѣзжали изъ города въ городъ, переходили изъ трактира въ трактиръ, но вездѣ намъ жилось одинаково скверно.

Отецъ какъ-будто чего-то искалъ въ жизни; ощупью, скорѣе чутьемъ, чѣмъ сознательно, онъ стремился куда-то выбиться „изъ-подъ-низу“. Это былъ человѣкъ, неудовлетворенный жизнью. Его артистическая натура и живой умъ жаждали какой-то иной жизни, болѣе широкой и свѣтлой, чѣмъ та, которая предназначалась намъ, рожденнымъ въ низкой долѣ.

Digitized by Google

И онъ искалъ дороги. Но дороги не было. Вмѣсто лучшей жизни, мы попадали въ худшую, вмѣсто возвышенія—понижались, мы лѣзли „на гору“, но „чортъ“ неукоснительно схватывалъ насъ за „ногу“, и дѣла наши все еще не шли „по-маслу“, хотя отца нигдѣ не покидала глубокая вѣра, что они, эти дѣла, вотъ-вотъ, сейчасъ, завтра,—непремѣнно пойдутъ по-маслу.

Наконецъ, мы оставили музыкальный промыселъ: въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ отецъ поступилъ на механическій заводъ, изъ деревни пріѣхала мать, и мы зажили по семейному.

Но на заводѣ изъ людей „весь сокъ выжимали“ и умѣли держать ихъ „въ кабалѣ“, хотя и по новому. Отецъ цѣлый день проводилъ на заводѣ, дѣлая „шестерни“, и возвращался домой усталый и мрачный. Когда мы съ нимъ по-прежнему ложились вмѣстѣ спать, я видѣлъ, что все колѣно его изуродованной ноги покрыто кровавыми пятнами.

— Это мозоли, — говорилъ онъ мнѣ, — они ногу-то какъ огнемъ жгутъ!

Въ своихъ разсужденіяхъ теперь онъ подвергалъ рѣзкой критикѣ заводскіе порядки, потомъ дѣлалъ поэтическія обобщенія и переходилъ къ философскимъ разсужденіямъ „о жизни вообще“. Эти разсужденія онъ сводилъ къ баснѣ о Кривдѣ и Правдѣ и передавалъ ее въ лицахъ... „Правда, гдѣ ты?—восклицалъ онъ громкимъ голосомъ и самъ же отвѣчалъ, состроивъ смиренную и юмористическую физіономію: „Здѣсь-то я здѣсь, да за-корм-ле-на!“ и говорилъ эти слова тоненькимъ, словно пришибленнымъ голосомъ. И вдругъ, уже отъ себя, начиналъ громить Правду. Его возмущала ея „закормленность“ и забитость.

Я ходилъ въ школу. Тамъ не знали, что со мной дѣлать: по чтенію я годился хоть въ старшій классъ,

Digitized by Google

а по письму—въ самый младшій, такъ какъ могъ писать только „печатными“ буквами. Меня посадили въ младшій, гдѣ люди едва умѣли складывать слова, а я, читавшій лучше „старшихъ“, долженъ былъ заниматься только чистописаніемъ. И мнѣ было скучно въ школѣ. Товарищи мои казались мнѣ слишкомъ глупыми: ихъ занимала только свайка, бабки и голуби; книгъ они всѣ терпѣть не могли, а о богатыряхъ не имѣли понятія, никто изъ нихъ не путешествовалъ и ничего не зналъ. Я презиралъ ихъ, предпочитая оставаться въ обществѣ своего отца и лубочныхъ богатырей.

Жили мы около завода, подъ горой, недалеко отъ Волги и пристани. Заводъ съ высокой трубой стоялъ на самомъ берегу; въ полугорѣ тѣсно жались лачуги всякой голи и бѣдноты; тамъ, во дворѣ, снимали мы у кого-то комнату за три рубля. А выше насъ громоздились большіе каменные дома и гудѣлъ городъ.

Нашъ дворъ былъ весь застроенъ лачугами, переполненъ жильцами, комната наша была такая грустная, грязная, оклеенная старыми шпалерами, а потолокъ — писчей бумагой: онъ протекалъ отъ дождя, и отъ этого на бумагѣ образовались причудливые узоры; я любилъ смотрѣть на нихъ и различать въ этихъ узорахъ облака, замки, рыцарей и драконовъ.

За тонкой досчатой перегородкой жилъ хозяинъ хибарки... Онъ былъ всегда пьянъ и постоянно пѣлъ одну и ту же пѣсню „Воспой, воспой, жавороночекъ!“ Пѣсня была очень грустная и звучала за переборкой денно и нощно...

Однажды въ праздникъ, въ лѣтній день, въ городѣ случился пожаръ... Пожары происходили почти каждый день, и населеніе нашего двора относилось къ нимъ только, какъ къ даровому зрѣлищу... Обыкновенно эти зрѣлища не были продолжительными: пожаръ скоро ту-

Digitized by Google

шили. Но въ этотъ день онъ что-то затянулся: изъ города къ намъ плыли облака чернаго дыма, доносился грохотъ скачущей пожарной команды, гулъ толпы и тревожные звуки набата. День былъ вѣтреный, по Волгѣ ходили бѣляки, а въ черномъ дыму порой летѣли „галки"—горящія головни...

Съ нашего двора множество людей побѣжало „на пожаръ"... Черныя облака все увеличивались: теперь уже и намъ изъ-подъ горы было видно, какъ порой лизали ихъ красные языки пламени. Вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе дулъ къ Волгѣ, доносилъ къ намъ запахъ гари и дыма. Прибѣжавшіе съ пожара говорили, что его никакъ не могутъ остановить: „галки" летятъ во всѣ стороны, и огонь перекидывается; вся главная улица въ огнѣ, пожаръ идетъ къ Волгѣ...

И этимъ тревожнымъ разсказамъ аккомпанировали возрастающіе приливы набата, гулъ пожара и вой вѣтра... Дымъ и пыль, смѣшиваясь, крутились въ воздухѣ и застилали солнце, и оно свѣтило какимъ-то зловѣщимъ, сказочнымъ свѣтомъ. Нѣкоторые „на всякій случай" начали „таскаться", выбираясь изъ хибарокъ, но отецъ мой запретилъ матери связывать нашъ скарбъ въ узлы.

— Терпѣть этого не могу!—возмущался онъ, энергично выколачивая изъ трубки.

— Да вѣдь другіе же таскаются? — возражала она.

— Другіе! Мало ли что другіе? Другіе-то богатые, у нихъ много всего, вотъ они и боятся пожара,—вотъ и таскаются! А у насъ вѣдь нѣтъ ничего, терять намъ нечего и таскать тоже нечего! Не моги! пожаръ сюда не дойдетъ!

Онъ закурилъ трубку, выпустилъ дымъ изъ ноздрей и продолжалъ:

— А жаль, если не дойдетъ: давно ужъ эти гни-

Digitized by Google

лушки пожара дожидаются, да и заводу-то надо бы сгорѣть, ежели по справедливости-то! Все бы нѣмчура-то нашъ поплясалъ немножко!.. Штрафовайтъ! Штрафовайтъ! Глюпъ! Карашо штрафовайтъ!

И онъ артистически передразнилъ нѣмца, хозяина завода. Нѣмецъ въ глазахъ моего отца имѣлъ въ себѣ нѣчто глубоко-юмористическое.

Отецъ спокойно отправился на пожаръ: онъ очень любилъ пожары. А мы съ матерью воспользовались его отсутствіемъ и стали „таскаться“.

Мы вытащили наше жалкое имущество: постель, нѣсколько узловъ и гусли къ воротамъ, гдѣ уже расположилось все населеніе нашего двора, напоминавшее цыганскій таборъ.

Подражая отцу, я тоже побѣжалъ на пожаръ.

Тамъ, на горѣ — весь городъ гудѣлъ... Народъ толпами бѣжалъ туда и оттуда... Къ Волгѣ скакали пожарныя бочки, запряженныя парой сильныхъ лошадей, съ пожарными въ мѣдныхъ каскахъ, и возвращались обратно, съ водой.... Я бѣжалъ въ гору по скверномъ тротуарамъ изъ булыжниковъ, попадая людямъ подъ ноги, невольно заражаясь общимъ возбужденіемъ.

На главной улицѣ, на горѣ, свирѣпствовалъ необыкновенный пожаръ: все кругомъ горѣло, дымилось, рушилось, трещало, грохотало... Примыкающая къ пожару улица была запружена толпой народа, лошадьми, бочками, насосами, грудами узловъ и всякаго имущества... Черный ѣдкій дымъ застилалъ всю картину, могучее пламя, раздуваемое бурей, выло и металось, вся толпа кричала, и въ этомъ общемъ крикѣ ничего нельзя было разобрать: всѣ звуки покрывалъ потрясающій набатъ: онъ гудѣлъ грозными частыми ударами, и эти удары слились въ оглушительный мѣдный вой и стонъ; набатъ возбуждалъ, требовалъ и грозилъ...

Digitized by Google

Я испугался, стиснутый густою толпой... Вдругъ появились солдаты... Впереди ихъ былъ толстый и сѣдой вояка, въ эполетахъ, генералъ, какъ я подумалъ. Онъ махалъ рукой и что-то кричалъ толпѣ, которая запрудила улицу... Толпа не слушала. Тогда солдаты обнажили сабли и двинулись на нее: толпа ухнула и съ гуломъ подалась назадъ... Произошла давка: женщины визжали и плакали, мужчины ругались, упавшихъ топтали ногами... Я стоялъ у стѣны, прижатый къ ней... Густая волна народа хлынула къ стѣнѣ, и я былъ бы раздавленъ, если бы чья-то мощная рука не схватила меня за шиворотъ и не приподняла на воздухъ. Это была рука моего отца. Онъ какъ разъ наткнулся на меня, загородилъ мое тѣло своимъ и, упершись въ стѣну руками, выдержалъ на своихъ плечахъ стихійный напоръ толпы. Скоро она отхлынула, и тогда отецъ, только что спасшій мнѣ жизнь, той же самой мощной рукой сгребъ меня за волосы и далъ краткую, но внушительную таску... Онъ былъ взбѣшенъ моимъ присутствіемъ на пожарѣ.

— Я тебя, мерзавецъ! — гнѣвно закричалъ онъ на меня:—бѣги домой, чтобы духу твоего здѣсь не было!

Я заплакалъ отъ боли и побѣжалъ домой. Когда боль прошла, я пересталъ плакать, находя таску вполнѣ заслуженной.

Вслѣдъ за мной пришелъ и отецъ. Увидя, что мать все-таки вытащила имущество къ воротамъ и сидитъ на узлахъ, онъ остался ею доволенъ и разсмѣялся.

— А вѣдь и впрямь дойдетъ сюда!—сказалъ онъ;—сгоритъ весь нашъ клоповникъ! Эй, жавороночекъ! крикнулъ онъ хозяину:—горишь?

— Горю!—весело отвѣчалъ плюгавый мѣщанинъ съ мочальной бороденкой, одѣтый въ казинетовый пиджакъ. Онъ выколачивалъ обухомъ косяки изъ дверей и оконъ

Digitized by Google

своей хибары, былъ, по обыкновенію, выпивши и пѣлъ:

Воспо-ой, воспо-ой, живоро-о-ны-чикъ!..

— Эхъ!—вскричалъ отецъ, расхаживая по двору:— одного жалко: въ погребѣ цѣлая корчага сметаны осталась! Копка! — дружески обратился онъ ко мнѣ: — ну тебя злиться-то! полѣземъ въ погребъ сметану ѣсть!..

— Полѣземъ! — сказалъ я важно, польщенный его извиненіемъ.

И мы спустились въ погребъ. А дворъ нашъ уже загорался.

Мы долго сидѣли на корточкахъ около корчаги, весело ѣли сметану, и физіономіи у насъ обоихъ были вымазаны ею. Мы дурачились.

— Ну, пора!—сказалъ отецъ:—а то сгоримъ!

Мы вылѣзли вполнѣ своевременно: крыша „погребицы“ уже пылала и минутъ черезъ пять послѣ насъ рухнула въ погребъ.

А пожаръ уже разлился по всей горѣ, спускаясь подъ гору, къ набережной, гдѣ были огромные склады лѣса и дровъ. Было жарко отъ огня и мы перевезли на извозчикѣ свои вещи къ самому берегу Волги.

Приближалась ночь. Солнце заходило за отдаленныя Жигулевскія горы. Волга стала розовой, а облака, освѣщенныя лучами заката, казались объятыми пожаромъ. Въ это время занялись на набережной дровяные склады и, наконецъ, загорѣлся заводъ. Весь городъ, расположенный по огромной горѣ, вмѣстѣ съ набережной представлялъ теперь взволнованное море огня. Пароходныя конторки отошли отъ берега. Пассажирскіе пароходы, проходя мимо города, были покрыты зрителями, кренились и казались черными. Картина пылающаго города была, вѣроятно, великолѣпной.

Мы были между огнемъ и водой. Вся бѣднота со

Digitized by Google

своимъ скарбомъ расположилась вдоль самаго берега, у воды. Приходилось ночевать на открытомъ воздухѣ.

Я задремалъ около матери, свернувшись клубочкомъ на большомъ узлѣ.

Ночная прохлада разбудила меня. Спящія тѣни судовъ и пароходныхъ конторокъ были освѣщены краснымъ отблескомъ пожара, а за ними, на черномъ фонѣ ночи, изъ воды поднимался огненный великанъ: онъ колыхался, гудѣлъ и трещалъ, доходя до самаго неба, и сыпалъ оттуда страшныя искры. Пламенное чудовище медленно шло по рѣкѣ, все ближе и ближе къ намъ.

— Кто это?—закричалъ я въ ужасѣ.

— Спи, спи! — отвѣчала мнѣ мать, наклоняясь ко мнѣ и прикрывая меня старой шалью:—не пугайся, это бѣляна горитъ!..

Но я не могъ спать и сѣлъ наверху нашего скарба. Огненная бѣляна плыла по рѣкѣ, отражаясь въ ней, и рѣка пылала... Я поднялъ голову къ небу: небо горѣло. Весь берегъ и вся гора были въ огнѣ. Этотъ пыльный и вонючій городъ, который только давилъ насъ подъ горой въ душныхъ подонкахъ своихъ—теперь, объятый пламенемъ, сталъ дивно-прекраснымъ: огненныя волны вздымались къ розовому небу, и пламя ихъ на бархатномъ фонѣ ночи было такимъ чистымъ.

Темнокрасные языки лизали черную ночь, фукали фейерверкомъ брилліантовыхъ огней, то блѣднѣли, принимая золотистый отблескъ, то снова обращались въ ярко-красный потокъ...

Онъ весь теперь былъ изъ брилліантовъ, золота и крови.

Отецъ мой сидѣлъ на узлѣ, курилъ трубку и задумчиво смотрѣлъ на погибающій городъ.

— Гори, гори, чортъ-те дери!—сказалъ онъ и сплюнулъ. Потомъ взялъ гусли, подумалъ немного и заигралъ что-то стройное и трогательное.

Digitized by Google

„Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“—пѣлъ онъ своимъ струннымъ голосомъ.

А городъ пылалъ.

Мы переѣхали въ село, въ одно изъ тѣхъ приволжскихъ селъ, гдѣ нѣкогда отецъ былъ сидѣльцемъ въ кабакѣ.

Село это большое и тогда было богатое, земледѣльческое. Оно расположено у подножія горы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Волги.

Мнѣ вспоминается наша маленькая избушка, пріобрѣтенная отцомъ за сто двадцать рублей въ разсрочку на нѣсколько лѣтъ, стоявшая въ концѣ села, невдалекѣ озера „Кривенькое“, осѣненное громадными ветлами, а на берегу его прокоптѣлыя кузницы.

И вспоминаются мнѣ тихіе лѣтніе дни старинныхъ урожайныхъ годовъ, скрипъ тяжелыхъ телѣгъ съ пахучими снопами, которыя вѣчно тянулись мимо нашего дома съ поля, довольный видъ мужиковъ, ходившихъ въ черныхъ высокихъ шляпахъ гречневикомъ, и звучные удары кузнечнаго молота, мягко долетавшіе къ намъ изъ кузницъ.

Здѣсь отецъ открылъ столярную мастерскую и работалъ одинъ, самостоятельно. Въ избѣ были русская печь и подтопокъ — „голланка“. Столъ, стулъ и рамы оконъ были его собственной столярной работы, стѣны оклеены шпалерами, а полъ выкрашенъ охрой. На окнахъ бѣлѣли занавѣски, на столѣ красовалась вязаная скатерть, на стѣнахъ—дешевыя картинки, нѣсколько фотографій, зеркало, этажерка съ книгами... Вообще, обстановка нашей избы значительно отличалась отъ мужичьей обстановки.

Дверь изъ избы вела въ „мастерскую“, непосред-

Digitized by Google

ственно пристроенную къ избѣ и отопляемую подтопкомъ. Въ мастерской стояли верстакъ и токарный станокъ, подъ потолкомъ сушились доски и брусья, а стѣны были увѣшаны столярнымъ и токарнымъ инструментомъ.

Около верстака всегда была груда пышныхъ бѣлыхъ стружекъ, отъ нихъ пріятно пахло свѣжимъ деревомъ, и, кудрявыя, веселыя, онѣ шаловливо катались по всему полу мастерской.

Работы у отца было всегда много: онъ былъ единственный на всю округу мастеръ столярнаго дѣла, всѣ его знали, и всѣмъ онъ былъ симпатиченъ.

Онъ стоялъ за верстакомъ въ холщевомъ фартукѣ съ нагрудникомъ, твердымъ отъ клея и лаку, шапку его кудрей поддерживалъ ремешокъ, руки, несоразмѣрно большія, тяжелыя, съ крупными пальцами, съ мозолями, были засучены по локоть, что обнаруживало богатырскія очертанія этихъ рукъ, выпуклыя, толстыя жилы и красивое напряженіе развитыхъ мускуловъ.

Я любилъ лежать на стружкахъ и смотрѣть, какъ работалъ отецъ. Сосновыя и липовыя стружки смолисто и сладко пахли, а отецъ ввинчивалъ доску или брусъ въ свой верстакъ и строгалъ.

Сначала онъ строгалъ шерхебелемъ: шерхебель злобно грызъ и скоблилъ дерево, летѣли грубыя, толстыя стружки, а на доскѣ оставались прямыя желобообразныя полосы. Потомъ онъ бралъ рубанокъ: рубанокъ мягко пѣлъ и сглаживалъ рѣзкія полосы шерхебля, и изъ него весело вылетали широкія, мягкія стружки, свертывались въ спираль и ложились къ ногамъ столяра. Затѣмъ въ его рукахъ появлялся пузатенькій, благодушный шлифтикъ, нѣжно, женственно и кротко ворковалъ и давалъ стружки тонкія, словно шелковыя ленты.

Но болѣе всего я любилъ смотрѣть, когда онъ „фуговалъ“. Фуганокъ шелъ по доскѣ медленно, съ пѣву-

Digitized by Google

чимъ, размашистымъ свистомъ, выпуская длинныя, тонкія и широкія ленты.

Эти ленты, бѣлыя и мягкія, ласково ложились отцу на плечо, обвивали обнаженную руку и застревали на головѣ, перевивая его крупныя кудри. А онъ, медленно и размашисто строгая, пѣлъ неистощимыя длинныя, интересныя пѣсни. Мѣрный свистъ фуганка аккомпанировалъ ему, стружки радостно и раболѣпно плясали, а игривый, льющійся голосъ отца еще рано утромъ распѣвалъ:

За моремъ синичка
Не пышно жила:
Не пышно жила—
Пиво-ввa-рива-лла!

Отецъ и столярной работѣ умѣлъ отдаваться съ увлеченьемъ, вдохновенно. Въ стульяхъ, сундукахъ, рамахъ, этажеркахъ и шкафахъ, выходившихъ изъ-подъ его руки, было много его личнаго, творческаго, сказывался его вкусъ, любовь ко всему красивому, стройному, изящному. Шкафы и стулья онъ украшалъ рѣзьбой собственнаго рисунка, самъ же выдумывалъ и токарныя фигуры. Въ капризныхъ и непринужденно-неожиданныхъ завиткахъ рѣзьбы, въ стройно выгнутыхъ линіяхъ токарныхъ работъ чувствовался остроумный художникъ съ веселой, капризной и свободной душой.

Жили мы все-таки „не пышно“: у меня уже были сестра и братъ, а впослѣдствіи появились еще сестра и еще три брата; маленькая наша избушка была полна жизни.

Меня и здѣсь отдали въ школу. Въ первый же день моего ученья возвратился я изъ школы съ огромнымъ синякомъ подъ глазомъ: деревенскіе школьники приняли меня насмѣшливо, и я дрался съ ними.

Digitized by Google

„Нехрестьянинъ“, сынъ „странняго“ человѣка, я казался имъ существомъ низшаго разбора, чѣмъ они. Каждый изъ нихъ чувствовалъ себя „хозяиномъ“, „землевладѣльцемъ“, наслѣдникомъ отцовскаго добра, а я былъ пришлымъ, странствующимъ человѣкомъ безъ всякой надежды на хозяйство и имущество.

Какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ я чувствовалъ исключительность своего положенія и неизбѣжность одиночества; люди какъ будто устроили себѣ жизнь такъ, чтобы меня не было, а я появился, и вотъ меня нигдѣ и не хотѣли принять: я былъ лишній.

Деревенскіе мальчишки словно чувствовали во мнѣ какого-то врага: изъ такихъ, какъ я, пришлыхъ и „странныхъ“, лишенныхъ осѣдлости, выходятъ обыкновенно конокрады или „стрекулисты“ и, во всякомъ случаѣ, враги всякаго мало-мальски зажиточнаго крестьянина.

И мнѣ пришлось избѣгать ребяческихъ сборищъ, игръ и хороводовъ: проходя мимо нихъ, я шелъ сквозь строй насмѣшекъ и каменьевъ. А около отца кипѣла своеобразная жизнь и втягивала его въ неожиданную общественную дѣятельность: въ него увѣровали мужики.

Прежде всего оказалось, что онъ давно уже извѣстенъ, какъ „знахарь“, и лѣчитъ отъ разныхъ болѣзней молитвой.

Больные, минуя фельдшера и доктора, обращались къ нему.

Потомъ онъ оказался адвокатомъ. Къ нему приходили за судебными совѣтами, довѣряли производить раздѣлъ и просто являлись повѣдать какое-нибудь личное горе, попросить совѣта и утѣшенія. День его на половину былъ занятъ посѣтителями. Для всякаго онъ бросалъ работу, садился на верстакъ, закуривалъ свою неизмѣнную трубку, выслушивалъ чужое горе и тотчасъ же воодушевлялся.

Digitized by Google

Начиналось это съ утра. Дверь отворялась, и въ мастерскую входилъ изможденный мужикъ, блѣдный, какъ мертвецъ, отъ болѣзни. Онъ стаскивалъ шапку и, тяжело дыша, долго и медленно молился на икону, потомъ условно, по этикету, кланялся на обѣ стороны и говорилъ:

— Здорово живете!

Отецъ останавливалъ фуганокъ и отвѣчалъ:

— Поди-ка, добро жаловать! Милости прошу къ нашему грошу со своимъ пятакомъ! Что скажете?

— До твоей милости, Гаврила Петровичъ: одолѣла кумоха, смерть моя, дрянища съ рыла не сходитъ! Силовъ нѣтъ!

Отецъ садился на верстакъ и закуривалъ трубку. Посѣтитель присаживался на стулъ. Трубка пылала, зеленоватыя облака дыма окутывали голову отца.

— Бьетъ?—слышался изъ облаковъ его басъ.

— И-и!.. — отвѣчалъ мужикъ, крутя головой.—Не доведи Господи! Всю силу вымотало, всѣ потроха...

— Давно?

— Да ужъ, никакъ, два года!

— Д-да! Запустилъ ты! У фельдшера лѣчился?

— Лѣчился—да что!—тонъ мужика звучитъ пренебрежительно: — польги нѣтъ! никакой, то-ись, польги нѣтъ тебѣ, да и шабашъ!

— А отъ меня-то какая тебѣ польза будетъ? Вѣдь я, если что и знаю, такъ отъ нихъ же: якшался я съ ними.

Мужикъ недовольно молчитъ и потомъ отвѣчаетъ тономъ несокрушимаго убѣжденія:

— Ты больше знашь!

Отецъ искренно злится.

— Черти!—гремитъ онъ изъ облаковъ дыма.—Вамъ хоть колъ на головѣ теши! Сколько лѣтъ долблю я вамъ:

Digitized by Google

не запускайте болѣзней, лѣчитесь у доктора: онъ учился медицинѣ, у него лѣкарства, онъ знаетъ науку!

— Ты больше знашь!—упрямо повторяетъ мужикъ.— Отъ дохтура польги нѣтъ, а отъ тебя—польга! Они хорошее-то лѣкарство господамъ даютъ, а на насъ кричатъ...

— Да какъ на васъ, дьяволовъ, не закричишь? Вы и ангела изъ терпѣнія выведете! Идете лѣчиться, когда уже болѣзнь запущена... Тебя теперь никакой хиной не проймешь! Мышьячищемъ тебя, чорта...

Мужикъ добродушно улыбается и съ удовольствіемъ слушаетъ отборную ругань: отъ отца ему пріятно ее слушать, а отъ доктора—обидно.

— Ненавижу я васъ, чертоломовъ, дуботолковъ проклятыхъ!—искренно гремитъ отецъ.

— А ты, будетъ костить-то! — прерываетъ его мужикъ.—Ты ужъ... тово... молитву-то лучше дай: твоя молитва не то, что наша: она до Бога доходитъ! Знаемъ мы!.. Дано, значитъ, тебѣ отъ Него... Страдалъ ты много!..

Отецъ совсѣмъ окутывается облаками голубого дыма. Трубка хрипитъ и пылаетъ.

— Молитва моя,—отвѣчаетъ онъ, помолчавъ, — помогаетъ только тому, кто вѣритъ. Ты вѣришь?

Мужикъ благоговѣйно смотритъ на отца и говоритъ совсѣмъ по-дѣтски:

— Вѣрю.

— Ну, пойдемъ.

Онъ встаетъ съ верстака. Дымъ разсѣевается. Они идутъ въ избу.

— Выдьте!—говоритъ намъ отецъ.

Изъ избы всѣ выходятъ въ мастерскую.

Я прятался иногда въ чуланѣ или на печи и видѣлъ, какъ молился отецъ.

Digitized by Google

— Я не колдунъ! — обращался онъ къ мужику.—Я только знаю молитву отъ лихорадки. Когда буду читать передъ образомъ—молись и ты: на мужиковъ она туго дѣйствуетъ, потому что грубѣе вы, чѣмъ бабы...

— Знамо дѣло!—соглашается мужикъ.

Отецъ присаживается къ столу и начинаетъ что-то писать на маленькомъ клочкѣ бумаги своимъ корявымъ, характернымъ почеркомъ.

Мужикъ вздыхаетъ.

Лицо моего отца преображается: выраженіе несокрушимой энергіи яснѣе выступаетъ въ его строгихъ, кардинальскихъ чертахъ. Онъ становится передъ иконами. Мужикъ рядомъ съ нимъ опускается на колѣни.

— Господи!..—шепчетъ онъ.—Микола милосливый... помози!..

Отецъ вполголоса, но проникновенно, съ чувствомъ читаетъ по бумажкѣ:

— Іоанне Богослове!.. Угодниче Божій!.. Сыне громовъ!..

Могучее чувство овладѣваетъ имъ: онъ блѣденъ, какъ полотно, и отъ волненія трясется всѣмъ тѣломъ, словно какая-то сила исходитъ изъ него, голосъ измѣняется, прерываясь отъ чувства и слезъ, каждое слово проникаетъ въ душу, какъ огненное...

Мужикъ плачетъ... Плачу и я. Я не знаю, откуда взялъ отецъ эту молитву и не помню ее, но она вся была написана какимъ-то громовымъ языкомъ. Въ ней дѣйствительно была заключена чудодѣйственная сила, мощное чувство...

Успокоившись, отецъ свертывалъ бумажку въ маленькую трубочку и говорилъ, отдавая мужику:

— Привяжи на крестъ и носи на груди до тѣхъ поръ, пока сама не потеряется. Не отвязывай и не бросай, а то болѣзнь опять воротится!..

Digitized by Google

Мужикъ благоговѣйно бралъ бумажку и тутъ же, при отцѣ, привязывалъ ее на „гайтанъ“.

Вознагражденія отецъ не требовалъ. Случаевъ, когда бы молитва эта не исцѣляла—не было.

Едва уходитъ больной, какъ является цѣлая компанія мужиковъ, съ громкимъ говоромъ.

— Гаврила Петровичъ! — взываютъ они, торопливо помолясь на икону:—это что же такое будетъ? Раззоръ? Сдѣлай милость, оборони!

— Тутъ пашня, паръ, сѣнокосъ приходитъ!..

— А насъ въ острогъ!

— Ни за что, ни про что!

— Бога въ ёмъ нѣтъ!

— Рази можно въ острогъ мужика сажать лѣтомъ? А? Лѣтомъ?

Отецъ сидитъ на верстакѣ, закинувъ настоящую ногу на деревянную, которая враждебно смотритъ на мужиковъ, какъ дуло ружья. Дымныя облака возносятся къ потолку и окружаютъ отца ореоломъ таинственности. Онъ куритъ и молча смотритъ на мужиковъ. Лицо его принимаетъ юмористическій оттѣнокъ.

— А вы вотъ что! — говоритъ онъ, прерывая ихъ говоръ. Мужики сразу умолкаютъ. — Нечего дурака-то корчить: говорите мнѣ прямо, по совѣсти, какъ попу на духу: вѣдь... украли?

Мужики мнутся, чешутъ въ затылкахъ, и затѣмъ ихъ длинныя разбойничьи бороды шевелятся отъ широкой улыбки.

— Да вѣдь оно ужъ... конешно... Гаврила Петровичъ... тебѣ-то ужъ мы... какъ попу... знамо дѣло... было дѣло...

Затѣмъ они подробно разсказываютъ, какъ „было дѣло“: обыкновенно, — украли какіе-нибудь пустяки у кулака, сдѣлали порубку, залѣзли въ амбаръ...

Digitized by Google

Узнавъ, что они уже признались судебному слѣдователю, отецъ выходитъ изъ себя и въ ярости вскакиваетъ съ верстака.

— Черти!—гремитъ онъ, потрясая бородой и сверкая глазами.—Дубье!.. Олухи царя небеснаго! Да вѣдь нѣтъ никакихъ доказательствъ, дьяволы! Мужики вы, кругомъ брюхо! Терпѣть я васъ не могу! Зачѣмъ признались? Эхъ! засадятъ васъ теперь на все лѣто, пустятъ по міру блаженныхъ дураковъ! Тьфу!

„Воры“ ноютъ.

Отецъ мрачно затягивается изъ трубки. Трубка хрипитъ и пылаетъ. Облака сгущаются. Вдругъ ему приходитъ въ голову неожиданная мысль.

— Ба! — вскрикиваетъ отецъ: — вотъ что сдѣлайте: запритесь опять на судѣ, да и баста! А про слѣдователя скажите: онъ, молъ, на насъ шибко закричалъ, сталъ стращать, мы испугались и сказали, какъ онъ велѣлъ... онъ вѣдь, чай, собака?

— Собака!—отвѣчаютъ мужики, повеселѣвъ.—Оретъ истошнымъ голосомъ!..

— Ну, вотъ!.. Прикиньтесь дурачками!.. Казанскихъ сиротъ разыграйте!..

И отецъ пускается въ подробныя наставленія. Частью изъ книгъ, но больше изъ жизни, онъ почерпнулъ всевозможныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ: лѣчилъ не только молитвой, но и давалъ рецепты, зналъ судебные уставы и писалъ мужикамъ прошенія, отдавая мнѣ ихъ переписывать набѣло. „Платы“ и тутъ онъ не требовалъ, но „исцѣленные“ больные и „обѣленные“ воры не забывали своего избавителя и совершенно неожиданно, спустя долгое время, являлись къ отцу или съ мѣшкомъ муки, или съ возомъ дровъ, присылали молока, яицъ.

Мѣстный мировой судья, старый баринъ и закоренѣ-

Digitized by Google

лый крѣпостникъ, возненавидѣлъ моего отца отъ всего сердца. Судья мстилъ мужикамъ за уничтоженіе крѣпостного права тѣмъ, что постоянно стремился „закатать“ мужика въ острогъ „по высшей мѣрѣ наказанія“, но, благодаря отцу, половина его рѣшеній отмѣнялась „на съѣздѣ“, и судья оставался въ дуракахъ.

Мужики смѣялись надъ нимъ, а хромого столяра превозносили. Складывали и распѣвали пѣсни про нихъ обоихъ. Незамѣтнымъ образомъ отецъ сталъ популярнымъ человѣкомъ, любимцемъ народа.

Пѣсня прославляла его, а судью осмѣивала. Осмѣивала она также мѣстныхъ богачей, причтъ и сельское начальство, и все выше и выше поднимала образъ моего отца, поэтизировала его, окружала сіяніемъ славы, и онъ являлся въ пѣснѣ народнымъ героемъ, печальникомъ народнаго горя и ходатаемъ за народъ. Первоисточникомъ этихъ пѣсенъ былъ кузнецъ Назаръ; удары его молота доносились до нашего дома; а когда наступали сумерки, и звуки рабочаго дня умолкали, то прекращались и кузнечные звуки. Въ такіе полупечальные, полуотрадные вечера отецъ выходилъ на крыльцо съ гуслями и потихоньку, для себя, наигрывалъ что-то нѣжное и грустное. Тонкіе, жалобные звуки тихо струились и плакали въ задумчивомъ вечернемъ воздухѣ, и въ это время къ нему иногда приходилъ Назаръ. Ему было лѣтъ двадцать пять. Молодой кузнецъ обладалъ симпатичною наружностью: высокій, плечистый, статный, онъ смѣло, какъ соколъ, смотрѣлъ своими голубыми глазами. Волосы и усы у него были бѣлые, какъ ленъ, и густые, вьющіеся. У него былъ замѣчательно живой темпераментъ, говорилъ онъ скороговоркой, съ быстрыми жестами, что̀ даже не совсѣмъ шло къ его атлетической наружности.

Рѣчь его была своеобразна: онъ говорилъ риѳмами,

Digitized by Google

мѣткими словечками, пословицами и поговорками. Приходя, онъ подавалъ отцу огромную закоптѣлую руку и встрѣчалъ пожатіе такой же огромной и жилистой руки, выпачканной лакомъ съ голландской сажей. И у нихъ начинался быстрый и остроумный разговоръ, пересыпанный риѳмами.

— Гаврилу Петровичу исполать, много денегъ наживать, сто лѣтъ жить, да двѣсти на карачкахъ ползать!

— И тебѣ того же, кузнецъ-молодецъ на свой образецъ: думалъ сдѣлать лемехъ, а онъ вышелъ плохъ, сожегъ да окоротилъ и на топоръ поворотилъ...

— И на топоръ-то не хватило, повернулъ на шило: шило-то не вышло, а вышло ш-шикъ!..

— И то хорошо.

— Вѣрно, говоришь ты примѣрно, что тебѣ покучишься, то и научишься!

— У насъ ума нѣтъ—совѣсти больше!

— Именно! Живемъ въ селѣ, а не въ городу, все носимъ на вороту, что не надо—и то повѣсимъ! Эхъ!— тараторилъ риѳмачъ-кузнецъ:—чудно дѣдушкино гумно, семь лѣтъ хлѣба не сѣялъ, а все свиньи ходятъ! Ужъ давно всѣ наши капиталы въ печи, а все къ намъ въ гости ходятъ богачи, этта старшина съ писаремъ у насъ побывали, напились, да насъ же съ батькой обругали...

— Гдѣ гостятъ — тамъ и накастятъ! — замѣчаетъ отецъ:—у нихъ чай да кофей, а у насъ чадъ да копоть!..

Играя риѳмами, они продолжаютъ разсуждать: кузнецъ усаживался у ногъ моего отца. Мы уже знали, что, немного послушавъ и вдохновившись музыкой, онъ будетъ пѣть на тотъ мотивъ, который ему заиграютъ, и не отходили отъ него.

А онъ, упершись локтями въ колѣни, держалъ передъ собой большой палецъ лѣвой руки, изуродованный ударомъ молота, не спуская съ него глазъ и ни

Digitized by Google

на кого не обращая вниманія. Онъ говорилъ, что даръ пѣсенъ заключается у него именно въ этомъ пальцѣ, и пѣлъ всегда, смотря на него и какъ бы извлекая изъ пальца неистощимыя риѳмы.

Отецъ зналъ, какъ пробуждается въ Назарѣ вдохновеніе, и сначала игралъ печальное. Назаръ слушалъ, смотрѣлъ на свой раздробленный палецъ и, покачивая бѣлокурой головой, начиналъ тихонько напѣвать что-то.

Сердце мохомъ обростаетъ...
Весь измученный народъ!..

Тихой фистулой пѣлъ кузнецъ. И сама собой слагалась у него пѣсня о томъ, какъ болитъ у него сердце и отчего; какъ вздыхаютъ кузнечные мѣхи, и какъ онъ куетъ молотомъ желѣзо; сердце его такое же, какъ то желѣзо: оно мягкое, оттого что раскаленное... И бьютъ его прямо по мягкому огненному сердцу, а изъ сердца вылетаютъ искры...

Онъ поетъ, а гусли жалобно и нѣжно стонутъ...

Между тѣмъ, около крыльца мало-по-малу накопляется толпа: кто не идетъ мимо, всякъ остановится и слушаетъ.

Но гусли уже играютъ веселѣе, а импровизаторъ, вдохновляясь все болѣе и болѣе, подчиняется мотиву и постепенно мѣняетъ настроеніе: онъ поетъ уже о томъ, что не все же плакать да вздыхать, что рабочій человѣкъ ни въ какой бѣдѣ не пропадетъ, онъ все перенесетъ, ему все трынъ-трава!...

Я любому богачу
На бокъ рыло сворочу!

Поетъ онъ, ухарски потряхивая головой.

— Хо-хо-хо!—одобрительно смѣется толпа.

Она увеличивается съ каждой минутой.

— Назаръ поетъ! Назаръ поетъ!—слышится кругомъ.

Digitized by Google

А его уже не видно за толпой: онъ сидитъ согнувшись и не отрываетъ глазъ отъ своего чудодѣйственнаго пальца. Отецъ потряхиваетъ кудрями и, раздувъ ноздри, разливаетъ лукавыя и безпечныя трели. Раздается залихватскій мотивъ съ прихлопываньемъ ладонью по струнамъ: это знакъ, что пришло время пѣть на „злобу дня". Въ толпѣ свѣтятся улыбки, и она плотнѣе придвигается къ пѣвцу, чтобы лучше слышать. И звенятъ насмѣшливые куплеты о попѣ, судьѣ и писарѣ, о старшинѣ и „міроѣдахъ-кулакахъ".

Все село насмѣшило приключеніе съ кулакомъ „Кузькой", которому „на хуторахъ" за его амурныя похожденія „обрядили" лошадь, когда онъ спалъ пьяный въ тарантасѣ: обрѣзали ей хвостъ и гриву и навязали мочала, украсивъ лошадь тряпками. На такой лошади спавшій Кузька проѣхалъ по всему селу.

И вотъ начинается поэма о Кузькѣ:

Поглядите добры люди!
Кузька ѣдетъ на верблюдѣ!

— Хо-хо-хо-хо!—грохочетъ вся толпа, надрывая животики надъ каждымъ куплетомъ.

Злободневная поэма оказывается безконечной, и отъ Кузьки поэтъ переходитъ къ другимъ лицамъ.

Мировой судья, папаша,
Разсуди-ка дѣло наше:
Я не жуликъ и не воръ,
А мѣшокъ съ мукой уперъ!

— Хо-хо-хо!—гремятъ слушатели... Они совершенствуютъ пѣсню, тутъ же вслухъ поправляютъ и „приправляютъ" ее забористыми словечками.

И за что судить-то тутъ,
Коль укралъ я только пудъ?

— Вѣрно!—замѣчаетъ толпа.—Знамо дѣло, не зачто! За пудъ—и судитъ! Дуракъ, а еще судья!

Digitized by Google

Гусли такъ и заливаются, такъ и разсыпаютъ добродушно-лукавыя трели, толпа хохочетъ, а импровизаторъ сидитъ, ни на кого не глядя и глубокомысленно уставясь неподвижнымъ взглядомъ въ палецъ вдохновенія, поетъ и сыплетъ летучими риѳмами.

Столяръ и кузнецъ были большими друзьями: кромѣ поэзіи, ихъ соединяла еще идея объ изобрѣтеніи „вѣчнаго двигателя“. Эти талантливые люди увлекли и меня: мы втроемъ устраивали наши совѣщанія и дѣлились мыслями о „шурупахъ“, „шалнерахъ“, рычагахъ и другихъ деталяхъ измышляемаго нами механизма, наводя скуку на домашнихъ.

Иногда ночью, когда всѣ крѣпко спали, отецъ окликалъ меня:

— Копка!

Я просыпался и видѣлъ, что онъ со свѣчей въ рукѣ, въ одномъ бѣльѣ, съ наскоро подвязанной деревяшкой, сидитъ около моей постели.

— У меня явилась новая мысль!—объявлялъ онъ мнѣ.—Вотъ, погляди, я сдѣлалъ чертежъ!

И онъ совалъ мнѣ клочокъ бумаги съ новымъ рисункомъ „вѣчнаго двигателя“.

— Вотъ здѣсь будетъ шалнеръ,—увлекаясь гудѣлъ онъ, понижая голосъ до октавы, чтобы не разбудить спящихъ,—а здѣсь рычагъ на большомъ шурупѣ, а колѣно-то ужъ вотъ оно гдѣ!... Эге?

И онъ радостно и хитро подмигивалъ мнѣ:

— Теперь у насъ пойдетъ дѣло по маслу!...

Но „по маслу“ дѣло не шло. Наши опыты не удавались, разрушая планы отца, обнаруживая существованіе какихъ-то неожиданныхъ законовъ, поставляя непредвидѣнныя препятствія, которыя только увеличивали его энергію. Каждый праздникъ мы собирались въ

Digitized by Google

кузницѣ или мастерской и „строили“. Отцомъ въ это время овладѣвала неистовая, пламенная энергія; онъ работалъ цѣлый день, забывалъ о ѣдѣ, о семьѣ, обо всемъ, кромѣ своей идеи. Онъ самъ „клепалъ“ желѣзо, пилилъ, ковалъ, страшно-возбужденный, съ горящими глазами, неубѣдимый, повелѣвающій. Назаръ былъ исполнительной силой, а я на побѣгушкахъ, и отецъ командовалъ нами, приходя въ ярость отъ малѣйшихъ нашихъ сомнѣній; молотъ и голосъ его гремѣли до ночи, мы, наконецъ, утомлялись, но онъ былъ неутомимъ.

Возвращаясь въ сумерки изъ кузницы, мы горячо обсуждали наше предпріятіе,

— Эхъ, кабы зналъ я физику да алгебру!—восклицалъ отецъ и таинственно сообщалъ намъ:—тамъ, въ этихъ книгахъ—есть!..

Къ дѣлу о вѣчномъ двигателѣ былъ привлеченъ сельскій учитель, съ которымъ отецъ мой водилъ дружбу. Это былъ хладнокровный, невозмутимый человѣкъ лѣтъ двадцати восьми, красивый, представительный, съ небольшой бѣлокурой бородой. Онъ пришелъ къ намъ въ мастерскую съ цѣлой компаніей: съ двумя семинаристами—сыновьями попа и письмоводителемъ мирового судьи; послѣдній обожалъ моего отца, ходилъ къ нему каждый день, учился токарному искусству и игрѣ на гусляхъ.

Вся эта молодежь наперебой стала доказывать отцу невозможность вѣчнаго двигателя. Но не такъ-то легко было его убѣдить. Онъ не признавалъ никакихъ авторитетовъ и выступилъ противъ нихъ съ блестящей рѣчью, достойной лучшаго примѣненія. Онъ зналъ о Галилеѣ и Коперникѣ и сравнивалъ себя съ ними, говорилъ, что всякая новая мысль вначалѣ считается людьми невозможной, а потомъ оказывается вполнѣ осуществимой. Онъ требовалъ вѣскихъ доказательствъ

Digitized by Google

и спорилъ съ ними цѣлую недѣлю. Они чертили и доказывали ему теоремы, натащили книгъ, и отецъ принялся за чтеніе. Съ этого времени молодые люди стали ходить къ нему и проводить время въ горячихъ спорахъ „о жизни“, „о наукѣ“, „о религіи“ и „о человѣчествѣ“.

Отецъ и Назаръ отложили на время изобрѣтеніе вѣчнаго двигателя и возвратились къ построенію „самокатки“—велосипеда, который былъ уже изобрѣтенъ моимъ отцомъ прежде, но не усовершенствованъ. Снова начались разнообразные рисунки и модели сложнаго механизма, пока онъ не сдѣлался проще. Тогда съ тѣмъ же лихорадочнымъ увлеченіемъ принялись мы строить и „самокатку“. Опять каждое воскресенье мы ковали, варили, клепали, и отецъ опять вдохновенно отдавался работѣ. Нашей дѣятельностью сильно интересовались мужики и приходили въ кузницу „глядѣть“. Они глубокомысленно окружали отца, который, сидя на землѣ, весь въ сажѣ, „клепалъ“ листовое желѣзо и грохоталъ кузнечнымъ молотомъ.

— Не пойдетъ!—обмѣнивались они замѣчаніями.

— Хитра штука!

— Не выйдетъ, хромой! Кишка у тебя, пожалуй, тонка такую вещу сляпать?

— Выйдетъ!—неистово рычалъ изобрѣтатель, надсаждаясь и грохоча молотомъ:—а не выйдетъ—такъ ворота вымажемъ!

— Хо-хо-хо! Чудило, мученикъ!

Противъ ожиданія вышло. Мы сдѣлали изъ желѣза низенькую телѣжку на трехъ колесахъ: два колеса побольше, а третье—маленькое, впереди: оно повертывалось и такъ, и сякъ, словно руль. Механизмъ ея былъ до смѣшного простой и остроумный, и на телѣжкѣ-самокаткѣ можно было ѣздить, работая руками.

Digitized by Google

„Проба“ самокатки происходила довольно торжественно: въ кузницѣ собралась толпа мужиковъ, бабъ, туча ребятишекъ и учитель со всей компаніей.

Отецъ не безъ волненія сѣлъ на самокатку и, двигая рычаги на „шалнерахъ“ своими ручищами, быстро покатилъ отъ кузницы къ селу. Только волосы его развѣвались, да ситцевая рубашка раздувалась отъ вѣтра...

— Бр-раво-о!—кричали ему вслѣдъ семинаристы и письмоводитель:—Ур-ра-а!

А хладнокровный учитель солидно разсуждалъ съ мужиками:

— Вотъ, кабы такому человѣку образованіе! Богъ знаетъ, что бы изъ него вышло? Можетъ быть—геній?

— Съ головой человѣкъ!—подтверждали мужики.—Хитрецъ!..

— Вотъ, былъ Кулибинъ, механикъ-самоучка!..—продолжалъ учитель и сталъ разсказывать о Кулибинѣ.

А отецъ, сопровождаемый радостной тучей ребятишекъ, былъ уже далеко и, наконецъ, исчезъ изъ виду. Мужики смотрѣли ему вслѣдъ, качали головами и приговаривали:

— Чудодѣй!..

Такая жизнь, полная кипучихъ волненій, нравилась моему отцу. Онъ былъ увѣренъ, что „дѣла“ пойдутъ по маслу, если рядомъ съ его верстакомъ поставить еще другой для меня, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда я кончу курсъ ученія въ школѣ. На мою склонность къ чтенію онъ мало обращалъ вниманія, и по окончаніи курса, когда мнѣ исполнилось четырнадцать лѣтъ, поставилъ меня за верстакъ.

Мнѣ сшили холщевый фартукъ съ нагрудникомъ, и въ нашей мастерской засвистѣли два фуганка.

Мы съ отцомъ вставали рано и вмѣстѣ принимались

Digitized by Google

за работу. Въ семьѣ и обществѣ сразу перемѣнилось отношеніе ко мнѣ: я сталъ работникомъ, полноправнымъ человѣкомъ... Отецъ обращался теперь со мной серьезнѣе, какъ съ большимъ. За завтракомъ и обѣдомъ, когда мы снимали фартуки и, вымывъ мозолистыя руки, садились за столъ, онъ даже ухаживалъ за мной:

— Ѣшь больше, Капитонъ!—говорилъ отецъ. — По пищѣ фуганокъ свищетъ!

И, глядя, какъ съ каждымъ днемъ грубѣли мои руки и развивались плечи, похваливалъ меня:

— Здоровило! Выйдетъ изъ тебя этакій чертище-столярище!

Но я мечталъ о чемъ-то. Мнѣ по-прожнему хотѣлось читать все новыя и новыя книги.

Во мнѣ приняли участіе семинаристы, и я сталъ бывать въ семьѣ попа. Тамъ всѣ смѣялись надъ моими руками и неуклюжестью фигуры: я за все задѣвалъ, все ронялъ и разбивалъ. Риѳмованная рѣчь, сотканная изъ народныхъ пословицъ, обычная у насъ дома—здѣсь всѣхъ удивляла... Мнѣ было тяжело въ непривычной обстановкѣ, я постоянно конфузился, но семинаристы разсказывали о невѣдомой, заманчивой жизни, они открывали мнѣ новый міръ, и у нихъ были замѣчательныя книги.

Я таскалъ эти книги домой, съ жадностью читалъ ихъ и давалъ читать отцу. Онъ поглощалъ ихъ съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и я.

И мы говорили о книгахъ.

Особенное впечатлѣніе произвела на насъ поэзія Никитина и Некрасова. Читая ихъ, мы просиживали ночи напролетъ, дѣлились чувствами и „новыми“ мыслями. Я читалъ, а отецъ слушалъ, курилъ и плакалъ.

— Что это за люди были?—страстно восклицалъ онъ со слезами на глазахъ.—Какая у нихъ душа была, коли они о простомъ народѣ такъ вѣрно писали?

Digitized by Google

Стихи Никитина сдѣлались его любимой книгой. Онъ раскрывалъ ее и днемъ, на нѣсколько минутъ оставляя фуганокъ, но едва раскрывалъ, какъ уже и плакалъ.

— Проклятая!—кричалъ онъ сквозь рыданія и запускалъ книгой въ уголъ.—И читать-то тебя нельзя!

Письмоводитель мирового судьи таскалъ намъ изъ библіотеки своего патрона „Отечественныя Записки“ и „Дѣло“.

Мы съ отцомъ погрузились въ міръ новыхъ идей.

Теперь уже вся эта компанія—семинаристы, учитель и письмоводитель сдѣлались нашими постоянными гостями. Собираясь въ нашу избушку, они сначала-было поучали отца, но потомъ внезапно превратились въ его учениковъ. „Новыя идеи“ оказались идеями моего отца, которыя онъ давно уже расточалъ въ своихъ разсужденіяхъ „о жизни“. Ея несовершенство и несправедливость онъ глубоко изучилъ на собственномъ горькомъ опытѣ и по поводу сухихъ и отвлеченныхъ идей сыпалъ такими художественно-яркими разсказами, что очень скоро обратилъ своихъ развивателей въ аудиторію. Подъ вліяніемъ прочитанныхъ книгъ и общества интеллигентной молодежи—талантъ краснорѣчія развернулся у него во всю ширь... Мой отецъ какъ-то сразу пробудился, прозрѣлъ, безсознательныя мысли, назрѣвавшія въ немъ впродолженіи всей жизни, теперь отлились въ ясную, художественную форму. Въ немъ началась кипучая внутренняя работа, „переоцѣнка цѣнностей“, и онъ уже не хотѣлъ знать удержу. Онъ говорилъ вдохновенныя, огненныя рѣчи, проникнутыя знаніемъ и пониманіемъ жизни.

Онъ живо и образно, со всѣми подробностями набрасывалъ огромныя и яркія картины будущаго счастья человѣчества,—вкладывалъ въ это всю свою вѣру, всю силу воодушевленія и—увлекалъ.

Digitized by Google

Онъ сталъ для насъ всѣхъ „учителемъ жизни“.

А жизнь шла своимъ чередомъ. Урожаи дѣлались годъ отъ году хуже, село быстро бѣднѣло, и къ отцу толпами стали приходить „больные“ и „воры“. Благодаря своей находчивости и близости къ народу, онъ и лѣчилъ удачно, и „татей обѣлялъ“ успѣшно. Мировой судья разсвирѣпѣлъ и поклялся уничтожить моего отца. Сельское начальство тоже давно точило зубы на него. Они всѣ соединились противъ хромого врага и затѣяли кляузный „процессъ“, опорой котораго служили лжесвидѣтели. Этотъ процессъ при удачномъ окончаніи долженъ былъ привести моего отца въ острогъ.

Отецъ не испугался борьбы. Напротивъ, онъ смѣло принялъ вызовъ и весь отдался счастью битвы. Никогда я еще до этихъ поръ не видалъ его такимъ энергичнымъ и краснорѣчивымъ: онъ выросталъ въ моихъ глазахъ.

Казалось, что этотъ человѣкъ, „съ безпокойствомъ въ сердцѣ“, всю жизнь свою искавшій именно такой донкихотской борьбы за угнетенныхъ, наконецъ нашелъ условія существованія, подходящія для него.

Въ немъ жилъ настоящій духъ русскаго народа— исканіе подвига, духъ русскихъ сказочныхъ витязей, которые, какъ извѣстно, не могли долго сидѣть на одномъ мѣстѣ и выѣзжали въ „поле чистое“ силой мѣряться, „людей посмотрѣть и себя показать“...

Во все время, пока тянулся процессъ въ трехъ инстанціяхъ, отецъ походилъ на огнедышащій вулканъ, энергія била изъ него огненнымъ фонтаномъ, а изъ устъ лились увлекающія вдохновенныя рѣчи. Онъ видѣлъ поэтически-пророческіе сны, гдѣ сражался съ огромной змѣей, два раза душилъ ее, а она ускользала изъ рукъ, и, наконецъ, въ третій разъ задушилъ-таки.

И, дѣйствительно, въ третьей инстанціи, когда дѣло было передано съѣздомъ другому мировому судьѣ,

Digitized by Google

отецъ выигралъ процессъ. Онъ самъ говорилъ на судѣ защитительную рѣчь при огромномъ стеченіи „чистой публики“ въ залѣ суда, а нечистой—у крыльца камеры.

Что это была за рѣчь! Уничтожающая, мощная, вдохновенная! Онъ разбилъ ею козни своихъ враговъ съ какимъ-то богатырскимъ размахомъ, словно Еруслань Лазаревичъ, срубающій головы семиглавому змѣю, онъ, какъ Бова, разогналъ ихъ метлою!..

А мужики все бѣднѣли да бѣднѣли. Наконецъ, нагрянулъ голодный годъ. Еще весной по селу пошелъ стонъ: весна ранняя, безводная, земля трескается, будетъ голодъ.

Осенью онъ пришелъ, этотъ голодъ. Отецъ повѣсилъ гусли на чердакъ, и они висѣли тамъ всю зиму съ порванными струнами, занесенныя снѣгомъ: не до нихъ было!

Пріѣзжіе „изъ степи“ показывали образчики хлѣба „изъ лебеды“, какой уже ѣли степныя деревни; онъ былъ похожъ на сухой коровій пометъ. Такой же хлѣбъ предстояло ѣсть и намъ, при Волгѣ.

Но о нашемъ селѣ неожиданно позаботился Николай угодникъ. Внезапно, какъ разъ противъ нашей Обираловки, затонула на Волгѣ баржа съ пшеномъ. Мѣшки пшена доставали крючьями со дна рѣки и продавали за безцѣнокъ.

Народная молва создала изъ этого цѣлую легенду: нашлись люди, которые сами „видѣли“ Николая угодника: онъ шелъ по волнамъ, какъ по-суху, весь былъ огненный и такой большой, что головой касался небесъ. И взялъ онъ рукой купеческую баржу за конецъ мачты и погрузилъ ее на самое дно: „для народа!“

Но кулаки, словно коршуны, бросились на это пшено, скупили его и стали продавать по двойной цѣнѣ. А народъ и этому былъ радъ. Мы покупали большіе, длин-

Digitized by Google

ные мѣшки съ мокрымъ, горѣлымъ пшеномъ, сушили его на печкѣ, потомъ отдавали молоть и пекли изъ пшенной муки блины.

Блины эти были горьковаты и прѣсны на вкусъ, а когда остывали, то становились похожи на фарфоровую тарелку: стоило уронить блинъ изъ рукъ на полъ, какъ онъ разбивался вдребезги.

Всю зиму питались мы только этими блинами, не видя ни хлѣба, ни мяса. Найденная гдѣ-нибудь сухая корка чернаго хлѣба считалась у насъ лакомствомъ. Блины опротивѣли намъ, и мы ѣли ихъ съ отвращеніемъ, исхудалые, блѣдные, смотря другъ на друга большими голодными глазами. Весной пришелъ однажды къ намъ сельскій учитель и сталъ говорить отцу:

— Наступаютъ времена трудныя, деревня бѣднѣетъ, разоряется... Это — экономическій процессъ... дальше будетъ еще хуже... Извѣстный процентъ населенія двинется въ городъ... Отпустите-ка старшаго-то сына держать экзаменъ въ учительскую семинарію... Приспособимъ... если выдержитъ — казенную стипендію дадутъ!..

И учитель сталъ убѣждать отца, чтобы онъ „пустилъ меня по наукѣ“. Отецъ согласился. Въ началѣ августа меня снарядили въ городъ. И вотъ вспоминается мнѣ теперь послѣдняя страница моей деревенской жизни.

Три часа утра. Все уже готово къ моему отъѣзду на станцію. Горитъ лампада у образовъ и лампа — на столѣ. Мои младшіе братья и сестры спятъ на полу, а мы—отецъ, мать и я—пьемъ чай „на дорогу“. Но никому чаю не хочется: мать молча вытираетъ слезы, ея доброе, славное лицо полно молчаливой, но безконечной любви ко мнѣ. Отецъ говоритъ „о жизни“, рѣчь его дышетъ мужествомъ и его вѣчной вѣрой въ дѣла, идущія по маслу. Я волнуюсь: мнѣ и грустно, и радостно,

Digitized by Google

и жутко... Слышно, какъ подъѣхалъ мужикъ на телѣгѣ „за мной“, везти меня на станцію.

— Ну, мать, надо благословить сына-то!—говоритъ отецъ.—Выпускаемъ птенца изъ гнѣзда!

Мать беретъ маленькую икону Спасителя въ фольговой ризѣ и молча благословляетъ меня: она встала подъ иконами, лицомъ къ порогу, а я передъ ней на колѣни, она ничего не говоритъ, только крупныя слезы бѣгутъ по ея лицу и падаютъ на мою голову.

Потомъ благословилъ отецъ. Я и передъ нимъ всталъ на колѣни и наклонилъ голову, а онъ прикоснулся иконой до моихъ волосъ и сталъ говорить:

— Благословляю тебя, сынъ мой, въ жизнь!—говорилъ онъ задушевнымъ голосомъ.—Иди прямой дорогой, надѣйся только на самого себя, а не на другихъ, никогда не трусь... Знай, что путь бѣдняка тяжелъ, и будь готовъ ко всякимъ испытаніямъ. Не увлекайся богатствомъ и сладкой жизнью, помни о насъ, о твоихъ братьяхъ и сестрахъ, и о простомъ народѣ, который страдаетъ. Можетъ быть, вернешься назадъ ученымъ человѣкомъ, то набирайся больше того ученья, которое нужно народу, а не воротишься, такъ разскажи хорошенько тамъ, въ городѣ, счастливымъ и богатымъ людямъ, хорошенько разскажи о страданіяхъ народа! Помни о немъ всегда, не поддавайся соблазнамъ, да смотри, берегись потерять...—тутъ голосъ его дрогнулъ:—вѣру въ Бога!

И онъ заплакалъ, осѣняя меня иконой... Видно было, что онъ хотѣлъ сказать очень много, но не могъ говорить отъ слезъ.

А я едва сдерживалъ радостную улыбку тамъ, подъ иконой: мой выходъ „въ жизнь“ казался мнѣ тогда такимъ легкимъ, многообѣщающимъ. Въ томъ, что я достигну въ жизни чего-то очень хорошаго и буду ея

Digitized by Google

побѣдителемъ, я не сомнѣвался: мнѣ было шестнадцать лѣтъ.

И сѣли мы съ нимъ въ телѣгу, положили въ ногахъ маленькій сундучекъ да подушку, и телѣга покатила по сельской дорогѣ. Свѣтало. Звѣзды гасли одна за другой. Пышная заря освѣщала намъ путь... Въ ея розовыхъ лучахъ плыла чистая, брилліантовая звѣздочка. Розовый свѣтъ обливалъ избы, соломенныя крыши, сельскую церковь, околицу, гладь извилистой рѣчки, затерявшейся въ зеленыхъ лугахъ, и кусты, окропленные росой... Все кругомъ было въ розовомъ свѣтѣ. Утренній свѣжій воздухъ такъ и лился въ грудь... Я радостно дышалъ полною грудью и, озираясь по сторонамъ, безпечно улыбался... А утренняя звѣздочка такъ весело плыла и сіяла, такая чистенькая, хорошенькая...

IV.

Ахъ, какъ жаль, что я не сдѣлался ученымъ, никогда съ тѣхъ поръ не возвращался въ деревню, а въ городѣ не разсказалъ „о страданіяхъ народа“! Я былъ брошенъ на путь неудачъ, разочарованій и мытарствъ. Изгнанный изъ учебнаго заведенія, я былъ гонимъ повсюду, очутился въ рядахъ „городского пролетаріата“ и пошелъ „сквозь строй“ жизни. Меня унижали, оскорбляли... Если мужики въ деревнѣ считали меня „нехрестьяниномъ“, то городскіе люди ясно видѣли во мнѣ всѣ признаки „мужика“ и „плебея“. Мнѣ было чуждо многое, что̀ течетъ въ крови настоящаго интеллигента, на мнѣ не было никакого „долга народу“, вся психологія моя была неинтеллигентная, знаніе „народа“ было почерпнуто изъ жизни, а не изъ книгъ, и я чувство-

Digitized by Google

валъ свою рознь отъ всѣхъ... Какъ въ деревнѣ я слышалъ враждебное „нехрестьянинъ“, такъ здѣсь слышалъ пренебрежительное „неинтеллигентъ“.

Мои приключенія были какъ бы продолженіемъ приключеній моего отца, новымъ фазисомъ ихъ. Я лѣзъ „на гору“, но чортъ, по обыкновенію, схватывалъ меня „за ногу“ и не давалъ ничего, кромѣ грошоваго заработка, противнаго канцелярскаго труда, жизни впроголодь. Я жилъ только надеждой, что въ будущемъ „дѣла пойдутъ по маслу“. Я мечталъ о „Москвѣ“, о „вольнослушаніи“ въ университетѣ, о сценѣ, о литературѣ... Стремленій и надеждъ было много, не было только денегъ и не было дороги, по которой могъ бы я идти. Но я собирался въ путь безъ денегъ и безъ дороги, съ однѣми надеждами.

И вотъ въ это самое время, когда я совсѣмъ-было нацѣлился лѣзть „въ Москву“, чортъ опять не преминулъ схватить меня „за ногу“. Изъ села пришло отъ отца письмо.

„А у насъ опять голодъ!—писалъ онъ своимъ корявымъ почеркомъ.—Мужикъ совсѣмъ обѣднялъ, и у меня никакой работы нѣтъ. Прежде хоть добрые люди помогали, а теперь и рады бы помочь, да самимъ ѣсть нечего. И надумалъ я, сынокъ, переѣхать къ тебѣ въ городъ, тамъ я хоть какую ни на есть работишку найду, и дѣла наши пойдутъ по маслу, а здѣсь совсѣмъ съ голоду помирать приходится и съ ребятишками. Избу мы продали за сто двадцать пять рублей. Я думаю, что ты не оставишь своего отца и т. д.“

Черезъ недѣлю „они“ пріѣхали. Отецъ немного посѣдѣлъ, кудри его развились, и голосъ какъ будто уже не такъ былъ звученъ и твердъ, какъ прежде, но въ общемъ онъ по-прежнему былъ энергиченъ и свято вѣрилъ въ то, что „все“ пойдетъ по маслу.

Digitized by Google

Шесть человѣкъ „мелюзги“ играли въ лошади, были донельзя жизнерадостны, безпечны и эгоистичны.

И мы зажили на краю города, въ маленькой шестирублевой квартиркѣ, въ подвальномъ этажѣ. Насъ такъ было много, и всѣ мы предались такой кипучей дѣятельности, что даже самый домъ, въ которомъ поселились мы, угрюмый и какой-то кислый, какъ будто ожилъ и повеселѣлъ.

Отецъ точилъ на токарномъ станкѣ, ребятишки бѣгали въ школу, прыгали на одной ногѣ, вывертывали козла, кувыркались и дрались, оглашая глухую окраину города звонкими трелями заразительно-веселаго смѣха. Я служилъ разомъ на двухъ грошовыхъ должностяхъ, таскалъ работу домой и теперь уже не имѣлъ ни одной свободной минуты.

Тѣмъ не менѣе, жилище наше, кипѣвшее жизнью, такъ и вѣяло молодостью, звучало юными голосами, неумѣстно веселымъ смѣхомъ и безпечными пѣснями гусель.

А отецъ уже имѣлъ видъ мудреца и философа, читалъ Бокля и Милля. Мысль его шла впередъ, къ нему и здѣсь ходила молодежь: душа его оставалась вѣчно-юной...

Такъ прошелъ годъ и еще годъ... И еще... Однажды зимой, когда я пришелъ поздно ночью съ вечернихъ занятій, — меня встрѣтила мать и шестнадцатилѣтняя сестра тревожнымъ и печальнымъ шопотомъ:

— Отецъ заболѣлъ.

Онъ лежалъ на койкѣ и стоналъ.

Кругомъ была наша печальная и гордая бѣдность: старые стулья съ рѣзьбой, починенные рукой отца, тусклое зеркало и три грошовыхъ картины на стѣнѣ, въ рамкахъ его же работы: охота на слона, на льва и

Digitized by Google

на бѣлаго медвѣдя... гусли въ углу. Лицо отца было темно-коричневое, воспаленное, но, по обыкновенію, мужественно-спокойное... Онъ открылъ глаза.

— Простудился... — сказалъ онъ вперемежку со стономъ:—цѣлый день былъ въ ходу... а вѣдь для меня—ходъ... самое трудное... пить захотѣлъ... выпилъ квасу... и въ ходъ... грудь заложило...

Организмъ его былъ еще полонъ силъ: на груди лежали его необыкновенныя, геркулесовскія руки, а отъ густыхъ грудныхъ стоновъ сотрясалась койка, и гудѣлъ подъ нею полъ...

Нужна была помощь доктора, а денегъ въ домѣ, по обыкновенію, не было.

На утро я раздобылъ цѣлковый и плохонькаго, старенькаго доктора.

Болѣзнь пошла впередъ очень быстро: черезъ недѣлю наступилъ „кризисъ“, и больной былъ уже предъ лицомъ смерти.

Онъ лежалъ на своей койкѣ, тяжело дышалъ, мучительно кашлялъ и гулко стоналъ...

Мы могли только смотрѣть на борьбу жизни и смерти и надѣяться только на силу организма.

Мать и сестра, стоя около койки, тихонько плакали, отворачиваясь, чтобы онъ не видѣлъ ихъ слезъ, но онъ видѣлъ.

Онъ по-прежнему густо и глубоко стоналъ и... отпускалъ шутки для того, чтобы разсмѣшить плачущихъ женщинъ.

— Ты на гору... а чортъ за ногу! — говорилъ онъ свою любимую поговорку.

И онѣ улыбались, плача.

Ночью ему сдѣлалось особенно трудно.

— Надо... попа!..—сказалъ онъ мнѣ, прерывая стоны.—Умеръ бы я и безъ него, да придираться будутъ

Digitized by Google

къ вамъ... изъ-за похоронъ... Умру, духъ мой смѣшается съ атмосферой... и все! Очень просто!

Къ концу жизни онъ сталъ почти атеистомъ: существованіе Бога—допускалъ, но въ загробную жизнь не вѣрилъ.

Я побѣжалъ за попомъ. Было часа четыре утра. Ночь была морозная, звѣздная... Весь городъ спалъ, какъ мертвый... Густые голоса церковныхъ колоколовъ медленно падали въ бездну тишины, были похожи на стоны моего отца и надрывали сердце своимъ похороннымъ унынiемъ... Казалось мнѣ, что эти колокольные вздохи, полные мрачной безнадежности, относились ко всей долгой и страдальческой жизни отца, къ моей жизни и къ моему будущему и къ будущему всей нашей семьи... Они словно произносили приговоръ, зловѣще пророчили что-то грустное, словно отнимали у насъ всякую надежду на какой-нибудь проблескъ счастья въ нашей жизни... „Никогда-а! никогда-а!..“ словно говорили они, надрывая душу, и плыли и умирали въ мертвой, безучастной тишинѣ... А кругомъ нигдѣ не было ни единаго проблеска свѣта.

Я добѣжалъ до квартиры богатаго соборнаго священника: она была ближайшей. Пришлось очень долго звониться. Мнѣ отперли съ неудовольствiемъ. „Отъ кого?“ спросили меня. Я сказалъ, что мой отецъ умираетъ. Мнѣ велѣли подождать, и я долго стоялъ въ передней. Наконецъ, вышелъ священникъ атлетическаго тѣлосложенія, съ круглой бородой и необыкновенно высокой грудью: такимъ почему-то я всегда представлялъ себѣ Пересвѣта, который вышелъ на поединокъ съ Телебеемъ въ Куликовской битвѣ. На лицѣ его ясно выражалась досада. „Гдѣ живетъ умирающiй?“ спросилъ онъ меня. Я сказалъ. „Не моего прихода!“ отвѣтилъ онъ и не хотѣлъ идти. Я сталъ его упрашивать

Digitized by Google

и не уходилъ изъ квартиры... Наконецъ, атлетъ-священникъ, скрѣпя сердце, согласился и пошелъ со мной, сердито запахнувшись въ енотовую шубу и нахлобучивъ бобровую шапку.

Когда мы пришли, отецъ уже умиралъ: стоны сдѣлались слабѣе, въ груди клокотало. Пересвѣтъ стоялъ у его изголовья и скороговоркой исповѣдывалъ его, задавая вопросы и не дожидаясь отвѣтовъ, да отецъ уже и не могъ говорить.

Въ нѣсколько минутъ исповѣдь была кончена. Священникъ торопился домой. Я догналъ его у порога и сунулъ ему тридцать копѣекъ—всѣ деньги, какія нашлись въ домѣ. Онъ принялъ ихъ, не глядя, надѣлъ бобровую шапку и ушелъ.

— Благословить... дѣтей... —сквозь хрипъ и стоны вырвалось изъ груди отца.

И мы всѣ стали подходить къ его изголовью, и онъ клалъ дрожащую руку на голову каждаго и дѣлалъ это такъ, какъ будто торопился куда-то.

— Дочери мои... дочери мои... —лепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ.

Глаза его были закрыты, грудь высоко и тяжело подымалась, а взамѣнъ стоновъ вырывалось изъ нея клокотаніе, словно она все болѣе и болѣе наполнялась чѣмъ-то, что мѣшало дышать.

Онъ ничего не сказалъ о своихъ сыновьяхъ; въ минуту смерти его душа болѣла только о дочеряхъ: онъ зналъ, что, получивъ отъ него въ наслѣдство его здоровье и энергію, мы всѣ пойдемъ сквозь строй жизненныхъ пытокъ, будемъ каждый въ одиночку биться съ жизнью и не упадемъ, гордо пройдемъ до конца; истерзанные, съ окровавленной душой—мы вынесемъ все!

Но какъ же горька и безотрадна ваша судьба, вы,

Digitized by Google

дочери бѣдноты, бѣдныя сестры мои! Вашимъ пѣвцомъ хотѣлъ бы я быть, ваши слезы и страданія хотѣлъ бы воспѣть, къ вашимъ ногамъ положить горькія пѣсни!.. Безпросвѣтно-грустна ваша жизнь!..

Клокотаніе въ груди отца все увеличивалось и наполнило всю грудь. Но воспаленное лицо его по-прежнему хранило выраженіе мужественной энергіи и яснаго сознанія. Онъ собралъ послѣднія силы и отчетливо прошепталъ:

— Прощайте!..

И вдругъ открылъ глаза широко, изумленно... Казалось, что вверху онъ увидѣлъ какое-то необыкновенное видѣніе, и глаза его, устремленные на что-то, невидимое намъ, медленно закатились, словно не могли оторваться отъ какого-то удивительнаго зрѣлища. Потомъ по лицу и всему тѣлу пробѣжало острое содроганіе, а вздохи становились все глубже и рѣже. Потомъ замерли, остановились... Долго не было вздоха... Наконецъ, вырвался глубокій вздохъ и опять замеръ... Эти послѣдніе вздохи были похожи на умирающее пламя лампы, когда оно то гаснетъ, то вспыхиваетъ снова. Послѣдняго вздоха я долго ждалъ — и не дождался.

Я стоялъ у постели отца съ какимъ-то страннымъ, деревяннымъ спокойствіемъ. Я смотрѣлъ на его мертвое лицо: оно пріобрѣло особенное выраженіе важности и молчаливаго знанія никому невѣдомой тайны. Мертвый, онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, походилъ на кардинала Ришелье... Горбатый носъ, правильная эспаньолка съ просѣдью, орлиная гордость и благородство лица, еще дышавшаго непреклонной волей и энергіей, придавали ему странную, почти царственную величавость. Нѣчто рыцарское было въ его чертахъ, и не вѣрилось, что этотъ важный мертвый старикъ—не герой, а лишь

Digitized by Google

задушенный жизнью пролетарій, бывшій крѣпостной рабъ.

Я ощутилъ желаніе заплакать, но, посмотрѣвъ на „шестерыхъ“, маленькихъ, съ бѣлыми кудрявыми головами, блѣдныхъ, съ недоумѣвающими глазками, удержался: вѣдь они бы всѣ взвыли вслѣдъ за мной, а я этого не хотѣлъ. Какъ только умеръ отецъ — я сразу почувствовалъ себя старше и серьезнѣе: на мои плечи опустилась тяжелая, словно чугунная ноша...

Женщины подошли къ мертвецу, чтобы закрыть ему глаза, и вполголоса говорили о чемъ-то, словно боясь, какъ бы онъ не услыхалъ...

Мнѣ предстояло очень много хлопотъ: идти взять ссуду на похороны, взять записку отъ священника, отъ полиціи, заказать гробъ и купить „мѣсто“ для могилы... Много...

Но пока еще было темно и рано идти: я подошелъ къ окну. Тусклый разсвѣтъ кисло и насмѣшливо смотрѣлъ на меня въ окно и въ душѣ моей звучала дрожащая, грустная мелодія прощанія съ юношескими мечтами. Звѣзды блѣднѣли и гасли. Одна изъ нихъ, маленькая, туманная звѣздочка, покатилась по небу и безслѣдно пропала.

Digitized by Google

Спитъ море предо мной... А я на берегу
Сижу и жду, печальный и угрюмый.
Жду вѣтра я: разстаться не могу
Съ давно-созрѣвшею, взлелѣянною думой.
Мнѣ посылаетъ даль безбрежная привѣтъ,
А вѣтра нѣтъ и нѣтъ!

Готовъ ужъ мой челнокъ, готовъ и парусъ мой,
Волна житейская приходитъ и отходитъ.
И вѣра теплится въ душѣ моей живой,
И мысли смѣлыя неумолкая бродятъ.
Лѣнивая волна шумитъ на нихъ въ отвѣтъ...
А вѣтра нѣтъ и нѣтъ!

Digitized by Google

КОМПОЗИТОРЪ.

Я шелъ по набережной мимо одного грязнаго трактира. Вдругъ мнѣ послышалось, что кто-то изо всей мочи крикнулъ мое имя: оглянувшись, я увидѣлъ въ окнѣ толстобрюхую фигуру мясника Сидорыча, моего давнишняго пріятеля, который отпускалъ мнѣ мясо въ долгъ. Онъ пріятельски осклаблялся, поманивъ меня рукой, и оралъ зычнымъ басомъ:

— Гаври-илычъ!.. Гаври-илычъ!..

— Чего тебѣ?—крикнулъ я ему.

— Зайди на минутку! Дѣло есть!..

Когда я вошелъ въ трактиръ, то сразу не могъ разобраться, такъ было накурено и такъ скверно пахло... Трактиръ, по случаю воскресенья, былъ полонъ, стоялъ гулъ голосовъ, входили и выходили люди, бѣгали блѣднолицые половые съ грязными салфетками, и я остановился на порогѣ, ища глазами Сидорыча...

— Суда! суда!—раздался его голосъ изъ угла:—иди суда!..

Сидорычъ всталъ изъ-за стола, за которымъ онъ сидѣлъ съ кѣмъ-то, взялъ меня за руку и, подведя къ собесѣднику, торжественно спросилъ меня:

— Знаешь-ли, кто это со мной сидитъ? И, потрясая вилкой, на которой былъ кусокъ сосиски, возопилъ:

— Это—ком-по-зи-торъ!

Digitized by Google

Сидорычъ былъ уже порядочно пьянъ. На столѣ стояла водка съ неопрятной кабацкой закуской. Тотъ, кого Сидорычъ назвалъ композиторомъ, поднялъ голову и поглядѣлъ на меня пьяными, добрыми голубыми глазами. Это былъ мускулистый человѣкъ лѣтъ около тридцати, съ густыми волнистыми кудрями и рыжеватыми усами. Его лицо являло всѣ признаки долголѣтняго пьянства: оно было измято, съ характерными морщинами и мѣшками подъ глазами, носъ былъ ноздреватъ и красенъ, но черты лица были красивы и выразительны, а голубые дѣтскіе глаза положительно напоминали мнѣ что-то забытое...

— А вѣдь мы съ вами знакомы были! — произнесъ онъ хриплымъ пропитымъ голосомъ и улыбнулся застѣнчивой улыбкой:—Органовъ!

Я былъ пораженъ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я зналъ Органова, страннаго симпатичнаго юношу, съ голубыми наивными глазами. Онъ тогда ничего не пилъ и былъ очень красивъ, онъ говорилъ и пѣлъ звучнымъ, пріятнымъ баритономъ и удивлялъ меня своими способностями, въ особенности, музыкальными. Онъ игралъ на всѣхъ инструментахъ оркестра, выучившись этому самоучкой, превосходно зналъ музыку и тогда еще писалъ какія-то музыкальныя пьесы и разыгрывалъ ихъ на фисгармоніи, которую сдѣлалъ самъ. Самъ же онъ сдѣлалъ себѣ и концертную гармонію. Жилъ онъ слесарнымъ ремесломъ, которымъ занимался дома, живя въ лачугѣ на краю города со старухой матерью. Зарабатывалъ онъ мало, занимаясь, большею частью, только починкой самоваровъ и часовъ. Зато онъ постоянно сидѣлъ за фисгармоніей... Изъ бѣдной лачуги вѣчно неслись стройные тягучіе аккорды. Его часто приглашали на мѣщанскія свадьбы играть на гармоніи. Игралъ онъ какъ артистъ.

Digitized by Google

Сидорычъ былъ одинъ изъ тѣхъ смѣшныхъ любителей музыки, которые сами ничего въ ней не понимаютъ и не имѣютъ слуха. Онъ не могъ спѣть ни одной самой простой пѣсни, а между тѣмъ замиралъ отъ восторга, когда слышалъ пѣніе или музыку. Понятно было его преклоненіе передъ „композиторомъ“.

— Онъ въ тоску можетъ человѣка вогнать! — хвалилъ Сидорычъ своего собутыльника:—до смерти люблю, когда онъ со слезой заиграетъ! Ему, братъ, пятьсотъ цѣлковыхъ за его ноты давали, а онъ, чудакъ, не продаетъ!..

— Да ну тебя!—укоризненно прервалъ его Органовъ.

— Что же вы не продали ваши сочиненія? — спросилъ я.

— Да такъ. Не къ чему. Денегъ мнѣ не надо: все равно, пропьешь... Пускай послѣ моей смерти возьмутъ...

— У него гвоздь въ башкѣ!—объяснилъ мнѣ Сидорычъ странный отвѣтъ композитора: — онъ на чемъ упрется, не собьешь! А ты лучше вотъ что: сейчасъ беремъ съ собой бутылку водки и—къ тебѣ. И Гаврилыча возьмемъ. Ты намъ сыграешь. Идетъ?

— Идетъ.

Компанія была подвыпившая, но Органовъ всегда мнѣ казался интересной личностью, какимъ-то человѣкомъ не отъ міра сего, и, кромѣ того, мнѣ хотѣлось послушать его игру. Я согласился поѣхать къ Органову. Мы сѣли втроемъ на извозчика, причемъ композиторъ кое-какъ прилѣпился на козлахъ. Ѣхать пришлось на самый край города, имѣвшій совершенно сельскій характеръ: тянулись пустыри и заборы, по улицѣ ходили коровы и свиньи, убогія лачуги смотрѣли печально. Мы, наконецъ, остановились у одной избы, надъ воротами которой висѣла сапожная вывѣска.

— Стопъ машина!—сказалъ Сидорычъ, слѣзая...

Digitized by Google

Черезъ низкія и темныя сѣни мы вошли въ мастерскую сапожника, который сидѣлъ на низенькомъ кругломъ стулѣ и работалъ, обнаживъ по локоть мускулистыя руки. Кругомъ валялись обрѣзки кожи, колодки и сапожные инструменты. Пахло тяжелымъ кислымъ запахомъ. Онъ посмотрѣлъ на насъ исподлобья и ничего не сказалъ. Встрѣтила насъ старуха, одѣтая по-деревенски.

— А ты бы погодилъ нынче напиваться-то! — раздраженно сказала она Органову: — скоро свадьбу идти вѣнчать, все бы сколько-нибудь заработалъ!

Мы прошли въ сосѣднюю маленькую комнату съ однимъ окномъ. Тамъ стоялъ голый столъ, три стула, кровать и фисгармонія. Пахло все тѣмъ же сапожнымъ запахомъ. Комната отдѣлялась тонкой досчатой переборкой, и было слышно все, что говорили въ домѣ.

— Человѣка только-что въ хоръ приняли, черезъ часъ ему надо на свадьбу идти, а тутъ разные пьяницы приходятъ спаивать! — слышался недовольный голосъ старухи.

— Пропащій человѣкъ!—подтвердилъ сапожникъ.

Органовъ ухмыльнулся.

— Это мой братъ! — сказалъ онъ:—сердитъ онъ, да вѣдь мнѣ наплевать... Не пойду я на свадьбу, потому что пьянъ, все равно денегъ не дадутъ, а только оштрафуютъ. Вы посидите, а я сбѣгаю въ лавочку за закуской!

И онъ нахлобучилъ картузъ.

Едва онъ вышелъ, какъ вошла старуха.

— Неудачный у меня сынокъ-то!—со вздохомъ начала она: — ни къ какому дѣлу не способенъ, пьянствуетъ! Ужъ вы, не знаю, какъ васъ, не давайте ему напиваться-то! На свадьбу ему надо идти, все, глядишь, хоть цѣлковый принесетъ, а житье наше бѣдное... Наказалъ Господь такимъ сыномъ.

Digitized by Google

— Развѣ онъ много пьетъ?—спросилъ я.

— Каждый день напивается... Совсѣмъ отъ дѣла отбился... А вѣдь слесарь-то какой хорошій былъ!..

Она прибрала немного въ комнатѣ и направилась къ двери. Я вышелъ за ней и остановилъ ее.

— Вы не сердитесь на насъ!—сказалъ я:—можетъ быть, онъ изъ-за насъ не пойдетъ на свадьбу, такъ вотъ...

И я сунулъ ей цѣлковый.

Это произвело на старуху ошеломляющее впечатлѣніе... Она вся просіяла и совсѣмъ перемѣнила обращеніе. Принялась благодарить и долго допытывалась, кто я такой: мой поступокъ казался ей удивительнымъ.

— Ужъ вы извините, батюшка, я вѣдь думала, что вы такой же шарамыжникъ, какъ эти, которые къ нему все ходятъ... Да кто вы такіе будете? Изъ какихъ вы?.. Да я вамъ горяченькой картошечки на закуску-то подамъ!..

Въ это время явился сынъ, и старуха скрылась. Онъ положилъ на столъ соленые огурцы и кусокъ скверной колбасы. Мать подала въ тарелкѣ жареный картофель... Сидорычъ откупорилъ бутылку, и мы выпили... Онъ прищелкивалъ языкомъ и пальцами и чувствовалъ приступы музыкальнаго восторга. Наконецъ, онъ не выдержалъ и, умильно посмотрѣвъ на молодого человѣка, сказалъ просительнымъ тономъ:

— А ну-ка ты, тово... вальни что-нибудь!

— Надо выпить сначала!—возразилъ музыкантъ.

Выпили еще.

Наконецъ, Органовъ сѣлъ къ своей самодѣльной фисгармоніи и взялъ нѣсколько аккордовъ. Фисгармонія была небольшая, но звуки были вѣрные и мягкіе. Сколько труда, вѣроятно, потратилъ бѣдный самоучка, чтобы соорудить этотъ инструментъ!

Сидорычъ замеръ въ ожиданіи.

Digitized by Google

— Что же играть?—спросилъ Органовъ, оборачиваясь къ намъ:—хотите, Моцарта сыграю? А то изъ оперы что-нибудь?

— Духовное сыграй!—сказалъ Сидорычъ:—о душѣ... и слова говори!..

— Ладно... Я сыграю одну пропорцію концерта „Высшую небесъ...“ Вы его нигдѣ не услышите...

Органовъ заигралъ печальную мелодію... Чистые, жалобные звуки сплетались въ благоговѣйные аккорды и, казалось, улетали къ небу... Но они были слишкомъ слабы и безпомощны и снова возвращались назадъ и болѣзненно пѣли о землѣ, о слезахъ и страданіяхъ... Низкіе басовые аккорды гудѣли тоже болѣзненно, тихо и меланхолично... Въ этихъ звукахъ чувствовался какой-то разладъ, тихая жалоба на что-то, что-то безпомощное и глубоко-печальное... Музыка шла отдѣльными короткими фразами, которыя, вѣроятно, нужно было пѣть вдумчиво, вразумительно, вникая въ ихъ печальный смыслъ... И Органовъ запѣлъ какъ бы про себя фистулой своего болѣзненно-разбитаго баритона:

„Отъ многихъ моихъ грѣховъ...“

Тутъ онъ взялъ аккордъ, тихій, какъ вздохъ, и продолжалъ, аккомпанируя болѣзненно жалобными звуками:

„Немощствуетъ... тѣло“...

И, словно послѣ нѣкотораго раздумья и вздоха фисгармоніи, добавилъ болѣе низко и тихо, просто и меланхолично:

„Немощствуетъ и душа“!..

— О-о-хо-хо!..—тихонько вздыхалъ Сидорычъ, наливая въ рюмки.

Органовъ имѣлъ способность извлекать живые звуки, передавать имъ настроеніе. Меланхолія воцарилась въ комнатѣ, и мы съ Сидорычемъ сидѣли печальными,

Digitized by Google

пока онъ вдумчиво, съ паузами, пѣлъ грустныя слова, пояснявшія грустную музыку.

— Будетъ! — вдругъ сказалъ музыкантъ: — надо выпить.

— Ахъ ты, Господи!—восхищался Сидорычъ, чокаясь:—и какъ это онъ можетъ прямо, можно сказать, за сердце человѣка взять?.. А?..

— А вы своей композиціи сыграйте что-нибудь!— попросилъ я.

— Своей композиціи — это на гармоніи, или на скрипкѣ... Да у меня какая композиція? Вродѣ старинныхъ русскихъ пѣсенъ... безъ словъ... У меня до двухсотъ старыхъ пѣсенъ на ноты положено... Этихъ пѣсенъ ужъ и не поютъ теперь... Я собиралъ...

Онъ снялъ съ окна огромную концертную гармонію съ какимъ-то особеннымъ устройствомъ ладовъ и заигралъ что-то протяжное, русское, напоминавшее степныя размашистыя пѣсни, полныя нѣжности и тоски, но, тѣмъ не менѣе, это не была обыкновенная народная пѣсня: мотивъ былъ облеченъ и обработанъ въ стройную музыкальную форму съ удачнымъ сохраненіемъ народнаго духа. Передо мною былъ одинъ изъ тѣхъ народныхъ композиторовъ, никому не извѣстныхъ, создающихъ самыя народныя пѣсни, до такой степени характеръ его музыки былъ сходенъ съ народной музыкой. Для него, вѣроятно, ничего не стоило выразить свои настроенія такъ, что получалась подлинная народная пѣсня, правильно положенная на ноты. Пусть это были даже подражанія народнымъ мотивамъ—все же отъ этой музыки вѣяло такой юношеской свѣжестью, глубиной и силой, что какъ-то не вѣрилось, будто душа этого спившагося слесаря могла породить ихъ на свѣтъ.

А этотъ огромный матеріалъ исчезающихъ народныхъ пѣсенъ, которымъ онъ владѣлъ, этихъ памятни-

Digitized by Google

ковъ безслѣдно исчезающей поэзіи, не представляетъ ли онъ, можетъ быть, огромной цѣнности? Да и самъ народный композиторъ не могъ ли сдѣлаться чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ, если бы не погибъ въ засасывающей мѣщанской средѣ, никѣмъ не понятый и даже самъ себя не понимающій? Органовъ игралъ, сидя на стулѣ и прислонившись спиной къ стѣнѣ. По временамъ онъ встряхивалъ густыми кудрями, а голубые глаза загорались какимъ-то особеннымъ радостнымъ блескомъ. Казалось, что хмель соскочилъ съ него, и въ чертахъ его измятаго лица я вновь узнавалъ забытый симпатичный образъ прежняго юноши, съ застѣнчивой улыбкой и прекрасными голубыми глазами. Казалось, что вдохновеніе, таившееся въ душѣ композитора, вновь одухотворило его преждевременно обрюзгшее лицо и сдѣлало его юнымъ и прекраснымъ. А гармонія пѣла дрожащими, задушевными звуками. И представлялся тихій лѣтній вечеръ въ степи, безбрежная ширь и даль, чуткая тишина и нѣжная гармонія, всевозможныхъ степныхъ звуковъ; и на этомъ фонѣ далеко плыла и уходила въ необъятную даль надрывающая душу пѣсня; въ ней точно кто-то прощается навѣки, рыдаетъ томительно-сладкимъ рыданьемъ, въ ней душа разстается съ тѣломъ... И все закончилось тонкимъ, уходящимъ въ даль тающимъ звукомъ, потонувшимъ въ печальной тишинѣ...

Сидорычъ молча вытеръ слезы и вновь наполнилъ рюмки. Бутылка быстро убывала.

Я сталъ говорить Органову, что у него, по всей вѣроятности, есть талантъ, что ему нужно заняться собой, бросить пить, уйти изъ мѣщанской обстановки и поѣхать въ большой городъ продолжать музыкальное образованіе.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Опять взялъ гармонію и заигралъ всѣмъ извѣстный, избитый шарманками, вальсъ.

Digitized by Google

Но я не узналъ этого вальса въ его исполненіи, столько было въ звукахъ страстной и безнадежной тоски, почти отчаянія. Лицо его приняло почти трагическое выраженіе, а голубые глаза потемнѣли, какъ темнѣетъ рѣка въ хмурую погоду.

Онъ игралъ „Невозвратное время“.

И вдругъ онъ рванулъ гармонію и заигралъ „комаринскаго“. Безшабашная, неудержимая удаль заговорила въ каждомъ звукѣ, дразня и подмывая къ пляскѣ... Пріунывшій-было Сидорычъ поднялъ голову и началъ передергивать плечами, потомъ притоптывать тяжелой ножищей. Темпъ комаринскаго все учащался, дѣлаясь все удалѣе и забористѣе... Правда, Органовъ забылъ опустить какой-то винтъ, дѣлавшій звуки дрожащими и рыдающими, и мнѣ странно было слышать развеселую плясовую пѣсню, сквозь которую пробивались рыдающіе звуки. Но Сидорычъ уже не выдержалъ, вскочилъ, распустилъ руки, какъ крылья, и поплылъ настолько граціозно, насколько позволяла ему его девятипудовая фигура.

Потомъ онъ топнулъ такъ, что все задрожало, и запрыгалъ на носкахъ, какъ воробей... Въ комнатѣ все затряслось.

— Эхъ, ходи изба, ходи печь!—крикнулъ онъ и началъ „откалывать“ новое колѣно. Каждая жилка плясала въ Сидорычѣ, на жирномъ, красномъ лицѣ сіяла блаженная улыбка.

Органовъ весело потряхивалъ кудрями и игралъ все забористѣе и зажигательнѣе...

— Сидорычъ, не выдай!—покрикивалъ онъ ему.

А сквозь дикое веселье комаринскаго слышались дрожащіе, плачущіе звуки.

Digitized by Google

Закипѣла въ сердцѣ кровь...
Я идти сбирался въ даль,
И пошли со мной—Любовь,
Дружба, Радость и Печаль.
Три подруги гнали прочь
Молчаливую, какъ ночь,
Нелюбимую Печаль, —
Но меня ей было жаль...
И неслышною стопой,
Въ отдаленіи, она
Всюду кралася за мной,
Одинока и грустна...
Тѣ-же спутницы мои
Пѣли, словно соловьи;
Но въ дорогѣ роковой
Всѣ разстались со мной:
Измѣнила мнѣ Любовь,
Дружба сгинула давно.
Въ сердцѣ стынуть стала кровь,
Въ сердцѣ сдѣлалось темно,
Радость скрылась той порой.
Я иду въ глухую даль,
И осталася со мной
Неразлучная Печаль.

Digitized by Google

Лѣвчіе.

Могучій хоръ усталъ за длинною обѣдней...
Пропѣли мы обрядъ богатыхъ похоронъ,
Подъ сводами гремя, растаялъ звукъ послѣдній,
И медленно гудитъ унылый перезвонъ.

Съ печальнымъ пѣніемъ пошли мы по дорогѣ.
За нами катафалкъ торжественно плыветъ.
Въ снѣгу, иззябшія, скользятъ и вязнутъ ноги,
И мрачно мы поемъ, толпой идя впередъ.

Румянитъ вѣтеръ насъ, и серебристый иней
Красивой сѣдиной обвилъ намъ волоса.
За гробомъ всѣ идутъ, какъ будто за святыней,
А мы идемъ впередъ, мы—смерти голоса.

О тайнѣ смерти мы живымъ поемъ по нотамъ,
Съ нуждой и бѣдностью нашъ неразлученъ трудъ;
Рабы счастливца мы, кого съ такимъ почетомъ
И благолѣпіемъ въ фамильный склепъ несутъ.

И вотъ на кладбищѣ, гдѣ липы вѣковыя,
Одѣты инеемъ, хранятъ покой могилъ,
Гдѣ мраморъ стерегутъ рѣшетки золотыя,
Хоронимъ мы того, кто золото любилъ.

Digitized by Google

Сверкаетъ всюду снѣгъ. Какъ ризою, покрыты
Пушистой пеленой ограды и кресты,
Деревья старыя и каменныя плиты...
О, какъ торжественно уходишь въ землю ты!

Наслѣдники твои—твоей кончинѣ рады;
Они воздвигнутъ здѣсь тяжелый мавзолей,
Но не придетъ никто къ дверямъ твоей ограды—
Ты и при жизни былъ не нуженъ для людей.

Противно мнѣ идти съ твоей наемной свитой
И голосъ отдавать—не людямъ, не борьбѣ,
Не пѣснямъ радости и битвы,—а тебѣ,
Мѣшокъ, червонцами набитый!

Digitized by Google

СПѢВКА.

Въ большой, но мрачной и грязной пѣвческой залѣ, лишенной почти всякой мебели, облокотясь на фисгармонію, стоялъ регентъ и нетерпѣливо потренькивалъ пальцами на скрипкѣ, вызывая короткіе, бѣглые звуки. Это былъ пожилой мужчина, съ черными тараканьими усами, съ безпокойно бѣгавшими глазками и съ наклонностью имѣть „брюшко“. Онъ прошелся, потренькивая, около фисгармоніи, причемъ обнаружилось, что онъ припадалъ на одну ногу. Дверь поминутно отворялась и затворялась, и въ комнату, шаркая ногами, собирался хоръ. Сначала шли мальчики, толкаясь и торопясь и на ходу оправляя свои курточки. Въ ожиданіи спѣвки они играли на дворѣ, отъ бѣготни и драки ихъ лица разгорѣлись, глаза блестѣли, и еще слышался сдерживаемый смѣхъ. Но при видѣ строгаго лица регента, улыбки быстро сплывали съ ихъ лицъ и замѣнялись озабоченнымъ выраженіемъ. Они становились по обѣ стороны фисгармоніи, лицомъ къ регенту; по одну сторону дисканты, по другую альты. Типы ихъ лицъ, казалось, соотвѣтствовали голосамъ: у дискантовъ были миловидныя тоненькія мордочки ангельскаго вида, а въ альты, большею частью, становились бутузы съ толстыми щеками и крупными чертами лицъ.

Нѣкоторые изъ мальчиковъ, тѣ, которые постарше, уже имѣли видъ отчаянныхъ сорванцовъ. На ихъ на-

Digitized by Google

хмуренныхъ лицахъ была написана наклонность къ злостному озорству. Одинъ изъ такихъ, очень хорошенькій, съ круглой, какъ выточенный шаръ, остриженной головой, проворно раздавалъ ноты, а въ то время, когда регентъ поворачивалъ отъ него голову, успѣвалъ ущипнуть, щелкнуть и дернуть нѣсколькихъ товарищей, состроить гримасу, и когда вслѣдствіе этого раздавался пискъ, и регентъ поворачивалъ голову, то видѣлъ уже его постную рожицу съ ангельскимъ выраженіемъ и грозно косился на обиженныхъ. За мальчиками вошли большіе, гудя и звучно откашливаясь и мимоходомъ раскланиваясь съ нимъ, а онъ слегка кивалъ имъ головой, потренькивая на скрипкѣ и зорко всматриваясь въ ихъ лица. Это были все здоровяки, плотные или жилистые, съ угрюмыми бородатыми и усатыми лицами, нѣкоторые съ густыми гривами до плечъ. Крупныя фигуры басовъ встали по одну сторону, тенора, народъ болѣе мелкій, становились по другую. Передъ каждой партіей стояли пюпитры съ разложенными нотами.

Въ общемъ сдержанномъ гулѣ слышалось перелистываніе нотъ, перешептываніе мальчиковъ и теноровъ и низкое гудѣнье басовъ, не имѣвшихъ шопота. Наконецъ, все утихло и пришло въ порядокъ, каждая партія встала полукругомъ передъ нотами, въ центрѣ полукруга стояли „главачи“—опытные пѣвчіе, которые „вели“ остальныхъ. Хоръ былъ большой. Тенорами предводительствовалъ маленькій плюгавенькій теноръ съ птичьей физіономіей и козлиной бороденкой, одѣтый модно, въ коротенькомъ пиджакѣ и узенькихъ брючкахъ. Въ центрѣ басовъ стоялъ худой и низенькій человѣкъ, не имѣвшій лѣвой руки, вмѣсто которой болтался пустой рукавъ. Усы у него были необыкновенно длинные и вьющіеся, развѣтвленные по концамъ; курчавые и длинные концы этихъ усовъ постоянно шевелились

Digitized by Google

отъ дыханія, какъ щупальцы. Среди басовъ онъ казался маленькимъ, такъ какъ по бокамъ его стояли огромные люди звѣрообразнаго вида, съ лицами итальянскихъ бандитовъ. Среди дискантовъ и альтовъ тоже были „главачи“,—мальчуганы съ отчаянными физіономіями, безцеремонно трепавшіе за шиворотъ подчиненныхъ имъ товарищей.

Регентъ обвелъ глазами хоръ.

— Опять не всѣ собрались! — сказалъ онъ скрипящимъ голосомъ: — Мокрилова нѣтъ, Шипилова нѣтъ, Пискунова тоже! Запишите штрафъ!.. Пьяницы!

— Похороны были!—прогудѣлъ позади басовъ огромный старикъ съ длинными сѣдыми волосами, по виду—разстриженный дьяконъ. Говорилъ онъ чудовищно-густымъ басомъ, уже расшатаннымъ и колеблющимся, но звучавшимъ, какъ колоколъ.

Регентъ пожалъ плечами. Хоръ сдержанно засмѣялся.

Два мальчика почтительно разложили на пюпитрѣ толстую партитуру для регента.

Онъ провелъ смычкомъ по струнамъ, затѣмъ опустилъ скрипку и поднялъ кверху смычокъ...

— Начнемте!—торжественно сказалъ онъ:—басъ! соло!

Однорукій человѣкъ, у котораго шевелились усы, запѣлъ одинъ... У него былъ гармоничный, бархатный басъ. Полные, круглые звуки аккордовъ плавно лились одинъ за другимъ.

По—ми—луй мя, Го—споди!

затрепеталъ его голосъ съ верхней ноты и, словно изнемогая, началъ спускаться книзу...

«Яко не-э-мо-още-энъ есть!»

спускался онъ все ниже и ниже, какъ будто желая освободиться отъ чего-то. Вдругъ къ нему присоединился жалобный, нѣжный, дрожащій и умоляющій голосъ:

Digitized by Google

«Исцѣли... Исцѣ-ли!».

А басъ, изнемогая, тщетно разбивалъ какія-то кандалы:

«Не-э-мо-о-ще-энъ есть!».

И вдругъ весь хоръ внезапно зашумѣлъ, какъ набѣжавшій шквалъ, и снова улегся; и опять выплылъ мягкій, жалобный теноръ. Это пѣлъ человѣкъ съ птичьей физіономіей.

«И душа-а! Душа-а моя-а»

жаловался онъ плачущими звуками.

«Душа-а!»

повторилъ онъ безнадежно...

«Сия-те-э-эся!»

густой волной прокатилась басовая рулада.

«Сия-те-э-э-ся!»

откликнулся теноръ и заплакалъ въ тревожныхъ жалобахъ.

Два голоса обнялись и зарыдали о мучительныхъ угрызеніяхъ кающейся грѣшной души...

«Слезами омочу постелю мою!»

терзался теноръ.

«Слезами омочу!»

повторялъ онъ неутѣшно, а хоръ, согрѣваемый теплой и густой октавой, глубоко вздыхалъ:

«О-мо-чу!»

Какъ будто наплакался, нарыдался человѣкъ за долгую безсонную ночь наединѣ съ самимъ собой, обливая слезами изголовье свое, выплакалъ всѣ слезы, изнемогъ, и только тогда утихла душевная мука, и созрѣло пламенное рѣшеніе.

Digitized by Google

«Отступи-те отъ мене-е!»

съ ужасающей энергіей грянулъ вдругъ весь хоръ, разражаясь быстрыми и короткими раскатами:

«Отступите, вси дѣ-ла-ю-щіи беззаконі-е!
Отступите! Отступите!»

А вслѣдъ за этою грозной лавой звуковъ, словно яркій лучъ, прорѣзавшій ненастныя тучи, засверкалъ радостный, торжествующій мотивъ, какъ будто была побѣждена какая-то враждебная сила.

«Постыдятся и смятутся
Вси врази мои зѣло вскорѣ!»

Побѣдительно мчался хоръ, а дѣтскіе голоса радостно и быстро звенѣли, какъ колокольчики:

«Вскорѣ—вскорѣ—вскорѣ!..»

Мрачные басовые звуки все болѣе и болѣе затушевывались и уходили вдаль, а ликующіе звонкіе переливы сверкающимъ потокомъ разлились и все затопили...

Пѣвчіе отирали потъ съ покраснѣвшихъ лицъ: работа была трудная.

Въ это время пришли двое запоздавшихъ пѣвчихъ. Одинъ былъ высокій, бородатый, хохлатый и мрачный басъ, другой—маленькій коренастый тенорокъ съ веселымъ подмигивающимъ лицомъ. Костюмъ послѣдняго былъ преувеличенно-фантастиченъ: одна нога была въ лаптѣ, а другая въ обрѣзкѣ, одна штанина синяго цвѣта, а другая парусиновая, и обѣ держались на тѣлѣ при помощи какихъ-то тесемокъ. Пиджакъ на немъ былъ съ чьихъ-то богатырскихъ плечъ и, достигая чуть не до пятъ, болтался какъ на вѣшалкѣ. Оба они были пьяны. Регентъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ.

Спѣвка продолжалась. Регентъ величественно стоялъ передъ пюпитромъ и разводилъ руками. Хоръ разливалъ цѣлое море звуковъ, которые не могли помѣ-

Digitized by Google

ститься въ комнатѣ. Весь воздухъ звенѣлъ. Порою окна вздрагивали отъ басовыхъ раскатовъ.

«Свя-атъ! Святъ! Свя-атъ!»

громыхали они, точно сваи вколачивали, сдѣлавъ свирѣпыя лица, выпуча глаза и наклонивъ сильныя покраснѣвшія шеи. Кто-то изъ басовъ выходилъ изъ себя и бороздилъ дикимъ голосомъ:

«Го-сподь Са-ввa-о-о!»

Регента передернуло. Онъ остановилъ хоръ, плюнулъ и застучалъ смычкомъ.

— Кто это тамъ?—закричалъ онъ съ негодованіемъ.— Что вы,—обратился онъ къ басамъ,—ревете, какъ быки, которымъ не даютъ барды? Васъ ведутъ въ ярмо, а вы не хотите, и хвостами, и рогами мотаете, землю копытами роете? И на мѣру не смотрите? Что вы, куда мордами встали? Вы вотъ куда мордами встаньте!

Басы сконфуженно встали „мордами“ къ регенту.

Онъ нервно подскочилъ къ мальчикамъ и, схвативъ одного за плечо, встряхнулъ его:

— Ты что, животное, въ сторону смотришь? Вотъ куда нужно смотрѣть!—ткнулъ онъ его носомъ въ ноты.— Ослы! Свиньи! Раздайте „Благослови душе моя Господа!..“

Загудѣла чудная, величавая музыка. Тихо расплывался и росъ торжественный гимнъ величію Бога. Красивыя, поэтическія слова одѣвались въ странную музыку, полную глубокаго содержанія. Въ ней слышалось какое-то таинственное дуновеніе непонятныхъ силъ и чудесъ вселенной, и преклоненіе передъ Богомъ, Котораго всюду видитъ и чувствуетъ чуткая душа.

«Одѣяйся свѣтомъ, яко ризою...
Покрываяй небо...»

разливались таинственно-строгіе аккорды.

«Ходяй на крылу вѣтренню!..»

Digitized by Google

Звуки росли, подымались, крѣпли... Хоръ усиливался, какъ приближающаяся буря...

«На гор—рахъ!»

гремѣли басы, напрягая широкія груди, и разразились, заглушивъ весь хоръ громовымъ ударомъ:

«Ста-а-нутъ воды!!»

Но этотъ ударъ былъ испорченъ безобразнымъ крикомъ кого-то изъ басовъ.

Хоръ гремѣлъ, а регентъ кричалъ и стучалъ, желая остановить хоръ.

«Бездна, яко рриза!..»

гремѣло кругомъ.

— Скоты!!

слышалось сквозь пѣніе.

«Отъ гласа гр-р-рому твоего не
убоя-а-атся!!..»

оралъ, увлекшись, пьяный басъ, не замѣчая, что уже весь хоръ остановился, и онъ оретъ одинъ.

— Вы пьяны, Шипиловъ! Если вы будете портить, я васъ выгоню со спѣвки!

Басъ что-то бурчалъ про себя, заикаясь:

— К-а-какой Егоръ явился! С-с-салаганъ.

А изъ теноровой партіи явственно послышался сочувствующій и хихикающій тенорокъ:

— Мартынъ съ балалайкой!..

Регентъ намѣренно не слышалъ этихъ словъ.

— Раздайте „возведохъ!“—сказалъ онъ печально.

Снова запѣлъ соло басъ съ живыми усами.

«Воз-ве-дохъ... о-чи мои...»

полился мрачный и безотрадный мотивъ, точно вдали

Digitized by Google

надвигалась громовая туча. Это была тоска сильной и глубокой души.

Но вмѣстѣ съ бархатнымъ басомъ грубо затянулъ и пьяный басъ.

«Въ го-о-... р-р-р-ы!...

ревѣлъ и онъ.

— Шипиловъ!—въ отчаяніи закричалъ регентъ: — что вы тамъ, какъ полушубокъ по печи возите? Молчите!

Опять начали сначала.

«Во-зве-дохъ...»

задрожала бархатная нота.

«Вво-зз-вве-ддохъ...»

затянулъ и Шипиловъ.

— Выдьте вонъ!—вспылилъ регентъ:—какой вы солистъ? У васъ не голосъ, а валяный сапогъ! Вы оба пьяны съ Мокриловымъ.

Изъ теноровой партіи что-то хихикнуло...

Это взорвало регента.

— Выдьте вонъ оба!—крикнулъ онъ, покраснѣвъ.

Пьяный басъ и пьяный теноръ подошли къ регенту.

— П-п-позвольте!—заикаясь, гудѣлъ басъ и вдругъ, ударяя себя въ грудь кулакомъ, заговорилъ, плача:— Николай С-с-степанычъ! К-какъ я могу молчать, к-когда... мое любимое соло... любимое соло... и вдругъ... поетъ другой!

— Уходите! Уходите!—замахалъ руками регентъ.

Тогда пьяненькій оборванный тенорокъ обнялъ плачущаго баса и сказалъ, утѣшая:

— Уйдемъ, Ваня! Насъ здѣсь не понимаютъ.

Обнявшись, они повернулись къ двери, медленно прошли сквозь безмолвствовавшій хоръ и вышли изъ пѣвческой.

Digitized by Google

Вдругъ дверь снова отворилась, и въ комнату заглянула голова тенора.

— Колченогій чортъ!—крикнулъ онъ тоненькимъ голоскомъ.

Потомъ показалась голова баса.

— Вввв...—гудѣлъ онъ, силясь что-то выговорить, и вдругъ эффектно и съ невольной экспрессіей выпалилъ:—Свв-волочь!

Дверь захлопнулась, и въ корридорѣ послышалось гулкое шарканье удаляющихся пьяныхъ ногъ.

Digitized by Google

Колокольчики-бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Тройка мчится, комья снѣжные летятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль!

Нѣтъ ни звѣздочки на темныхъ небесахъ,
Только видно, какъ мелькаютъ огоньки,
Не смолкаетъ звонъ малиновый въ ушахъ,
Въ сердцѣ нѣту ни заботы, ни тоски.

Эхъ! лети, душа, отдайся вся мечтѣ,
Потоните, хороводы блѣдныхъ лицъ!
Очи милыя мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ
Изъ-подъ черныхъ, изъ-подъ бархатныхъ рѣсницъ...

Эй вы, шире, сторонитесь, раздавлю!
Безконечно, жадно хочется мнѣ жить!
Я дороги никому не уступлю,
Я умѣю ненавидѣть и любить...

Ручка нѣжная прижалась въ рукавѣ...
Не пришлось бы мнѣ лелѣять той руки,
Да отъ снѣжной пыли мутно въ головѣ,
Да баюкаютъ бубенчики-звонки!

Digitized by Google

Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая
Тайны нѣжныя, завѣтныя мои!

Ночь окутала насъ бархатной тафтой,
Звѣзды спрятались, лучей своихъ не льютъ.
Да бубенчики подъ кованной дугой
Про любовь мою болтаютъ и поютъ...

Пусть узнаютъ люди хитрые про насъ,
Догадаются о ласковыхъ словахъ
По бубенчикамъ, по блеску черныхъ глазъ,
По растаявшимъ снѣжинкамъ на щекахъ.

Хорошо въ ночи бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Сквозь рѣсницы очи милыя блестятъ
Обдаетъ лицо серебряная пыль...

Digitized by Google

Я хочу веселья, радостнаго пѣнья,
Буйнаго разгула, смѣха и острот—
Оттого, что зналъ я лишь одни мученья,
Оттого, что жилъ я подъ ярмомъ заботъ.

Воздуха, цвѣтовъ мнѣ, солнечной погоды!
Слишкомъ долго шелъ я грязью, подъ дождемъ.
Я хочу веселья, я хочу свободы—
Оттого, что былъ я скованнымъ рабомъ!

Я хочу рубиться, мстить съ безумной страстью—
Оттого, что долго былъ покоренъ злымъ.
И хочу любви я, и хочу я счастья—
Оттого, что не былъ счастливъ и любимъ!

Digitized by Google

Утромъ зорька молодая
По-надъ моремъ занималась...
Море синее, вздыхая,
На нее залюбовалось...
Зорька съ тучками играла,
Море рдѣлось въ отдаленьи
И волнами цѣловало
Алой зорьки отраженье.
Пробудившемуся морю
Воспѣвать хотѣлось зорю,
И всплывали изъ пучины
Перлы, жемчугъ и рубины.
Но она не замѣчала
Ни взволнованнаго моря,
Ни любви его, ни горя
И безпечно убѣжала.
Голубыя волны снова
Съ грустнымъ ропотомъ заснули.
Перлы, жемчугъ и рубины
Снова въ безднѣ потонули.

Digitized by Google

ЛЮБОВЬ ДЕКОРАТОРА.

Декораторъ Костовскій запилъ въ такое время, когда именно не слѣдовало запивать: готовилась къ постановкѣ феерія, успѣхъ которой исключительно зависѣлъ отъ красоты декораціи. По городу расклеили анонсъ, нужно было устраивать различныя приспособленія, писать новыя декораціи, и вдругъ случилось то, чего такъ боялся режиссеръ: Костовскій запилъ.

Это всегда случалось въ самое горячее время, когда онъ былъ до-зарѣзу нуженъ, и происходило нечаянно, въ видѣ неожиданнаго несчастія. Словно злой духъ подталкивалъ его въ такое время, и запретная влага казалась ему неотразимо-заманчивой: онъ испытывалъ непреодолимое влеченіе испытать чувство преступности, поступить наперекоръ всему, во вредъ самому себѣ, но непремѣнно такъ, какъ хотѣлъ бѣсъ, который на это время въ него вселялся.

Сильныя впечатлѣнія становились положительно необходимы этой бурной, талантливой натурѣ—и онъ обрѣталъ ихъ въ пьянствѣ. Дни загула были у него всегда полны интересныхъ встрѣчъ и странныхъ приключеній, свойственныхъ только ему одному.

Зато, вытрезвившись, онъ принимался за работу съ какой-то неистовой энергіей: кругомъ него все тогда

Digitized by Google

кипѣло и трещало, а самъ онъ горѣлъ огнемъ вдохновенія.

Его не прогоняли за пьянство только потому, что это былъ дивный декораторъ, геній своего дѣла.

Онъ вредилъ репутаціи труппы скандалами, приключеніями, небрежною и грязной одеждой и всей своей плебейскою внѣшностью, но зато изъ-подъ его кисти выходили восхитительныя, художественныя декораціи, за которыя публика вызывала „декоратора“, и о которыхъ потомъ печаталось въ газетахъ.

Въ труппѣ, за кулисами, всѣ сторонились отъ Костовскаго, и никто не хотѣлъ водить съ нимъ знакомства; хористы тоже „пили“, но считали себя людьми высшей породы, чѣмъ рабочій-декораторъ, и не принимали его въ свою компанію, а хористки и балетныя танцовщицы относились къ нему, какъ къ существу безполому, избѣгали его и смотрѣли на него съ брезгливою гримасой. Онъ тоже мало интересовался ими.

Ему нравилась только одна—Юлія, маленькая балерина, да и ту онъ любилъ, только какъ художникъ, когда она плясала на сценѣ, освѣщенная электрическими лучами рефлектора, которымъ управлялъ онъ же. Ему нравились нѣкоторые повороты ея хорошенькой головки, и онъ любовался ею, отличая ее въ толпѣ другихъ балеринъ болѣе свѣтлымъ лучомъ. „Въ жизни“ онъ никогда не заговаривалъ съ нею, а она дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его вниманія.

Живя въ какомъ-то странномъ одиночествѣ, безъ любви и друзей, не интересный ни для кого въ труппѣ, но „необходимый“ для нея,—онъ испытывалъ безпредметное чувство „обиды“ и—запивалъ.

Такъ запилъ онъ и теперь, когда былъ въ сильной степени „необходимъ“.

Толстый режиссеръ стоялъ по окончаніи репетиціи

Digitized by Google

на сценѣ и разговаривалъ о Костовскомъ съ повѣреннымъ по дѣламъ труппы, щеголеватымъ брюнетомъ еврейскаго типа.

Широкое, жирное лицо режиссера, выражало сдерживаемое озлобленіе, озабоченность и грусть.

— Ну, скажите вы мнѣ пожалуйста,—говорилъ онъ какъ бы сквозь слезы, между тѣмъ, какъ въ груди его клокотала цѣлая буря:—ну, что я теперь буду дѣлать? ч-что я теп-перь б-буд-ду д-дѣл-лать?

И, безпомощно скрестивъ на толстомъ брюхѣ пухлыя руки, онъ злобно и грустно посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Свинство!—отвѣчалъ повѣренный:—запилъ еще на морѣ, когда мы сюда ѣхали, и до сихъ поръ не просыпается, пьетъ себѣ и знать ничего не хочетъ! И, знаете, вѣдь онъ въ дорогѣ свалился съ парохода! Это было забавно. Лежу я себѣ, сплю. Вдругъ шумъ. Стоимъ у Ялты. Штормъ. Кричатъ: „человѣкъ упалъ въ море!“ Я вскочилъ. „Кто такой?“ — Костовскій! — А, Костовскій, а я думалъ—кто другой! Я опять легъ спать, потому что Костовскій не человѣкъ, а свинья.

— Какъ же онъ упалъ? пьяный?

— Конечно. Заснулъ на палубѣ, а про него и забыли. Пароходъ накренился, море его и слизнуло.

— Хо-хо-хо!—басовито засмѣялся режиссеръ.

— Хе-хе-хе!—тоненькимъ смѣхомъ откликнулся повѣренный:—но всего забавнѣе, что море его не приняло: не успѣлъ Костовскій проснуться, какъ его уже опять на палубу бросило. Удивительный случай! Такого подлеца и море не принимаетъ!

Режиссеръ засмѣялся генеральскимъ басовымъ смѣхомъ, отъ котораго затряслось его обширное чрево.

— Гдѣ же онъ теперь? не разыскали еще?—спросилъ онъ, нѣсколько смягченный разсказомъ о приключеніи съ Костовскимъ.

Digitized by Google

— Здѣсь. Вытрезвляется въ костюмерной. Искали его, искали и, наконецъ, настигли, голубчика, въ кабакѣ, въ самый разгаръ драки съ какими-то мастеровыми, не дали кончить драку и багажемъ доставили сюда. Подъ глазомъ у него теперь вотъ такой фонарь.

— Позовите-ка его сюда, пьяницу.

Молодой человѣкъ суетливо побѣжалъ черезъ сцену и скрылся за кулисами. Въ пустомъ театрѣ гулко разносился его взывающій, тонкій голосъ:

— Костовскій! Костовскій!

Вскорѣ онъ вернулся къ режиссеру, подмигивая и какъ бы желая сказать: сейчасъ начнется комедія!

— Сейчасъ придетъ: стыдно ему, мнется...

Послышались медленные, неровные шаги, и на сцену вышелъ человѣкъ, который возбудилъ столько негодованія и не былъ принятъ моремъ.

Это былъ человѣкъ средняго роста, сильнаго тѣлосложенія, жилистый и мускулистый, нѣсколько сутуловатый. Одѣвался Костовскій въ синюю блузу, испачканную красками и подпоясанную широкимъ ремнемъ. Грязные, замасленные брюки заправлялъ въ высокіе сапоги. Костовскій имѣлъ видъ обыкновеннаго рабочаго. Руки у него были длинныя, какъ у гориллы, жилистыя и, должно быть, очень сильныя. Сила чувствовалась даже въ его некрасивомъ, но характерномъ лицѣ съ развитыми скулами и большими рыжеватыми усами, свѣшенными внизъ. Изъ-подъ сдвинутыхъ бровей мрачно и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно смотрѣли голубые глаза. Особенностью этого лица являлось еще выраженіе стремительности и необыкновенной энергіи. Подъ лѣвымъ глазомъ красовался огромный синякъ — слѣдъ искуснаго удара. Жесткіе свѣтлые волосы его торчали во всѣ стороны непокорными, злыми вихрами, и весь Ко-

Digitized by Google

стовскій производилъ впечатлѣніе существа размашистаго и неукротимаго.

Онъ застѣнчиво и вмѣстѣ гордо поклонился, никому не подавая руки.

— Что же это вы дѣлаете, Костовскій? А?—холодно обратился къ нему режиссеръ:—пьеса назначена на завтра, а придется ее отмѣнить! Зачѣмъ вы мнѣ пакостите, скажите пожалуйста? честно ли это съ вашей стороны? зачѣмъ вы пьянствуете? вонъ какое у васъ подъ глазомъ украшеніе! Стыдитесь!

Костовскій попятился, запустилъ въ свои вихры огромныя пятерни и вдругъ весь загорѣлся страстнымъ, неукротимымъ чувствомъ:

— Маркъ Лукичъ!—воскликнулъ онъ хриплымъ, глухимъ, но проникновеннымъ голосомъ:—я—пилъ! Но теперь—баста! Я сдѣлаю все, что нужно! Сегодня суббота, спектакля нѣтъ, я не выйду отсюда до завтра! Я всю ночь буду работать! Я! Я... Ахъ ты, Бож-же мой!

Костовскій потрясъ въ воздухѣ руками и, казалось, весь былъ охваченъ отчаянной энергіей. Онъ жаждалъ работы, какъ искупленія.

— Да вѣдь вы понимаете ли, что нужно сдѣлать? нужно написать новую декорацію во всю сцену. И написать хорошо! Понимаете ли? Х-хар-рашо написать!

— О, я напишу! Я напишу!—воскликнулъ Костовскій, воодушевляясь и запуская въ жесткіе вихры всѣ десять пальцевъ. Онъ, забывшись, прошелся по сценѣ и остановился противъ режиссера.

— Раскажите мнѣ суть, какая должна быть декорація, для чего она?—спросилъ онъ болѣе спокойно.

— Видите ли, это будетъ второй актъ. Двое заблудились ночью въ степи. Мѣсто должно быть дикое, глухое. На нихъ нападаетъ страхъ. Тутъ происходятъ сверхъестественныя вещи. Вотъ вы и напишите такую степь,

Digitized by Google

чтобы все было: и даль, и мгла, и тучи, и чтобы публикѣ жутко дѣлалось...

— Довольно!—прервалъ Костовскій:—я напишу вамъ степь. Я буду работать ночью, при лампахъ, на сценѣ. Завтра все будетъ готово. Матеріалъ есть?

— Все есть, только работайте!—вставилъ свое слово повѣренный.

Но Костовскій уже почувствовалъ декораторское вдохновеніе. Онъ отвернулся отъ своихъ начальниковъ, не слушая, не видя ихъ, позабывъ о нихъ. Онъ всталъ посреди сцены и, теребя свои вихры, закричалъ мощнымъ, повелительнымъ голосомъ:

— Гей, Павелъ, сюда! Ванька, бѣги ко мнѣ живо! Поворачивайтесь, чортовы дѣти, Костовскій работаетъ!

Театральный рабочій Павелъ и подмастерье Ванька, личность юркая и чумазая, страстно преданная сценѣ, засуетились, разстилая громадное полотно, притаскивая кисти и краски.

— Ну,—сказалъ повѣренный режиссеру:—слава Богу, образумился, пьесу теперь не придется отмѣнять! Пойдемте обѣдать, ему теперь не надо мѣшать.

Они ушли.

Сцена всю ночь была ярко освѣщена. Въ пустомъ театрѣ было тихо, какъ въ могилѣ. Только раздавались иногда шаги Костовскаго, когда онъ, съ длинной кистью въ рукѣ, то подходилъ къ полотну, то отходилъ отъ него. Кругомъ стояли ведра и горшки съ красками...

Работа кипѣла у Костовскаго. Съ подбитымъ глазомъ, весь перепачканный въ краскахъ, съ торчащими вихрами и усами онъ совершалъ своей огромной кистью какую-то титаническую работу. Глаза его горѣли. Все лицо его было вдохновенно.

Онъ творилъ.

Утромъ въ одиннадцать часовъ вся труппа, собрав-

Digitized by Google

шись на репетицію, стояла толпой передъ произведеніемъ Костовскаго. Артисты, хористы, хористки и балерины смотрѣли на громадную декорацію то со сцены, то изъ партера и высказывали свои мнѣнія. Въ глубинѣ сцены, во всю ея ширину висѣла гигантская картина.

Это была степь.

На первомъ планѣ она заросла густымъ и высокимъ бурьяномъ, репейникомъ и перекати-поле. Дальше виднѣлась печальная степная могила, густо поросшая травой, а потомъ уже и развернулась безотрадная, глухая степь съ безконечной, удивительной далью, степь сказочная, богатырская, бездорожная, безлюдная... Казалось, что вотъ-вотъ изъ-за могильнаго кургана покажется Илья Муромецъ и гаркнетъ:

— Есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?

Но молчитъ угрюмая степь, грозно и мрачно молчитъ, а на горизонтѣ вырѣзаются могильные курганы, и ползутъ косматыя, зловѣщія тучи. И нѣтъ конца этимъ тучамъ и могиламъ, и безконечна эта страшная степная даль...

Отъ всей картины вѣяло мрачнымъ настроеніемъ. Оно давило душу. Казалось, что вотъ-вотъ произойдетъ здѣсь что-то страшное, что могилы и тучи имѣютъ какое-то символическое значеніе, что онѣ какъ будто живыя... Правда, на близкомъ разстояніи въ декораціи Костовскаго ничего нельзя было разобрать: какая-то грубая мазня и ляпня огромной кистью, широкіе мазки, спѣшные штрихи и больше ничего.

Но чѣмъ дальше отходили отъ нея зрители, тѣмъ все яснѣе и яснѣе выступала картина громадной степи, одухотворенной могучимъ настроеніемъ. И чѣмъ пристальнѣе смотрѣли на нее всѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе поддавались ошущенію жуткости.

Наконецъ, всѣ разразились похвалами декоратору.

Digitized by Google

— Ай да Костовскій!—гудѣла вся труппа:—молодчина! Талантъ! Этакую чертовщину напустилъ!

— Что жъ!—наивно отвѣчалъ онъ:—мы народъ мастеровой: работать—такъ работать,—гулять—такъ ужъ гулять! Мы этакъ!

Всѣ смѣялись надъ нимъ, но говорили о немъ цѣлый день: никогда еще не писалъ онъ такъ удачно.

А онъ продолжалъ орудовать въ своей декораторской, и энергія его только еще разгоралась. Во время репетиціи онъ писалъ „индійскій храмъ", кричалъ на своихъ приспѣшниковъ и даже крикнулъ въ пылу вдохновенія на самого режиссера, который хотѣлъ-было ему что-то указать.

Онъ былъ неукротимъ, невмѣняемъ и величавъ. Онъ расхаживалъ по своей мастерской еще болѣе вихрастый и грязный, чѣмъ прежде, писалъ великолѣпный фантастическій „храмъ" и переживалъ счастье вдохновенія. Весь видъ его, взбудораженный безсонной, вдохновенной ночью, былъ олицетвореніемъ силы и страстной энергіи: блѣдное лицо съ синякомъ и торчащіе злые вихры, пламенные глаза, изъ которыхъ словно исходили голубые лучи—все говорило, что вдохновеніе Костовскаго вспыхиваетъ не на минуту, но горитъ долго, неизсякаемымъ, ровнымъ свѣтомъ.

Онъ весь ушелъ въ свой „храмъ", когда почувствовалъ около себя чьи-то легкіе шаги и ароматный запахъ. Онъ обернулся: передъ нимъ стояла Юлія.

Она стояла въ костюмѣ балетной танцовщицы, т. е. почти безъ костюма, такъ какъ на репетиціи приходилось танцовать. Это была маленькая, хорошенькая брюнеточка въ розовомъ трико, бѣлыхъ башмачкахъ и воздушно-легкой коротенькой юбочкѣ. Высокая, крѣпкая грудь ея ровно и спокойно дышала, а свѣжее золотисто-смуглое лицо улыбалось. Миндалевидные, черные

Digitized by Google

глаза, подернутые влагой, смотрѣли нѣжно и словно обѣщали Костовскому нѣчто. Въ балетномъ костюмѣ она напоминала сказочную фею. Трудно было представить существо, болѣе противоположное Костовскому, чѣмъ эта фея. Она была вся—изящество и легкость, а онъ—неуклюжій, темный, размашистый, смущенно стоялъ передъ ней и съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее. Длинная кисть въ его рукѣ опустилась на полъ, къ ея ногамъ...

Костовскій позабылъ свою работу. А Юлія звонко разсмѣялась, сверкая мелкими острыми зубками, подошла къ нему ближе легкими, граціозными шажками и, протягивая ему свою маленькую ручку, смѣло сказала:

— Здравствуйте, Костовскій!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Громадный оперный театръ былъ переполненъ публикой. За кулисами кипѣла работа, происходила давка, суета и бѣготня.

Сквозь занавѣсъ слышалось гудѣніе толпы, и доносились торжественныя волны оркестра.

Рабочіе метались, какъ угорѣлые, устраивая декораціи; блоки визжали, а сверху изъ какой-то темной высоты то спускались, то поднимались огромныя полотна, стѣны дворцовъ, куполы, лѣса и морскія волны.

Всей толпой рабочихъ распоряжался Костовскій.

Онъ былъ неузнаваемъ. Лицо его помолодѣло, посвѣтлѣло, голубые глаза свѣтились весело и счастливо. На немъ блестѣли лакированные сапоги, и ловко сидѣла бархатная куртка; вихры не торчали.

— Спускайте морское дно!—крикнулъ онъ звонкимъ голосомъ.

Спустили огромное полотно съ изображеніемъ мор-

Digitized by Google

ского дна. Декораторъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и еще разъ съ любовью посмотрѣлъ на „морское дно“: это было его новое произведеніе.

— Слушай, Павелъ!—закричалъ онъ опять:—когда поплывутъ наяды—ты пусти Юлію ниже всѣхъ, по дну ее пусти!

— Слушаю!

Пробѣжалъ сценаріусъ, человѣкъ, на истасканномъ бритомъ лицѣ котораго уже давно запечатлѣлось циничное знаніе закулисной стороны всего на свѣтѣ.

— Ангелы, чортъ васъ побери, — оралъ онъ хриплымъ голосомъ:—наяды, чтобъ васъ... по мѣстамъ!..

Наконецъ, все было готово для того, чтобы наяды на блокахъ могли проплыть черезъ сцену по „морскому дну“.

Костовскій уже стоялъ на вышкѣ съ электрическимъ рефлекторомъ, направленнымъ на сцену: онъ самъ устраивалъ свѣтовые эффекты для освѣщенія декорацій и дѣйствующихъ лицъ.

„Морское дно“ озарилось и зажглось нѣжнымъ, поэтическимъ свѣтомъ.

Этотъ зеленовато-серебристый свѣтъ какъ будто проникалъ сквозь воду сверху, оттуда, гдѣ блещетъ яркій солнечный день.

А здѣсь, на днѣ, все жило, не зная свѣта.

Въ перспективѣ стоялъ коралловый рифъ, а кругомъ него жадно протягивали по водѣ свои вѣтви странныя полуживыя растенія, плавали слизистыя медузы...

Внизу, на первомъ планѣ, зіяла мрачная подводная пещера, а изъ нея высовывались отвратительныя щупальцы огромнаго спрута, и неподвижно смотрѣли два его зеленыхъ глаза.

И среди этого первобытнаго, уродливаго міра вдругъ появилась чудная, прекрасная женщина съ распущен-

Digitized by Google

ными волосами и голыми плечами, у которой вмѣсто туловища было рыбье тѣло, покрытое блестящей, серебряной чешуей. Красоту ея чудной головки и роскошныхъ плечъ какъ бы оттѣнялъ безобразный подводный міръ.

Она проплыла, какъ рыба, гибко и свободно извиваясь, сверкая чешуей, а за ней показалась другая, третья, четвертая и цѣлая стая.

Тѣла ихъ свѣтились прозрачно-молочнымъ свѣтомъ, серебряная чешуя горѣла голубыми искрами. Освѣщенныя лучами рефлектора, онѣ, по волѣ Костовскаго, стали дивными, сказочными красавицами.

Но всѣхъ ихъ затмевала одна. Она плыла ниже всѣхъ, почти по дну, и выдѣлялась изъ всѣхъ яркостью своей красоты.

Она была освѣщена лучше, обольстительнѣе всѣхъ: нѣжнѣйшіе лучи рефлектора тепло и любовно падали на нее, бѣжали за ней и, лаская ея гибкое тѣло, придали обольстительное выраженіе ея лицу, а глаза сдѣлали похожими на звѣзды.

Она казалась созданной только изъ свѣта, и этотъ свѣтъ незамѣтно мѣнялся съ каждымъ моментомъ. И она мѣнялась, рядясь въ тысячу оттѣнковъ, и казалась царицей моря.

Она чувствовала, что волшебникъ-декораторъ надѣлилъ ее дивной красотой, что восхищенная публика готова гремѣть апплодисментами въ честь этой красоты, и, проплывая вблизи декоратора, благодарно вильнула ему блестящимъ рыбьимъ хвостомъ, на который вдругъ посыпался, по волѣ щедраго, влюбленнаго декоратора, цѣлый ливень разноцвѣтныхъ брилліантовъ...

Она уплыла за кулисы, а онъ, приподнявшись на цыпочки и счастливо улыбаясь, послалъ ей изъ-за рефлектора воздушный поцѣлуй.

Digitized by Google

Въ труппѣ всѣ знали объ этой закулисной любви: Юлія всегда возвращалась изъ театра въ сопровожденіи Костовскаго, они жили въ одной гостинницѣ, и его номеръ приходился рядомъ съ ея номеромъ. Костовскій былъ постоянно съ ней и любовался на красавицу, а она охотно позволяла ему ухаживать за собой. Онъ бѣгалъ за ней, какъ вѣрная собака, и подолгу терпѣливо дожидался ея у дверей женской уборной, пока она беззаботно разгримировывалась, переодѣвалась и болтала съ подругами.

На этотъ разъ по окончаніи спектакля ему особенно долго пришлось стоять у лѣстницы. Изъ женской уборной то и дѣло выходили закутанныя женскія фигурки и уходили съ другими мужчинами, которые дожидались у лѣстницы каждый свою женщину, какъ и декораторъ.

Толпа рѣдѣла, а „ея“ все не было.

Печально и озабоченно стоялъ Костовскій, безучастно смотря вокругъ и уповающе посматривая на дверь уборной.

А дверь отворялась все рѣже и рѣже, и вышли почти всѣ женщины.

Наконецъ, вышла хористка Роза, бойкая еврейка.

— Что вы тутъ стои-те?—протянула она, удивленно поднимая брови и дѣлая лукавую гримаску:—я послѣдняя, больше никого нѣтъ, а Юлію вы прозѣвали: она давно уѣхала!

— Какъ уѣхала?—спросилъ Костовскій, и на лицѣ его выразилась острая боль.

— Ха-ха-ха!—разсыпалась Роза серебристымъ смѣхомъ:—очень просто, еще до конца спектакля съ поклонникомъ своимъ уѣхала, а вы, миленькій, давно уже ей надоѣли!

Декораторъ отшатнулся и схватилъ себя за вихры.

— Неправда!—сказалъ онъ глухо.

Digitized by Google

— Ну, вотъ еще!—затараторила Роза:—самъ виноватъ! Ей только и хотѣлось выдвинуться. Вы ее всегда такъ освѣщаете, что за ней теперь весь первый рядъ ухаживаетъ! Она сдѣлаетъ себѣ карьеру! А вы ей теперь больше не нужны.

Еврейка засмѣялась и, таща свой узелъ, побѣжала по лѣстницѣ.

Костовскій долго стоялъ неподвижно на прежнемъ мѣстѣ и, объятый тишиной и тьмой пустого театра, чувствовалъ, какъ въ груди его, сначала понемногу, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе разливалось пламя жгучаго страданія.

Когда онъ постучался въ дверь ея номера, Юлія встрѣтила его холодно.

Влажные глаза ея равнодушно и спокойно блестѣли изъ-подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ, черные волосы, небрежно зашпиленные, лежали роскошной короной, и два густыхъ локона свѣшивались на ея полныя щеки. На ней былъ широкій японскій костюмъ изъ дешовой матеріи и легкія туфли.

— Юлія...—прошепталъ Костовскій, задыхаясь отъ волненія.

— Садитесь!—сказала она небрежно и ничего не замѣчая:—займитесь чѣмъ-нибудь; мнѣ, право, некогда занимать васъ...

— Юлія...

Она прилегла на кровать и углубилась въ чтеніе книги, какъ будто ей никакъ нельзя было оставить чтеніе.

Его бѣсила эта ненужная хитрость женщины: зачѣмъ хитрить и этимъ еще болѣе оскорблять его, когда можно сказать прямо.

Digitized by Google

— Юлія, ты говоришь со мной, какъ съ гостемъ, котораго нужно занимать? Что за церемоніи?

— Тутъ нѣтъ никакихъ церемоній!—отвѣчала она, внезапно оскорбившись:—это—простота отношеній: кто чѣмъ хочетъ—тѣмъ и занимается. Вотъ я — читаю... И вы чѣмъ-нибудь займитесь, а скучно будетъ—уйдите.

Она выгоняла его.

Костовскій свирѣпѣлъ отъ этой „простоты отношеній“ и отъ ея перехода съ прежняго короткаго „ты“ на „вы“.

— Послушайте!—сказалъ онъ раздраженно и тоже переходя на „вы“:—мнѣ нужно поговорить съ вами... Я подожду, когда вы кончите читать...

Она не отвѣчала и, полулежа на кровати, смотрѣла въ раскрытую книгу. Наступило тяжелое молчаніе.

Костовскій сидѣлъ за столомъ и молча смотрѣлъ на Юлію: облокотясь на подушки, она лежала въ граціозной кошачьей позѣ, подобравъ подъ платье ножки, обутыя въ легкія туфельки, и эти маленькія туфельки шаловливо прятались подъ складками платья, дразня Костовскаго.

Сквозь легкое платье обрисовывались красивыя очертанія ея тѣла, широкіе рукава позволяли видѣть по локоть ея маленькія, полненькія ручки, и вся она была такъ мила и граціозна, что Костовскій, ненавидя ее въ эту минуту, все-таки чувствовалъ влеченіе обнять ее...

Онъ отвелъ отъ нея глаза. Комната ея была бѣдная — дешовенькій номеръ гостинницы, освѣщенный электричествомъ. У двери стоялъ гардеробъ съ ея костюмами, около стола комодъ и зеркало... На вѣшалкѣ у входа въ комнату висѣла ея плюшевая кофточка, затканная кошачьими лапками. Онъ долго съ ненавистью смотрѣлъ на эту кофточку и на кошачьи лапки. И ему вспоминалось, какъ прежде она ласково встрѣчала

Digitized by Google

его, усаживала въ кресло и, смѣясь, нѣжно гладила ручкой его жесткіе вихры, и какъ отрадно было этимъ вихрамъ ощущать прикосновеніе нѣжной, маленькой ручки.

Она быстро отшвырнула книгу и гнѣвно встала съ постели.

— Вамъ не о чемъ со мной говорить! — вскричала она, краснѣя:—все уже переговорили! Пора кончить эту любовную канитель, это миндальничанье!

Костовскій весь затрясся и всталъ изъ-за стола.

— Канитель... миндальничанье...—съ горечью повторилъ онъ.—Юлія! Что же случилось между нами?

— Ничего между нами не было и быть не могло!— энергично заявила она:—мы слишкомъ разные люди... ничего общаго... и... намъ надо раззнакомиться!

Она двинула стуломъ, сѣла въ уголъ, гдѣ было темнѣе, и посмотрѣла на него изъ темноты своими большими черными глазами: у этихъ глазъ было всегда одно и то же выраженіе: на кого они смотрѣли, того и приглашали куда-то и обѣщали что-то, безъ вѣдома ихъ обладательницы. Отталкивая, она въ то же время звала его къ себѣ.

— Я понимаю!—печально заговорилъ онъ, подсаживаясь къ ней:—тебѣ хочется разстаться со мной, у тебя есть, говорятъ, другой... кто-то изъ перваго ряда... Что жъ? Разстанемся... только зачѣмъ эти хитрости и зачѣмъ ссора? Я не хочу, чтобы все это кончилось такъ скверно—ссорой: мнѣ хочется, чтобы послѣ хоть вспомнить можно было... Но, Юлія, знай, что эти... изъ перваго ряда... презираютъ тебя... унижаютъ... смотрятъ какъ только на тѣло... а вѣдь я... я—л-люб-лю тебя, чортъ тебя возьми, проклятая!

Онъ держалъ ее за руки выше локтя и трясъ въ своихъ лапахъ.

Digitized by Google

— Фи! Какъ это грубо! Ругается! Пустите! Пустите вы мнѣ руки вывихнете! Грубый!

Ей хотѣлось поссориться съ нимъ. Онъ, въ свою очередь, почувствовалъ приливъ звѣрской злобы, страстное желаніе растерзать, избить, вытолкать ее...

Онъ еще крѣпче сжалъ ея руки. Глаза его позеленѣли, зубы скрипнули, и на сильныхъ скулахъ обозначились желваки.

— Ай!—вскрикнула она.

Но онъ уже бросился передъ ней на колѣни.

— Милая, дорогая, золото, солнышко мое, радость моя! Ты для меня—все! Всѣ мои мысли и всѣ мои чувства—все для тебя, и отъ тебя, и—къ тебѣ! О, я грубъ, я—звѣрь, но я люблю тебя! Безъ тебя нѣтъ мнѣ жизни! Опять погружусь на дно, откуда ты вызвала меня! Ну, милая, ну, счастье мое, прости меня... видишь, я цѣлую твои руки, твое платье... я плачу... прости!..

И, стоя передъ ней на колѣняхъ, этотъ большой и сильный человѣкъ ловилъ маленькія ручки маленькой женщины, цѣловалъ ихъ, цѣловалъ ея платье и плакалъ...

Когда онъ поднялъ голову, то вдругъ поймалъ на себѣ ея внимательный, странный взглядъ: въ этомъ взглядѣ черныхъ глазъ, подернутыхъ влагой, не было ни любви, ни состраданія къ нему, ни презрѣнія, но было что-то очень обидное, похожее на любопытство, но безсердечнѣе, чѣмъ любопытство: это была *любознательность* естествоиспытателя, съ какою онъ рѣжетъ живого кролика, или любознательность собирателя насѣкомыхъ, когда накалываютъ на булавку рѣдкаго, замѣчательнаго жука и смотрятъ, какъ онъ корчится на булавкѣ. Онъ даже и теперь интересовалъ ее, только какъ нѣчто оригинальное, самобытное: рѣзкіе переходы отъ грубости къ нѣжности, странность объясненія, вспышка звѣрской злобы и вслѣдъ затѣмъ

Digitized by Google

униженіе передъ ней и слезы—все это было очень интересно.

Но Костовскаго словно молніей озарило: онъ понялъ настоящее, истинное отношеніе къ нему Юліи и почувствовалъ, что раненъ ею смертельно, что она только интересовалась имъ, но любить его никогда не могла, что она—существо совсѣмъ другого міра, чѣмъ онъ... что онъ чуждъ ей. Слова замерли въ груди Костовскаго. Онъ замолчалъ, схватилъ шапку и опрометью, не взглянувъ на Юлію, выбѣжалъ изъ гостинницы.

Костовскій почти безсознательно очутился въ грязномъ извозчичьемъ кабакѣ. Давно уже онъ не запивалъ, но теперь почувствовалъ, что ему необходимъ кабакъ, и надо, чтобы кругомъ шумѣли голоса, и крякали извозчики, чтобы пахло водкой, и въ ушахъ звенѣла кабацкая посуда.

Онъ сидѣлъ въ углу кабака одинъ, за маленькимъ столикомъ, и пилъ водку. Передъ нимъ стояла бутылка съ этимъ напиткомъ и скверная кабацкая закуска. Грязная скатерть была облита водкой и пивомъ, тусклыя керосиновыя лампы подъ потолкомъ слабо освѣщали кабакъ, наполненный пьяными людьми. Всѣ они галдѣли, пили, звенѣли посудой; блѣднолицые половые бѣгали, подавая напитки, а въ сосѣдней комнатѣ щелкали билліардные шары, и кто-то изъ игроковъ, каждый разъ, когда ударялъ кіемъ, запѣвалъ теномъ веселые куплеты:

Хожу ли я, брожу ли я...

— Десятку въ уголъ, дуплетомъ! р-разъ!

Все Ю-лі-я да Юлія...

— О, ч-чортъ!—ворчалъ про себя Костовскій, нали-

Digitized by Google

вая десятую рюмку и мрачно опрокидывая въ свое горло жгучій напитокъ.

Онъ злился, что и здѣсь, въ кабакѣ, „она“ преслѣдуетъ его. Онъ рѣшилъ „забыть“ ее навсегда: онъ презиралъ ее, онъ ее ненавидѣлъ и не хотѣлъ вспоминать о ней.

Кабакъ повѣялъ на него своими звуками и запахами, облегчая страданія Костовскаго давно знакомымъ колоритомъ чего-то родного, вольнаго, прежняго.

Но мало-по-малу мысли его незамѣтно удалялись изъ кабака, опять появлялась „она“ и не отходила прочь.

Она была теперь въ костюмѣ „наяды“, съ рыбьимъ тѣломъ, въ серебристой чешуѣ, ярко освѣщенная разноцвѣтными лучами, обольстительно-прекрасная... Она манила его за собой, соблазнительно улыбалась и уплывала въ даль, въ безбрежное море...

И человѣкъ, влюбленный въ наяду, чувствовалъ, что погибаетъ, что никогда не вернетъ онъ прежней безпечности, силы и здоровья души.

И ему вспоминалось, какъ онъ жилъ прежде, когда не зналъ наяды и ея поцѣлуевъ. Онъ кутилъ, да. Но это было не пьянство, а молодечество, сила на волю рвалась! Веселья и размаха жаждало сердце.

Потомъ онъ, словно сказочный рыбакъ, нашелъ въ сѣтяхъ своихъ наяду. И поднялъ онъ ее на руки и сталъ цѣловать и—прощай безпечная жизнь! Погубила наяда человѣка!

— О, чортъ!—продолжалъ рычать Костовскій, допивая водку и тѣмъ желая отогнать мучительныя мысли. Но „она“ безжалостно терзала его и являлась передъ нимъ то въ одномъ костюмѣ, то въ другомъ: то она была „фея“, то „пастушка“, то опять „наяда“, то близко подплывала къ нему въ домашнемъ широкомъ платьѣ,

Digitized by Google

и черные локоны ея волосъ упадали на полныя румяныя щеки... И всю ее заливали яркіе, поэтическіе лучи.

Съ друзьями чару хмѣльную
Порою разопью ли я—
Все Юлія да Юлія...

доносилось изъ билліардной. Мало-по-малу кабакъ наполнялся туманомъ, сквозь него чуть-чуть мерцали лампы, а гулъ пьющаго народа отдалился куда-то и сталъ похожъ на далекій прибой моря. По кабаку пошли морскія волны, равномѣрно подымаясь и опускаясь. А изъ волнъ опять выплывала наяда и, смѣясь, манила къ себѣ Костовскаго.

На минуту онъ приподнималъ голову и опять видѣлъ передъ собой бутылку, наливалъ изъ нея и снова пилъ; туманъ, сгущаясь, клубился передъ его глазами. Но отуманенный виномъ, онъ все-таки видѣлъ, какъ изъ винныхъ паровъ поднимался надъ бутылкой ея поэтическій, милый образъ.

Когда черезъ нѣсколько сутокъ, послѣ долгихъ поисковъ по кабакамъ, Костовскаго, наконецъ, нашли и вытрезвили, шла опять опера съ „морскимъ дномъ“ и „наядами“.

Теперь Костовскій опять имѣлъ свой первоначальный видъ: грязный, небрежно одѣтый декораторъ сталъ еще мрачнѣе, вихры его сдѣлались упрямѣе, усы ощетинились больше прежняго.

Мрачно стоялъ онъ на своей вышкѣ, за кулисами и освѣщалъ „наядъ“ лучами рефлектора. Въ душѣ его былъ холодъ, мракъ и ожесточеніе. Теперь онъ уже и самъ сторонился отъ всѣхъ, ненавидѣлъ всю трушу и жилъ одинъ.

А „наяды“ плыли по „морскому дну“. И онъ свѣтилъ на нихъ.

Digitized by Google

Но это былъ не прежній поэтическій свѣтъ. Декораторъ свѣтилъ печальнымъ, блѣднымъ свѣтомъ, и онѣ казались безжизненными, болѣзненными, полумертвыми...

Когда же поплыла Юлія, попрежнему ниже всѣхъ, на нее полились зловѣщіе темносиніе лучи, и она скорѣе казалась фуріей, чѣмъ наядой. Лицо у нея было синее, страшное, съ черными губами и темными впадинами вмѣсто глазъ, а скользкое рыбье тѣло словно облито было отвратительной слизью...

Гулъ отвращенія пошелъ по театру.

А декораторъ освѣтилъ тѣмъ же свѣтомъ и „морское дно“ со всѣми его чудовищами: какъ символъ кошмара и тоски, выступилъ изъ мрака зеленоглазый спрутъ, зашевелились слизистыя медузы...

Синее тѣло Юліи словно плавало въ этой отвратительной массѣ и, наконецъ, слилось вмѣстѣ съ нею въ одно живое, безобразное существо.

Декораторъ медленно поворачивалъ стекла рефлектора, смотрѣлъ на созданное имъ освѣщеніе, и ему казалось, что онъ уничтожилъ и разрушилъ все прежнее очарованіе, что женщина, которую онъ любилъ, никогда не была хороша; ему казалось, что теперь онъ видитъ ее въ настоящемъ свѣтѣ, что божественно-прекрасной она становилась только тогда, когда была освѣщена свѣтлыми лучами его любви.

Digitized by Google

Сонъ.

Мнѣ снилось поле. Оно кругомъ
Покрыто было травою сочной.
И вѣтеръ влажный страны полночной
Шептался съ полемъ, объятымъ сномъ.
Могучій ливень едва прошелъ,
Омылъ онъ травы, хлѣба, березы...
На листьяхъ всюду блестѣли слезы,
Смѣялось небо, холмы и долъ.
Дышалъ привольемъ родимый край,
Насыщенъ воздухъ былъ ароматомъ,
Густыя нивы блестѣли златомъ,
Снопы возили... Былъ урожай.
Благословляли всѣхъ небеса,
Все было полно любви предъ нами,
И по дорогѣ, между хлѣбами,
Мы шли съ тобою, моя краса.
Твою я руку рукой ловлю,
И ты смѣешься, и мы счастливы,
И намъ кивають густыя нивы,
И я, какъ прежде, тебя люблю...

Digitized by Google

О пробужденье, какъ грустно ты!
Въ поляхъ давно ужъ и снѣгъ и холодъ,
Повсюду ходитъ суровый голодъ,
И льются слезы у бѣдноты...
Угасло счастье, какъ метеоръ,
Въ душѣ отрава на вѣкъ осталась,
И уже годы прошли съ тѣхъ поръ,
Какъ надо мною ты насмѣялась...

Digitized by Google

Ночи.

(Посвящается А. А. Смирнову).

Ночи мои, ночи!.. Какъ вы молчаливы!
Темная,—какъ вы же,—ночь въ душѣ моей.
Мысли, словно звѣзды, блещутъ горделиво,
Золотымъ узоромъ загораясь въ ней.
Спитъ, какъ звѣрь усталый, этотъ міръ проклятый,
Вѣчно мнѣ враждебный... чуждъ я для него.
Въ комнатѣ унылой, тишиной объятой,
Я и мои мысли—больше никого!
И на тучахъ скорби, какъ лучи заката,
Чуть блеститъ холодный, отраженный свѣтъ:
Свѣтъ очей, блестѣвшихъ гдѣ-то и когда-то,
Образъ, унесенный вихремъ долгихъ лѣтъ.
Кажется, что солнце засіяло снова,
Мнится, что за кресломъ та, кого люблю,
Отъ которой скрылъ я, не сказавъ ни слова,
Всю тоску, всю нѣжность, всю любовь мою.
И на эти строки смотритъ образъ милый,
Прогоняя тѣни сердца моего...
Къ ней я обернулся—въ комнатѣ унылой
Я и мои мысли—больше никого!

Digitized by Google

Близокъ часъ разсвѣта. Звѣзды въ небѣ таютъ...
Но темнѣе стало на душѣ моей:
Свѣтлый образъ милой тихо улетаетъ:
Сердце рвется къ свѣту, вдаль, туда, за ней...
Ночи мои, ночи! Какъ вы быстротечны,
Темныя подруги сердца моего!
Идутъ дни и годы, а со мною вѣчно
Только мои мысли—больше никого!

Digitized by Google

Вы сказались, безсонныя ночи!
Вы сказались, душевныя муки!
Загораются злобою очи,
Опускаются сильныя руки...

Вы сказалися, жгучія слезы,
Что мочили мое изголовье!
Отлетѣли завѣтныя грёзы
И сгорѣло былое здоровье...

Словно женщина, жизнь измѣнила,
И судьба надо мной насмѣялась!
Много силы въ душѣ моей было,
А теперь—ужъ немного осталось...

Все былое,—какъ тѣни, какъ пепелъ;
Я,—какъ нива, побитая градомъ...
Никогда въ моемъ прошломъ я не пилъ
Капли счастья, не сдобренной ядомъ!

Переполнено сердце отравой,
И душа моя въ трауръ одѣта...
Но кипитъ еще бурною лавой
Въ сердцѣ жажда свободы и свѣта!

Digitized by Google

РАННЯЯ ОБѢДНЯ.

Темно. Зимняя ночь заворожила городъ безтрепетнымъ молчаніемъ. Нигдѣ ни огонька, ни звука шаговъ, ни скрипа санныхъ полозьевъ по снѣгу.

Ночные караульщики спятъ на лавкахъ у воротъ, закутанные въ свои огромные тулупы. Только на темномъ небѣ трепещутъ синеватыя звѣзды и холодно смотрятъ на спящій міръ, окутанный безпросвѣтною, молчаливою мглой.

За ночь тротуары замело снѣгомъ, и на этомъ снѣгѣ еще нѣтъ нигдѣ слѣда человѣческаго. Тихо. Городъ словно вымеръ. Отовсюду чутко смотрятъ тьма и молчаніе.

И вдругъ воздухъ дрогнулъ отъ густого мѣднаго звука. Это былъ грустный, надрывающій сердце ударъ. Медленно колыхаясь, упалъ онъ въ мертвую тишину, и тишина поглотила его, и уныло растаялъ въ ней этотъ глубокій и печальный вздохъ соборнаго колокола.

И опять стало тихо. И чутко дышетъ молчаніе ночи, и тревожно смотритъ отовсюду тьма. Казалось, что внезапный зовъ колокола безслѣдно пропалъ въ пустынѣ молчанія, что онъ не разбудилъ сонной тьмы.

Но когда замеръ его одинокій голосъ, откуда-то издалека доплылъ отвѣтъ другого колокола. И, перепутываясь вдалекѣ, стали рождаться разноголосые мѣд-

Digitized by Google

ные крики. Они говорили о чемъ-то другъ другу и, печально вздыхая, падали въ бездну тишины, и тишина поглощала ихъ.

Въ старинномъ соборѣ чуть-чуть свѣтился огонекъ. Черные, низкіе своды таинственно терялись въ темнотѣ. Огромныя тѣни, колыхаясь, блуждали по собору.

Свѣчи и лампады, какъ звѣздочки теплились въ правомъ низкомъ придѣлѣ; въ лѣвомъ и переднемъ алтарѣ, подъ куполомъ, было совсѣмъ темно.

Позвякивая большими ключами, прошелъ церковный сторожъ, сѣдой, какъ лунь, съ окладистой бородой и кудрявыми волосами въ кружало. Его шаркающіе шаги и металлическое звяканье ключей отчетливо повторяются эхомъ въ темныхъ алтаряхъ, и кажется, что тамъ кто-то ходитъ другой, огромный, мягкій и кроткій. Гигантская тѣнь старика ложится черезъ весь соборъ, перегибается на ступеняхъ амвона, ползетъ по бѣлымъ косякамъ узкихъ оконъ съ узорчатыми желѣзными рѣшетками.

Гулко хлопнула тяжелая дверь, и вмѣстѣ съ бѣлыми клубами холоднаго воздуха въ церковь вошелъ высокій дьяконъ въ енотовой шубѣ съ огромнымъ поднятымъ воротникомъ. Онъ отогнулъ воротникъ, разгладилъ окладистую бороду, тряхнулъ длинными волосами, уцѣлѣвшими только на затылкѣ, и осторожно крякнулъ, прочищая горло.

Звукъ его густого баса встревожилъ всю тишину собора, и она безпокойно всколыхнулась, подхватила металлическій голосъ дьякона и долго играла имъ подъ темными сводами.

Дьяконъ тяжелыми шагами прошелъ черезъ всю церковь въ алтарь. Его картинная фигура съ длинной бородой, ниспадавшей на грудь, и кудрями на затылкѣ вырѣзалась на свѣтломъ фонѣ золотыхъ иконъ рѣзко-

Digitized by Google

очерченнымъ силуэтомъ. За нимъ по каменнымъ плитамъ двигалась огромная, неопредѣленная тѣнь.

Тяжелая дверь опять отворилась, родила гулкіе звуки, опять кто-то вошелъ и кашлянулъ. Силуэты людей все чаще и чаще обрисовывались въ полутьмѣ, и отъ каждаго человѣка падала длинная тѣнь. Шумно пробѣжали мальчуганы-пѣвчіе съ красными отъ мороза щеками, послышались теноровыя и басовыя покашливанія взрослыхъ пѣвчихъ.

Стали входить фигуры въ дубленыхъ полушубкахъ, въ промерзлыхъ лаптяхъ.

Всюду кроткими звѣздами вспыхивали огни свѣчъ. Наконецъ, изъ алтаря задребезжалъ старческій голосъ священника, и дьячекъ громко сталъ читать часы горловымъ козлинымъ голосомъ.

Это былъ мастеръ быстраго чтенія. Слова у него сыпались такъ стремительно, что въ нихъ нельзя было уловить никакого смысла. Громко барабаня языкомъ, онъ сладостно замиралъ, переводя дыханіе, и, быть можетъ, находилъ своеобразное удовольствіе въ своемъ искусствѣ.

...„На рукахъ возьмутъ тя, да не когда преткнеши... на аспида и василиска... и попереши льва и змія... Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго“...

Отдѣльныя фразы мелькали и тонули въ быстромъ потокѣ его чтенія; „Господи, помилуй“ сыпалось частою дробью и сливалось въ какое-то безсмысленное „помилосъ“.

А сквозь шумъ его чтенія, хлопанье двери и шаги входящихъ въ храмъ изъ алтаря струилось низкое рокотаніе густого дьяконова баса.

Изъ темноты лѣваго придѣла выходили пѣвчіе: они давно уже дремали во мглѣ клироса въ ожиданіи на-

Digitized by Google

чала обѣдни. Хоръ становился не на клиросѣ освѣщеннаго придѣла, гдѣ было тѣсно, низко и глухо, а подъ самой аркой. Высокіе силуэты басовъ загородили ее полукругомъ, а мальчики стояли посреди церкви подъ паникадиломъ высокаго купола, двумя кучками, одна противъ другой. Въ центрѣ хора виднѣлся неопредѣленный силуэтъ регента.

Изъ придѣла крякнулъ дьяконъ и возгласилъ густымъ речитативомъ:

— Бла-гос-ло-ви, вла-ды-ко-о-о!

Старческій голосъ священника чуть слышно доносился изъ алтаря, и регентъ скорѣе чутьемъ, чѣмъ ухомъ, угадалъ окончаніе возгласа. Онъ взмахнулъ руками и хоръ густымъ аккордомъ загудѣлъ обычное „аминь“.

Пѣли довольно лѣниво. Нераспѣтые, отяжелѣвшіе отъ сна голоса немного понижали тонъ, у теноровъ иногда выскакивали „галушки“, басамъ трудно было стихать. Только октавѣ было хорошо: послѣ сна или, можетъ быть, перепоя она свободно пускала самые низкіе звуки, и они густой волной разстилались по каменному полу.

„Октава“ исходила изъ огромнаго силуэта старика въ плохомъ сюртукѣ, съ длинными сѣдыми волосами и благообразной бородой.

Вскорѣ этотъ силуэтъ, длинный и наклоненный впередъ, огромными шагами передвинулся въ придѣлъ съ большой книгой въ рукахъ.

Хору не видно было богослуженія въ придѣлѣ, и регентъ, прислушиваясь, руководился только звуками.

А позади хора уже стояла темная толпа народа. Это были все овчинные тулупы, полушубки, поддевки, мужицкія бородатыя лица. Къ этой ранней службѣ ходитъ только молчаливый и бѣдный людъ со своей крѣп-

Digitized by Google

кой вѣрой въ Бога, съ темными зачатками мыслей, задолго до разсвѣта приходящій сюда получить своеобразное душевное удовлетвореніе.

— Бр-ра-тіе!..—доносился изъ придѣла тяжелый басъ огромнаго силуэта. Видно было, какъ высокій старичище стоялъ въ толпѣ, выше ея на голову, и ревѣлъ, растопыривъ передъ собой тяжелую книгу.

„Не пріоб-щай-те-ся къ дѣламъ неплоднымъ тьмы-ы“... Чтеніе апостола даетъ пѣвчимъ время для отдыха, выхода изъ церкви, чтобы покурить, и для разговоровъ. Они сгруппировались и, пользуясь ревомъ чтеца, свободно разговариваютъ.

Подошелъ къ нимъ и регентъ—плотная фигура съ брюшкомъ.

— „Воз-ста-ни, спяй, и воскрес-ни отъ ме-е-рт-выхъ!“—грохоталъ здоровенный басище.

— Куда бы мнѣ спровадить эту окаянную силу?—кивнулъ регентъ въ сторону оглушительнаго рева.

— А что, надоѣлъ?—прогудѣлъ кто-то басомъ.

— Мочи моей нѣтъ! Только портитъ. Помните, въ прошлый разъ второпяхъ схватилъ ноты вверхъ ногами и зазѣвалъ одинъ верхнее „ре“, а написано-то, конечно, нижнее, піаниссимо..

— Куда его дѣнешь?—безнадежно сказалъ кто-то:—дѣваться ему некуда! Въ униженіи человѣкъ, ну и—ослабъ!..

— А кто виноватъ? Не пьянствуй!

„Сего ра-ди не бывайте нес-мы-ыс-лен-ни!“—сурово гремѣлъ надъ толпой старичище:—„Но разумѣвающе, что есть воля Б-бо-жі-я!“

— Вѣдь онъ до чего доходилъ? Въ рясѣ, днемъ, фонарные столбы выворачивалъ при всемъ народѣ! „Не я“, говоритъ, „Христа забылъ, а Христосъ меня“!..

— Да оно, духовенство-то, всегда много пьетъ, особ-

Digitized by Google

ливо дьякона. Рѣдкій не сопьется и въ концѣ концовъ въ пѣвчіе не попадетъ, потому что жизнь такая: обѣды, крестины, молебны! Какъ тутъ не погибнуть слабодушному человѣку? А купечество? И опять же—скука!

— Отъ пьянства всѣ гибнутъ!—солидно сказалъ регентъ: — вотъ Урбановъ тоже! Двѣ недѣли глазъ не кажетъ, пьяная морда! Ну, не подлецъ-ли? Въ ногахъ валялся, клялся, что не будетъ пить; одѣли его купцы, а онъ опять!..

Регентъ съ грустью и злобой покачалъ головой и сказалъ съ неожиданной рѣшимостью:

— Въ шею!..

— Жалко!—возразили ему:—хорошій солистъ!

— Еще бы!—согласился регентъ:—талантъ, чудный теноръ, сколько души, сколько вкуса, чувства, н-но—пьяница! Ничего не подѣлаешь! Придется разстаться. Вѣдь другой бы съ его голосомъ и способностями карьеру себѣ сдѣлалъ, а этотъ лѣнтяй въ пьянствѣ изжилъ всю свою жизнь! Я ему, подлецу, и дверей теперь не открою, коли опять придетъ каяться! Усталъ я отъ этой канители! И что это за удивительная вещь? Какъ хорошій пѣвчій, такъ изъ рукъ вонъ пьяница!

— Да онъ, пожалуй, какъ бы сейчасъ къ ранней не пришелъ? Вытрезвляется, говорятъ.

— Ну, если придетъ, споемъ „Покаяніе“: я его пр-ро-ма-нежу!

— Сорвется, пожалуй, онъ тамъ съ верхняго-то „ля“? Вѣдь послѣ запоя!...

— А мнѣ какое дѣло? Умѣешь пить, такъ умѣй и пѣть! А не то—съ Богомъ, въ босяки!

— Пропоетъ!—возразилъ кто-то:—послѣ запоя онъ удивительно хорошо поетъ! Я помню, онъ какъ-то разъ „Яко согрѣшихомъ“ спѣлъ: диву всѣ дались! Поетъ, а у самого слезы по мордѣ такъ и теку-утъ!..

Digitized by Google

Бывшій дьяконъ добрался до самыхъ верхнихъ нотъ и неистово оралъ, выходя изъ себя:

„Не упива-айте-ся вино-о-мъ!

Въ немъ-же есть блу-у-удъ“!

Ему трудно было остановить массу своего голоса на неудобномъ звукѣ „д“, и его басъ, упираясь въ низкіе своды, неуклюже рухнулъ, какъ глыба.

— Миръ ти!—укоризнено сказалъ ему священникъ. Старичище что-то недовольно проворчалъ ему въ отвѣтъ октавой и возвратился въ хоръ. Хоръ запѣлъ...

Для „Херувимской“ одинъ изъ мальчиковъ роздалъ всѣмъ партіямъ ноты. Подъ темной аркой пѣвчіе зажгли свѣчи, чтобы свѣтить на бумагу. Нотные листки освѣщались трепетнымъ мерцаніемъ восковыхъ свѣчекъ. Блѣдный свѣтъ случайно попадалъ на сдвинутыя плечи, лица, бороды пѣвчихъ. За предѣлами этого слабаго свѣта все тонуло во мракѣ.

А тамъ, во мракѣ, шевелилась и вздыхала таинственная толпа въ полушубкахъ, лаптяхъ и валеныхъ сапогахъ. Неясная и неопредѣленная отъ темноты, она казалась громадной и стихійной, и загадочной со своею глубокою и темною жизнью духа, полною нетронутой вѣры...

Волнами, тихо, широко и стройно разливалась херувимская пѣснь.

Хора почти не видно было въ темнотѣ, и казалось, что благоговѣйно-тихое пѣніе доносится изъ купола, откуда спускается къ людямъ рой свѣтлыхъ ангеловъ. Они вѣютъ своими серебряными крыльями и несутъ въ этотъ бѣдный міръ, молящійся во мракѣ, что-то прекрасное, чистое и свѣтлое...

Народъ тихо шевелился и осторожно вздыхалъ, и казалось, что вотъ сейчасъ таинственная мгла, одѣвающая эту мрачную церковь, разорвется, какъ завѣса,

Digitized by Google

и всѣ увидятъ иной міръ, свѣтлый, радостный, полный разноцвѣтныхъ лучей, залитый волнами серебристаго свѣта, прекрасный, какъ это стройное пѣніе...

Но въ церкви все такъ же мрачно и темно, и волны ангельскаго пѣнія, приближаясь, опять уходятъ въ куполъ и медленно замираютъ, словно доносятся издали; и вотъ уже ушли, и все стихло, словно въ воздухѣ невидимо проплыла небесная процессія, странное и нѣжное видѣніе, которому нѣтъ мѣста во мракѣ печальной и несчастной земли.

Грубо звучитъ металлическій голосъ дьякона. Грустно дребезжитъ старческій голосъ священника. И вдругъ неожидано и мощно грянули басы:

„Я-ко да ца-ря!...“

И вслѣдъ за ними, порхая и крутясь, понеслись дѣтскіе и теноровые голоса. Они радостно мчались въ куполъ, перепутываясь и догоняя другъ друга, какъ въ майскій день золотые мотыльки на солнцѣ.

А басы порывисто и быстро, все выше и выше, все мощнѣе и грознѣе повторяли:

„Подымемъ! Подымемъ! Подымемъ!“

Мракъ становился блѣднѣе. Въ узкія окна купола пробивался разсвѣтъ; и яснѣе можно было различать внутренность храма, толпу народа и фигуры пѣвчихъ. И по мѣрѣ того, какъ становилось свѣтлѣе, — все кругомъ утрачивало свой мрачный и таинственный колоритъ.

Обѣдня близилась къ концу. Хоръ тихо и молитвенно пѣлъ „Отче нашъ“. Въ черной толпѣ мелькали бѣлыя руки: всѣ осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ.

Въ это время въ полукругѣ хора появилась робкая фигура человѣка, одѣтаго очень плохо; это былъ тщедушный, до времени изжитой человѣкъ, съ козлиной бороденкой и рѣдкими, спутанными кудрями до плечъ...

Digitized by Google

Видно было, что лицо его было когда-то красивымъ, и кудри—густыми и холеными... На немъ была изодранная кацавейка, подпоясанная краснымъ платкомъ, заплатанныя брюки и промерзлые ботинки безъ калошъ. Онъ стыдливо и застѣнчиво горбился и пряталъ въ рукава красныя отъ холода руки.

Въ хорѣ произошло движеніе, и пронесся шопотъ: „Урбановъ“...

Регентъ презрительно покосился на него, а онъ стоялъ въ полукругѣ, на виду у всѣхъ, презираемый всѣми, и, быть можетъ, самъ презирая себя, съ прижатыми къ груди руками, въ жалкой позѣ ничтожества...

Изъ хора выступили въ полукругъ солисты: высокій басъ съ бѣлокурой бородой и низенькій хохлатый теноръ съ рябымъ лицомъ.

Регентъ сдѣлалъ едва замѣтное движеніе рукой: Урбановъ подвинулся впередъ. И они всѣ трое стояли въ полукругѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга: Урбановъ въ серединѣ, подъ аркой, лицомъ къ алтарю и регенту, который стоялъ передъ ними съ поднятой рукой.

— Покаяніе!—чуть слышно сказалъ онъ и задалъ тонъ.

Пѣвцы замерли на своихъ мѣстахъ. Регентъ плавно шевельнулъ рукой, и они запѣли.

Басъ гудѣлъ стройно, какъ органъ, рябой вторилъ теноромъ, а высокимъ „первымъ“ теноромъ запѣлъ оборванецъ.

У него былъ нѣжный и мягкій, свободный голосъ. Странно было слышать благородные и трогательные звуки изъ впалой груди измытареннаго пропойцы. Эти грудные звуки струились свѣтлымъ и чистымъ потокомъ, и незамѣтно переходили въ нѣжную фистулу, тихо-тихо замирали, и когда казалось, что они уже

Digitized by Google

замерли, они начинали опять расти, расширяться, опять обращались въ грудные, цѣльные и полные звуки и опять замирали. Незамѣтно было, когда онъ переводитъ дыханіе, и голосъ его казался безконечнымъ и безграничнымъ, какимъ-то моремъ звуковъ.

Они пѣли тріо „Покаянія отверзи ми двери".

Урбановъ, жалкій, всклокоченный, съ умоляющимъ видомъ стоялъ передъ суровымъ регентомъ и пѣлъ о „покаяніи". А регентъ пронизывалъ его испытующимъ окомъ и неумолимо помахивалъ рукой. Въ хорѣ промелькнули улыбки.

„От-ве-е-рзи!.."

повторилъ опять Урбановъ, но уже съ большей страстностью, въ очень высокую, звонкую ноту, подъ густой аккомпаниментъ баса и рябого тенора, и уже вспыхнуло въ этомъ звукѣ что-то проникновенное, что̀ сразу передалось всѣмъ и прекратило улыбки.

А молчаливая толпа народа какъ бы замерла, перестала шевелиться, кашлять и вздыхать, и неизвѣстно было, слушаетъ ли она пѣвцовъ, или совсѣмъ не замѣчаетъ ихъ.

Урбановъ пѣлъ и медленно выпрямлялся, устремивъ глаза свои въ куполъ. Онъ сразу какъ бы отодвинулъ на второй планъ остальныхъ пѣвцовъ и къ одному себѣ привлекъ всеобщее вниманіе.

„Храмъ носяй тѣ-лес-ный!"

нѣжно трепеталъ его голосъ.

„Храмъ!" струннымъ аккордомъ торжественно гудѣлъ басъ.

„Весь... весь... весь осквернилъ!"

рыдалъ голосъ Урбанова, а самъ онъ все крѣпче прижималъ къ своей впалой груди красныя, иззябшія руки.

„Осквернилъ!"

глубоко и печально вздыхалъ басъ. И въ толпѣ народа

Digitized by Google

также послышались вздохи. Ихъ такъ было много, что они сливались въ какой-то невнятный шелестъ или дальній шумъ рѣки... Казалось, что вѣтеръ пробѣгалъ по вершинамъ темнаго лѣса, и лѣсъ невнятно шумѣлъ, или гдѣ-то далеко волна тихо приходила къ берегу и умирала на немъ.

„И въ лѣности... и въ лѣности..."

словно огненнымъ бичемъ ударялъ Урбановъ и вдругъ высоко зазвенѣлъ съ такою силой, огнемъ, слезами и могучимъ чувствомъ отчаянія, что весь соборъ, казалось, притаилъ дыханіе и слушалъ, и строгіе лики святыхъ посмотрѣли на пѣвца менѣе строго:

„Все житіе мо-е... изжихъ..."

Это былъ ужасъ горькаго сознанія, что жизнь изжита безвозвратно и непоправимо, что талантъ погубленъ во тьмѣ и грязи, и что уже не подняться ему оттуда...

Отъ этого звука, который вырвался изъ самой глубины души пѣвца, у всѣхъ отозвался въ груди какой-то отвѣтный аккордъ. Рыдающее чувство отчаянія дошло до каждаго человѣка и коснулось нѣжныхъ, тайныхъ струнъ его сердца... Словно искрами осыпалъ онъ толпу и долго и нѣжно затихалъ, словно проливая тихія, неутѣшныя слезы.

И вдругъ басъ неожиданно грянулъ, какъ громъ:

„О-ка-я-нный!"

Въ толпѣ прошла волна вздоховъ.

„Тр-ре-пе-щу!..

могучимъ ударомъ разразился полный и свѣтлый голосъ, словно это было проклятіе неба...

И тогда весь хоръ, какъ бы придавленный этимъ ударомъ, прошепталъ тихо и страшно, словно низвергнутый въ преисподнюю, съ октавой, едва доходящей изъ бездны, и казалось, что сюда уже доносятся чуть слышные голоса ада:

Digitized by Google

„Страшнаго... суднаго... дне...“

Въ этотъ моментъ передняя половина толпы, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣни, сама не замѣчая этого, и въ шелестѣ вздоховъ тонкими струйками мелькали всхлипыванія.

А Урбановъ, преобразившійся, съ глазами, устремленными въ самый верхъ купола, все еще стоялъ съ прижатыми къ груди руками, и голосъ его все еще замиралъ нѣжнымъ плачущимъ звукомъ.

Послѣ мрачнаго паденія въ грязь порока, со дна трущобы, онъ явился въ храмъ и теперь вновь ощущалъ въ своей груди жгучее чувство вдохновенія, душа его вновь возстала изъ темной бездны и на моментъ освѣтилась чуднымъ свѣтомъ красоты и таланта.

Между пѣвцомъ и толпой вдругъ почувствовалась какая-то связь, словно въ воздухѣ внезапно протянулись тонкія серебристыя нити.

Первые лучи восходящаго солнца ударили въ разноцвѣтныя стекла узкихъ оконъ... Словно золотыя струны, задрожали они въ голубомъ воздухѣ собора и одѣли въ золото и пурпуръ жалкія лохмотья пѣвца и ярко освѣтили его блѣдное лицо, орошенное слезами. Солнце какъ будто охорашивало его, оставляя въ тѣни картинный полукругъ хора и безмолвную, колѣнопреклоненную толпу народа. Казалось, что она, эта толпа, все еще слушаетъ звуки, которые давно уже умерли подъ черными сводами стараго собора.

Digitized by Google

Нищіе.

Начало утрени давно уже пропѣто.
Сіяетъ храмъ въ лучахъ безчисленныхъ огней;
Сквозь окна узкія струятся на людей
Неясные лучи румянаго разсвѣта.
Блѣднѣетъ темнота. Плыветъ волною зыбкой
Большихъ колоколовъ могучій разговоръ.
Вдали идетъ заря и свѣтлою улыбкой
Сгоняетъ мракъ ночной и гаситъ звѣздъ узоръ.
Благоуханное несется въ куполъ пѣнье.
Толпа съ надеждою стекается во храмъ...
Какъ утренній туманъ, возносятся моленья,
И лептамъ нѣтъ конца, и счета нѣтъ огнямъ...
И только нищіе на паперти церковной
Ни лепты, ни молитвъ не принесли съ собой
И подаянія съ мольбою ждутъ безмолвной,
У входа въ храмъ стоя съ протянутой рукой...

Такъ счастья просите вы всѣ, больные духомъ.
У входа въ новый вѣкъ я вижу много васъ...
Подобны нищимъ вы, убогимъ и старухамъ,
На паперти церквей дрожащимъ въ этотъ часъ.
Душа у васъ давно лохмотьями одѣта...
Съ невольной жалостью мой стихъ бросаю вамъ...
Богатый вѣрою, вхожу я бодро въ храмъ,—
Начало утрени давно уже пропѣто...

Digitized by Google

Ручей.

Серебристый ручей,
Межъ луговъ и полей
Я безпечно бѣжалъ
И на солнцѣ игралъ.

Былъ свободенъ мой путь
Подъ сіяніемъ дня,
Но сдавили мнѣ грудь
И поймали меня.

Въ золотую волну
Не глядится трава:
За плотиной, въ плѣну
Я верчу жернова...

И дрожитъ цѣлый домъ
Отъ работы моей:
Разметать бы кругомъ
Ухищренье людей!

Словно левъ, я рычу,
Волны въ слезы дроблю:
Я свободы хочу,
Я свободу люблю!

Digitized by Google

ГАЗЕТНЫЙ ЛИСТЪ.

Сказка.

Спокойно дремало гнилое болото. Берега его обрамлялъ высокій камышъ и тихо шептался съ печальной осокой, наклоненной надъ вонючей илистой водой. По водѣ плавали широкіе листы водяныхъ растеній, а надъ ними возвышались болотныя лиліи, такія бѣленькія, чистенькія и невинныя и такія гордыя своей чистотой, что нельзя было и подумать о ихъ родствѣ съ гнилымъ болотомъ. Правда, у нихъ не было никакого запаха, кромѣ развѣ того, что отъ нихъ немножко отдавало тиной, но онѣ этого не замѣчали и весело улыбались.

А на кочкѣ, поджавъ подъ себя ногу, уже цѣлый день стоялъ глубокомысленный аистъ и думалъ о египетскихъ письменахъ, которыя онъ читалъ на пирамидахъ, когда былъ въ Египтѣ. Онъ считалъ себя очень ученымъ, потому что говорилъ всегда никому непонятнымъ египетскимъ языкомъ.

Двѣ лягушки—самецъ и самка—съ чувствомъ пѣли любовный дуэтъ, аистъ слушалъ—и не ѣлъ ихъ: такъ былъ меланхолично настроенъ!

Тихо и сонно было на болотѣ. Голоса лягушекъ нѣжно дрожали, камышъ чуть слышно шелестѣлъ и нашептывалъ слова любви осокѣ, а она стыдливо потупилась и, наклонясь, разсматривала свое отраженіе въ гнилой, зеленой водѣ. Лиліи невинно улыбались.

Digitized by Google

Вдругъ откуда-то прилетѣлъ вѣтеръ.

— У-у-у! Какъ тутъ у васъ скучно!—сказалъ онъ камышу и осокѣ: — ты все еще ухаживаешь за этой недотрогой? Смотри порѣжешься! А эти все еще поютъ одну и ту же пѣсню! И аистъ все еще думаетъ безполезную думу! Старыя слова, старыя пѣсни, старыя думы! У-у-у! Какъ скучно здѣсь!

Камышъ недовольно закачался и зашелестѣлъ, неподвижная осока зашевелилась, аистъ нахохлился, а вѣтеръ продолжалъ:

— Какъ далеко я былъ! Я игралъ съ морскими волнами. Вотъ была потѣха! Онѣ ревѣли, какъ звѣри, вздымались и падали, какъ горы, и я трепалъ ихъ бѣлыя гривы! И море гудѣло, какъ органъ, и пѣло дивную пѣснь!.. У! Что это была за музыка! Тамъ были новые мотивы съ новыми словами! Какъ волновалось море, какъ боролись волны! Какъ хорошо тамъ было! У-у! У—у! Терпѣть не могу лягушечьихъ пѣсенъ!..

И тамъ я видѣлъ рыцарей моря. Они живутъ на самомъ днѣ его, въ коралловомъ дворцѣ. И выходятъ они только ночью и въ бурю, чтобы выгнать ночь. Что за доспѣхи на нихъ! И сами они неуловимые и сильные, и тѣла ихъ словно выкованы титанами изъ желѣза! И когда они выходятъ изъ волнъ и обнажаютъ свои длинные, ослѣпительно-блестящіе мечи — вмѣстѣ съ ними изъ моря появляется лучезарное солнце! У—у! Много чудесъ на свѣтѣ!

Лиліи недовѣрчиво покачали головками.

— А есть ли въ морѣ лиліи?—спросили онѣ:—могутъ ли тамъ расти такіе чистые цвѣты?

Вѣтеръ нѣжно поцѣловалъ ихъ и отвѣтилъ:

— Въ морѣ нѣтъ лилій. Вы бы тамъ погибли съ вашей чистотой: только грязное, гнилое болото порождаетъ васъ. Вы чисты оттого, что болото слишкомъ

Digitized by Google

грязно... Что толку въ вашей красотѣ, когда вы украшаете и прикрываете собой грязь?

— Этотъ чудакъ вѣтеръ не признаетъ эстетики!— сказали цвѣты, отворачиваясь отъ вѣтра.

Тутъ кто-то бросилъ камень, завернутый въ газету. Разсерженный вѣтеръ подхватилъ его, изо-всѣхъ силъ швырнулъ въ болото и улетѣлъ.

Болото всколыхнулось.

Камень громко шлепнулся и пошелъ на дно, а газетный листъ развернулся въ водѣ. По ней пошли широкіе круги, лиліи испуганно закачались, а лягушки такъ и не докончили свой дуэтъ.

— Такъ! Такъ!—закричали съ другого конца болота дикія утки.

— Что случилось?—спросилъ по-египетски аистъ, вынимая изъ-подъ крыла голову и переступая съ одной ноги на другую. Увидя какъ разъ передъ собой газетный листъ, онъ гордо вытянулъ шею и важно заболталъ:

— Ага! Понимаю: мнѣ прислали газету!..

И онъ сталъ читать ее, но такъ какъ газетный листъ былъ написанъ не по-египетски, то аистъ не понялъ ни слова.

— Гм!—сказалъ онъ:—громко шлепнулось, но, между прочимъ, совершенно непонятно—откуда и зачѣмъ?

И, поджавъ подъ себя одну ногу, онъ погрузился въ долгую думу о томъ, что бы могло быть написано въ газетномъ листѣ. А отъ листа все еще расходились по болоту широкіе круги.

— Нѣтъ ли здѣсь чего-нибудь объ изящномъ?— спросили другъ друга лиліи, наклоняясь надъ мокрой газетой: — такъ пріятно почитать иногда что-нибудь изящное и непремѣнно чувствительное, такое, отъ чего на лепесткахъ выступаютъ слезы: это очень пріятно волнуетъ сердце и разгоняетъ скуку.

Digitized by Google

Осока тоже наклонилась и молча заглянула въ газетный листъ, а камышъ прошепталъ ей:

— Милая, брось, не стоитъ забивать голову! Впрочемъ, вѣдь у тебя нѣтъ головы!.. Знаешь ли, я прежде тоже былъ очень любопытенъ, но теперь мнѣ все надоѣло... Все, что пишутъ въ газетахъ—очень старо.

— Ахъ, отстань пожалуйста,—зашелестѣла осока и слегка оцарапала камышъ:—у тебя дряблая и пустая сердцевина, а я хотѣла бы понять жизнь нашего болота и вообще—развиваться...

— Скажите пожалуйста!—недовольно пробормоталъ камышъ.

А газетный листъ, намокая, медленно опускался на дно.

— „Московскія Вѣдомости"? — быстро освѣдомился гибкій и скользкій линь, сверкая своей золотистой чешуей и мимоходомъ подплывая къ печатной бумагѣ;—ахъ, нѣтъ, что-то другое, слѣдовательно, читать не стоитъ! Я люблю только „Московскія Вѣдомости"...

И, вильнувъ хвостомъ, онъ проплылъ далѣе.

— Безпремѣнно тутъ что-нибудь про моего сосѣда, про Ивана Иваныча написано!—сказалъ карась, вылѣзая изъ тины:—накося, какъ грохнуло-то по болоту, инда я проснулся! Поглядишь—будто бы только газета—анъ и у нея про насъ камень за пазухой имѣется! Ну, времена! Экія времена безпокойныя пришли: только-что въ илъ зароешься—бацъ! Что-нибудь бухнется въ болото! А зачѣмъ? Почему не тихо-смирно, не потихоньку да полегоньку?

Полюбовно бы!.. Одначе, слѣдовало бы прописать Ивана Ивановича: онъ у меня ракушку съѣлъ!..

— Памфлетъ!—сказалъ окунь, подплывая и заглядывая въ газету:—понимаю всѣ намеки. Интеллигенцію ругаютъ: будто бы вообще, а, промежду прочимъ, кто у

Digitized by Google

насъ на болотѣ интеллигентъ? Никто, какъ пискарь! Значитъ, это про него! Тоже и „буржуа“ пробираютъ! Ну, это сразу видно, что вонъ про того леща писано!.. Но, позвольте, зачѣмъ этотъ резонерскій тонъ, какое полное право газета имѣетъ на чужіе недостатки указывать, когда у нея свои есть? Развѣ это бумага? развѣ это шрифтъ? И потомъ—посмотрите—сколько въ ней воды!..

Въ это время газетный листъ опустился на дно, такъ какъ на него сѣла улитка.

— Я—глубокая натура, замкнутая въ самой себѣ!—сказала она:—ахъ, сколько во мнѣ чувствъ, идей и талантовъ! Меня глубоко возмущаетъ этотъ газетный листъ, который такъ невѣжливо и грубо появился здѣсь! Я не вижу въ немъ ни одной строки о добродѣтели, о состраданіи къ бѣднымъ и тѣмъ несчастнымъ рыбамъ, которыхъ судьба перекусила пополамъ! А гдѣ тутъ лирика? Гдѣ поэзія? Не мѣшало бы тѣмъ, кто пишетъ газету, помнить великія слова Пушкина: „мы рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ!“ А это что? Тьфу!

И улитка плюнула на газету.

— Непремѣнно пошлю имъ анонимное письмо съ ругательствами!—добавила она.

Но тутъ вползъ на газету ракъ и, ни слова не говоря, сошвырнулъ ее огромной клешней въ болотный илъ.

— Я и самъ умѣю читать!—сказалъ онъ:—удивительно мнѣ: зачѣмъ эти улитки лѣзутъ къ намъ, ракамъ, съ чтеніями? Слава Богу, мы теперь почти всѣ грамотные! Почаще бы только къ намъ на дно газету пропускали, а ужъ мы ее здѣсь какъ-нибудь тово... сами обмозгуемъ... самому оно способнѣе, чтобы, значитъ, безъ обману!.. А ну-ка, нѣтъ ли тутъ чего насчетъ нарѣзки земли?

Digitized by Google

И, медленно водя по строкамъ своей неуклюжей клешней, ракъ шопотомъ началъ читать по складамъ:

— Стихотвореніе на тему „бей въ желѣзныя сердца!“

Онъ глубокомысленно пошевелилъ длинными усами, остановился читать и спросилъ самого себя: „Бей?“ Кого и по какому поводу?

Потомъ подумалъ и, махнувъ клешней, сталъ продолжать чтеніе, сказавъ:

— Должно быть тамъ, наверху—что-нибудь случилось!

А его уже окружила цѣлая стая разной мелкой рыбешки и слушала чтеніе газеты. И ракъ важно читалъ ее по складамъ, медленно водя огромной клешней, чтобы не сбиться со строки.

Вдругъ въ водѣ что-то зарябило, нѣсколько окуней бросились въ разсыпную, и къ газетному листу важно подплыла большая полосатая щука въ сопровожденіи двухъ угрей.

— Ура!—закричала мелкая рыбешка.

Но щука устремила свой неподвижный взоръ на рака, который покраснѣлъ отъ смущенія, и строго спросила:

— Кто такой?

— Ракъ...

— Какой губерніи?

— Самарской...

— Что это находится у тебя въ клешняхъ?

— Газетина...

Щука вильнула хвостомъ.

— А, такъ у насъ въ болотѣ даже раки стали газеты читать? Да вѣдь этакъ они у насъ всѣ живо перешепчутся?

И повернувшись къ угрямъ, сказала:

— Взять его за жабры!...

Digitized by Google

А старый, заросшій мохомъ пень стоялъ рядомъ и бормоталъ про себя:

— Сто лѣтъ ужъ я стою на болотѣ и все одну исторію вижу! Ничего новаго! Все повторяется въ мірѣ! Суета суетъ и всяческая суета.

Digitized by Google

Нѣтъ, я не съ вами: своимъ напрасно
И лицемѣрно меня зовете.
Я ненавижу глубоко, страстно
Всѣхъ васъ: вы—жабы въ гниломъ болотѣ!

Я появился изъ пѣны моря,
Волной къ вамъ брошенъ со дна пучины:
Тамъ кровь и слезы, тамъ тьма и горе,
Но слезы—перлы, а кровь—рубины!

На дно морское мнѣ нѣтъ возврата,
Но въ мірѣ вашемъ я умираю,
И не найдете во мнѣ вы брата:
Я между вами, какъ врагъ, блуждаю.

Вы все хотите, чтобъ я былъ миренъ,
Но отомщалъ бы за преступленья
И вмѣстѣ съ вами, въ тѣни кумиренъ,
Молилъ у Бога для васъ прощенья.

Мой Богъ—не вашъ Богъ: вашъ Богъ прощаетъ,
Онъ чуждъ и гнѣву, и укоризнѣ;
Къ такому Богу васъ обращаетъ
Страхъ наказанья за грѣхъ всей жизни.

Digitized by Google

А мой Богъ—мститель! Мой Богъ могучій!
Мой Богъ—караетъ! И божьимъ домомъ
Не храмы служатъ—гроза и тучи,
И говоритъ онъ лишь только громомъ!

Я чуждъ вамъ, трупы! Пѣвца устами
Мой Богъ предастъ васъ громамъ и карамъ,
Господь мой грянетъ грозой надъ вами,
И—оживитъ васъ своимъ ударомъ!

Digitized by Google

Моя жизнь—это бурная ночь на волнахъ.
Берегъ нашъ, отдѣленный проливомъ,
Я оставилъ и плылъ, прочь откинувши страхъ,
Плылъ отъ тѣхъ, кто страдаетъ, къ счастливымъ.
Что за буря была! погибалъ я въ борьбѣ,
Замирала душа въ моемъ тѣлѣ!
И спасала меня лишь мечта о тебѣ:
Предо мной твои очи блестѣли.
Мнѣ казалось, что тамъ, на другомъ берегу,
Ты условный огонь засвѣтила
И стоишь ты на башнѣ, и все я могу,
И ничья не возьметъ меня сила!
Какъ звѣзда, ты мнѣ свѣтишь и хочешь помочь,
Держишь факелъ свой, ждешь въ амбразурѣ...
Среди ночи сама ты прекрасна, какъ ночь,
Вся обрызгана пѣною бури!
Съ гордымъ взглядомъ, съ распущенной черной
косой,
Въ блескѣ молній твой образъ мелькаетъ,
Ярко факелъ горитъ, дико вѣтеръ морской
Волосами твоими играетъ.

Digitized by Google

Вотъ я, здѣсь, переплылъ! Я стою предъ тобой,
Истомленный невзгодами моря,
Но еще я сильнѣе и тверже душой
Послѣ бури, страданій и горя!
Обогрѣй же меня твоей лаской, приди,
Протяни твою нѣжную руку,
Обними, поцѣлуемъ твоимъ награди
За любовь, за отвагу и муку!
Тихо нѣжныя рѣчи со мной говори,
Охраняй до утра мою душу.
Знай: при первыхъ лучахъ благодатной зари
Сонъ счастливыхъ я смѣло нарушу.

Digitized by Google

ОКТАВА.

I.

На краю захолустнаго уѣзднаго города плотники строили двухэтажный деревянный домъ. Весеннее солнце ослѣпительно сіяло съ голубого неба, и городишко, затерянный среди широкой, зеленой степи, мирно дремалъ, пригрѣтый жаркими лучами. На далекомъ степномъ горизонтѣ серебряной рѣкой струилось марево, въ городъ прилеталъ теплый вѣтеръ, пропитанный запахомъ степныхъ травъ. Улица около постройки сплошь заросла травой; окна домовъ были закрыты отъ солнца ставнями; кругомъ вѣяло тишиной и лѣнью, и спокойствіе городка нарушала только плотничья пѣсня, звучно и весело разливаясь по воздуху. Раздѣлившись на двѣ кучки, плотники стояли на верхнихъ вѣнцахъ сруба, высоко надъ землей и тащили балку. Фигуры плотниковъ въ разноцвѣтныхъ рубашкахъ и черныхъ картузахъ отчетливо вырѣзались на нѣжномъ фонѣ голубого неба. На одномъ съ ними уровнѣ, какъ бы мимо нихъ и рядомъ съ ними, плыли причудливыя серебристыя облака...

Балку вкатывали быстрыми порывами, и поэтому напѣвъ былъ тоже быстрый и веселый. Обѣ кучки чередовались въ пѣснѣ, перекидывая мотивъ одна другой.

Digitized by Google

По одну сторону были бородатые, пожилые мужики,— они пѣли густыми низкими голосами, а по другую отобралась молодежь,—она подхватывала пѣсню высокими и веселыми фальцетами:

«Ка-а-тай, наши, катай,
Знай покатывай, катай!...»

звенѣли веселые и переливчатые свѣжіе голоса въ чистомъ и спокойномъ воздухѣ, пропитанномъ смолистымъ запахомъ свѣжаго дерева и степной травы.

И тотчасъ же съ другого угла имъ вторили басы, ободряющіе, солидные, спокойно-увѣренные:

«Ва-а-ляй, на-ши, валяй,
Знай по-ва-ли-вай, ва-ляй!...»

А молодые уже опять заливались:

«Ка-а-тай, на-ши, ка-тай...»

Эта безконечная пѣсня, состоявшая изъ двухъ словъ „катай“ и „валяй“, перебрасываемая отъ одной кучки къ другой, лилась играючи, свободно и легко. Такъ же двигалась и балка, поднимаясь все выше и выше. Наконецъ, она вкатилась на верхъ дома, и тогда зазвучала другая пѣсня.

Здоровенный протодіаконскій голосъ загремѣлъ на весь городъ, всколыхнувши его тишину:

«Э-эй-мор-двинъ-подвинь...»

И прежде, чѣмъ онъ смолкъ, вся артель, легко увлекая куда-то балку, густо подхватила:

«Да у-ухъ!...»
«Э-эй-мо-ордо-во-чку...»

завелъ опять громадный голосище.

«Да ухъ!...»

подхватывала толпа.

Digitized by Google

«И-ахъ-мо-ордо-вскай сынъ...
«Да у-ухъ...»

Пѣсня гремѣла и звенѣла. Она была такъ умѣстна здѣсь, звуча высоко надъ городомъ, подъ широкимъ просторомъ синяго неба, дополняя картину разноцвѣтной артели, плывущихъ мимо нея облаковъ и раскинутой кругомъ зеленой степи.

Артельный запѣвало, обладавшій могучимъ голосомъ, вдохновлялъ и увлекалъ не только всю артель, но даже и прохожихъ. Нѣсколько фигуръ стояли внизу около постройки и, задравши головы, слушали, какъ изъ артели плылъ густой, какъ смола, крѣпкій и свѣжій голосъ:

«Э-эй... мо-ордо-вскай сынъ, да-о!..»

Тщедушный уѣздный діаконъ въ соломенной старой шляпѣ и голубомъ полукафтаньи съ любопытствомъ остановился въ отдаленьи и слушалъ, играя перстами въ своей козлиной бородѣ. Онъ склонилъ голову на-бокъ и съ видомъ знатока вслушивался въ могучій голосъ.

Когда плотники умолкли и стали сходить по мосткамъ на землю, онъ подошелъ ближе и закричалъ имъ рѣзкимъ басомъ:

— Эй, ребята! А который изъ васъ запѣвало?

Плотники поглядѣли на діакона.

— А вотъ онъ, отецъ дьяконъ! Эй, Захарычъ, покажись отцу дьякону!

На верху дома, какъ на пьедесталѣ, появилась крупная фигура мужика въ нестрядинной рубахѣ, синихъ портахъ и лаптяхъ. Онъ былъ средняго роста, съ огромнымъ туловищемъ на несоразмѣрно-короткихъ и толстыхъ, какъ тумбы, ногахъ, широкоплечій, съ выпуклой богатырской грудью и кудлатой, большой головой. Без-

Digitized by Google

образное, съ толстымъ носомъ, широкое лицо обросло рыжей, клочковатой бородищей. Похожій на языческаго идола, онъ всталъ на верху сруба, упершись руками въ бока, и казался богомъ плотничества, олицетвореніемъ всей этой незатѣйливой, но крѣпкой и незыблемой жизни. Онъ царилъ здѣсь, созданный какъ бы только для этой жизни, наилучшимъ образомъ приспособленный къ ней.

Діаконъ поднялъ бороду кверху, чтобы разговаривать съ плотникомъ, фигура котораго подавляюще высилась надъ нимъ.

— Это у тебя такая здоровая глотка?—спросилъ его діаконъ.

— У меня-а!..—ухнуло сверху.—Хо-хо!

Плотникъ засмѣялся тяжелымъ и круглымъ, какъ бревно, грудным смѣхомъ.

— Ему въ хайло-то ваша шляпа пролѣзетъ, отче!—говорили плотники.—Въ рясу бы его обрядить, вашепреподобіе!

Собираясь обѣдать, они сходили на землю съ кошелями, обрубками дерева и крупными щепками подъмышкой.

— А ну, слѣзь, Захарычъ!—закричалъ діаконъ.—Я съ тобой поговорю.

Захарычъ тяжело и медленно сталъ спускаться по сходнямъ, и онѣ гнулись отъ его шаговъ.

Когда онъ предсталъ предъ діакономъ, тотъ невольно отступилъ отъ него, какъ бы почувствовавъ свою хилость въ сравненіи съ этимъ богатыремъ, отъ котораго вѣяло несокрушимымъ здоровьемъ, силой и крѣпостью, какъ отъ смолистой, крупной сосны, глубоко пустившей свои крѣпкіе корни въ чащѣ тихаго дѣвственнаго лѣса. Все въ Захарычѣ было аляповато, грубой, топорной работы, но крупно и крѣпко. Казалось.

Digitized by Google

что природа, создавая его, имѣла идею слѣпить что-то выдающееся, наскоро затратила на эту мощную фигуру огромные куски дорогого матеріала съ цѣлью обработать его послѣ, но потомъ почему-то такъ и оставила Захарыча неотесаннымъ. Въ его фигурѣ истукана и нечеловѣческомъ голосѣ было нѣчто, внушающее страхъ, и только огромные, какъ у быка, глаза свѣтились добродушнымъ спокойствіемъ и наивностью ребенка. На видъ ему казалось лѣтъ сорокъ; густые, крѣпкіе спутанные кудри его были уже перевиты серебристыми нитями.

— Тебѣ чово?—спросилъ онъ съ сильнымъ удареніемъ на „о“.

— Чово! — передразнилъ его діаконъ. — А ты вотъ чово: что не поешь въ церкви съ этакимъ голосищемъ?

— Нашто?—добродушно отвѣчалъ Захарычъ.—Мнѣ и здѣсь хорошо!

Онъ повелъ могучимъ плечомъ и съ любовью окинулъ глазами плотничью работу, синее небо съ плывущими облаками и зеленую степную даль.

Діаконъ хлопнулъ себя по бедрамъ.

— Какъ нашто?—вскричалъ онъ, энергично потрясая бородой.—Богъ тебѣ далъ талантъ, значитъ нужно тебѣ не „дубину“ орать, а въ Божьемъ храмѣ пѣть, чтобы люди слушали да умилялись. Твой голосъ для украшенія хора и церковныхъ пѣснопѣній можетъ служить! Развѣ это плохое дѣло? Вѣдь это кому? — внушительно поднявъ кверху палецъ, спросилъ діаконъ. И, помолчавъ, самъ отвѣтилъ:

— Б-богу! — А затѣмъ отступилъ отъ Захарыча, строго глядя на него съ поднятой кверху рукой, перстомъ указующей въ небо.

— Ему долженъ служить тотъ человѣкъ, который

Digitized by Google

имѣетъ отъ Него талантъ, а не себѣ! Въ писаніи сказано: „Овому даде талантъ, овому два... Кому дано много, съ того много и взыщется!“

Захарычъ задумчиво и внимательно слушалъ хилаго, но горячаго діакона. Остальные плотники тоже медлили уходить и, слушая діакона, зорко смотрѣли на товарища, точно видя въ немъ что-то новое.

— Оно, конечно...—виновато и медленно отвѣтилъ Захарычъ,—да гдѣ же намъ? Мы неграмотные... ничего не знаемъ...

— Тамъ выучатъ и еще тебѣ же деньги будутъ платить! Ну-ка скажи: „вонмемъ“!

— Гы!..—густо усмѣхнулся Захарычъ.

— Не „гы“, а ты бери! Вотъ такъ!

И діаконъ, выпрямивъ грудь и сложивъ губы трубой, затянулъ, потрясая козлиной бородой:

„Во-о-н-мемъ“!

— Вотъ такъ! У тебя лучше моего выйдетъ! Ну! Разѣвай глотку,—я послушаю.

Захарычъ сконфузился, покраснѣлъ и, набравъ въ грудь воздуха, загудѣлъ, какъ труба, на цѣлую октаву ниже діакона:

„Во-о-н-мемъ“!

И тутъ онъ сразу увидалъ свое превосходство надъ діакономъ. У Захарыча вышло, какъ будто въ праздничный колоколъ ударили, торжественно, густо и добротно, а у діакона голосъ дребезжалъ, какъ разбитый чугунъ.

— Да у тебя октава!—всплеснувъ руками, закричалъ діаконъ и, подойдя вплоть къ лицу Захарыча, заговорилъ тихо и вразумительно:

— Да знаешь ли, глупый человѣкъ, что ты совсѣмъ не ту ноту взялъ, на шесть тоновъ ниже: я сказалъ въ среднее „до“, а ты закатилъ въ нижнее, да какъ!

Digitized by Google

Ажъ земля загудѣла! У тебя октава, чудакъ ты этакій! Знаешь ли ты, что такое октава? Это золотой голосъ! Сторублевый голосъ! Цѣны нѣтъ твоему голосу! Эхъ! Дуракъ!

Діаконъ тряхнулъ бородой и добавилъ съ грустью:

— Экій капиталъ пропадаетъ! Поступай въ пѣвчіе! До діакона достукаешься!

Захарычъ зачесалъ въ затылкѣ, посмотрѣлъ на свои лапти, на синіе порты, на обрубокъ дерева подъ-мышкой...

— Гдѣ мнѣ до дьякона?—конфузно отвѣчалъ онъ.— Наше дѣло плотницкое... мы топоромъ...

— То-по-ромъ!—уныло передразнилъ діаконъ и вдругъ опять энергично затрясъ бородой.—Хошь, сейчасъ въ хоръ опредѣлю? И плотничество не надо бросать: по праздникамъ вѣдь поютъ-то. Ну! Пойдемъ,—я тебя регенту покажу!..

Онъ схватилъ Захарыча за руку и потащилъ его за собой. Молча и долго смотрѣли плотники, какъ товарищъ уходилъ отъ нихъ вдоль по улицѣ, заросшей зеленой травой. Захарычъ шагалъ, задумчиво опустивъ голову, а діаконъ, развѣвая широкими рукавами голубой рясы, разводилъ руками и моталъ козлиной бородой.

— Увелъ!—сказалъ одинъ плотникъ, прерывая молчаніе.

— Нешто!—добавилъ другой.

— Айда, ребята, обѣдать! Теперь Захарычъ у насъ въ Божьи дудки, значитъ, записался!—весело воскликнулъ молодой парень съ рыжими волосами въ кружало, торчавшими изъ-подъ картуза.

— Что жъ!—солидно возразилъ одинъ изъ пожилыхъ.—Дьяконъ вѣрно говорилъ: Богу это!

— Да Богу-то, Богу, а не рука все-таки плотнику

Digitized by Google

въ пѣвчіе лѣзть. Что онъ можетъ? Для Бога! Богу-то и топоромъ послужить можно!

— Какъ же топоромъ-то?

— А по церквамъ? Строй церкви! Вотъ тебѣ и въ плотничьемъ видѣ можешь рвеніе оказать! Напрасно дьяконъ мужика сбиваетъ! Одна склока!

Гурьбой, всѣ съ обрубками и щепками подъ-мышкой, плотники шли по зеленой, тихой улицѣ и обсуждали судьбу Захарыча.

— Вросло, скажемъ, дерево въ землю, — говорилъ высокій и худой старикъ,—хорошее дерево! А пересадика его на другое мѣсто, такъ оно, пожалуй, и пропадетъ! И человѣкъ то же, что дерево: пошто отрывать его отъ корня?...

II.

Въ губернскомъ городѣ на Волгѣ по всѣмъ церквамъ звонили ко всенощной. Въ морозномъ зимнемъ воздухѣ перепутываясь, плыли густые колокольные звуки. Зимняя ночь опускалась надъ городомъ; въ домахъ зажигали огни, и на темномъ небѣ уже всплывали звѣзды...

Къ домовой церкви городского училища густой толпой шелъ народъ, то и дѣло подъѣзжали щегольскія сани: въ этой церкви былъ канунъ „престола“, и кромѣ того тамъ пѣлъ хоръ пѣвчихъ, лучшій въ городѣ. Хоръ этотъ содержалъ купецъ Понедѣльниковъ, церковный староста и попечитель училища. Церковь, прилегающіе къ ней коридоры и даже лѣстница были набиты народомъ. Пѣвчіе помѣщались не на клиросѣ, который былъ малъ, а на особо устроенной эстрадѣ, отгороженной перилами, у задней стѣны церкви, такъ какъ входныя двери были устроены въ боковой стѣнѣ.

Большой хоръ занималъ всю эстраду, выстроенный

Digitized by Google

на ней рядами въ полукругъ, какъ на сценѣ. Впереди, вытянувшись, какъ игрушечные солдатики, стояли мальчики въ сѣрыхъ курточкахъ, а позади нихъ въ два ряда виднѣлись взрослые пѣвчіе: справа тенора, франтоватый народъ, а слѣва басы, огромные, мрачные люди, съ густыми гривами до плечъ; а на заднемъ планѣ, въ тѣни, видны были фигуры людей съ длинными окладистыми бородами.

Около перилъ, передъ иконой, стоялъ толстый и лысый купецъ, лѣтъ пятидесяти, съ окладистой сѣдоватой бородой и суровымъ взглядомъ, одѣтый въ черный длиннополый сюртукъ и высокіе лакированные сапоги. Это былъ Понедѣльниковъ. Между купцомъ и иконой сіялъ тяжелый серебряный подсвѣчникъ, уставленный множествомъ восковыхъ свѣчей. Рядомъ съ Понедѣльниковымъ стоялъ регентъ, человѣкъ съ типичнымъ малорусскимъ лицомъ, съ очень длинными свѣшенными внизъ усами, съ чубомъ на круглой стриженной головѣ и серьезнымъ взглядомъ, въ глубинѣ котораго свѣтился скрытый юморъ.

— Ну, что жъ, пріѣхалъ новый октавистъ?—спросилъ Понедѣльниковъ.

Регентъ шевельнулъ однимъ усомъ.

— Пріѣхалъ. Пробовалъ. Голосъ большой,—отвѣчалъ онъ съ разстановкой, точно каждое слово его было золотое, и онъ взвѣшивалъ его на рукѣ.

— Выстоитъ противъ Томашевскаго?

— Сильнѣе. Мѣдный голосъ.

— Ну-у? Изъ какихъ онъ? Чай изъ духовныхъ?

— Нѣтъ, изъ простыхъ. Въ уѣздномъ городѣ пѣлъ. Знаетъ еще плохо, но голосъ—такихъ октавъ я давно не слышалъ!

— Если выстоитъ супротивъ Томашевскаго,—красную дамъ ему на чай!

Digitized by Google

— Нѣтъ, не балуйте ихъ этимъ. А то вѣдь... гнать придется.

— Ну, вотъ еще! Все равно; пьяница, чай?

— Нѣтъ. Говоритъ, не пьетъ.

— Гдѣ ужъ, чай, не пить?..

Въ церкви становилось жарко отъ тѣсноты, огня мелкихъ свѣчей и пылающаго вверху паникадила. Темные, старинные лики иконостаса смотрѣли сурово на густую, нарядную толпу. Ея сдержанный гулъ, шелестъ платьевъ, покашливанье и шумъ толкотни смѣшивались съ трескомъ свѣчей и позвякиваньемъ раздуваемаго кадила. Съ улицы глухо доносился трезвонъ колоколовъ. Пахло ладаномъ, топленымъ воскомъ и человѣческимъ потомъ.

Зашуршала и отдернулась завѣса царскихъ дверей, на амвонъ медленно вышелъ сутуловатый и приземистый протодіаконъ въ бѣлой серебряной ризѣ. Его длинные и тяжелые волосы лежали по плечамъ и спинѣ. Сѣдые, какъ лунь, они казались тоже серебряными.

Онъ всталъ противъ царскихъ дверей и, поднимая длинный подсвѣчникъ съ горящей свѣчёй, провозгласилъ слегка сиповатымъ, но могучимъ голосомъ:

„Возстаните! Вла-ды-ко, благослови!..“

Всенощная началась.

Регентъ стоялъ во главѣ всего хора. Онъ строго поводилъ по сторонамъ блестящими глазами, требуя вниманія. Видъ у него былъ торжественный и суровый. Онъ похожъ былъ на Святослава передъ боемъ или запорожскаго гетмана: длинные усы его свирѣпо шевелились, чубъ на стриженой головѣ всталъ, ноздри горбатаго носа раздулись. Онъ величественно поднялъ руки.

„Аминь“!—началось нѣжнымъ аккордомъ, разрослось, расширилось и стихло, закончившись замѣча-

Digitized by Google

тельно густымъ и пріятнымъ звукомъ серебристой октавы.

Этимъ красивымъ голосомъ пѣлъ самый молодой изъ басовъ. Высокій, стройный, съ бѣлымъ интеллигентнымъ лицомъ, съ небольшими усиками, юноша лѣтъ двадцати-пяти, онъ былъ одѣтъ приличнѣе всѣхъ, и благообразное лицо его рѣзко выдѣлялось изъ кучи хохлатыхъ головъ, длинныхъ бородъ и опухшихъ физіономій. Его мягкій голосъ затушевывалъ всѣ шероховатости и мелкіе недостатки хора, объединяя всѣ звуки въ одно цѣлое,—въ круглый и густой аккордъ.

Почти въ половинѣ всенощной на эстрадѣ изъ боковой двери появился Захарычъ. Онъ былъ въ плотнозастегнутомъ казинетовомъ „пеньжакѣ“ и кожаныхъ мужицкихъ сапогахъ. Кудрявые волосы, перевитые сѣдиной, лежали вѣнкомъ на его широкой головѣ. Онъ истово перекрестился на иконы и вопросительно взглянулъ на регента. Тотъ, молча, указалъ ему мѣсто рядомъ съ молодымъ октавистомъ, и Захарычъ скромно всталъ къ стѣнкѣ.

На амвонѣ, далеко отъ хора, говорили ектенію, чуть слышно доносились возгласы священника, тихо звякало кадило, и вся церковь была полна робкаго шороха. Отъ копоти и ладана стоялъ туманъ надъ головами молящихся; съ ярко-освѣщенной эстрады трудно было различить въ этомъ туманѣ плотную толпу народа: она только шевелилась, гудѣла, вздыхала и казалась вся однимъ существомъ, которое, наполняя собою церковь, дышало одною грудью, однимъ дыханіемъ. Хоръ однообразно гудѣлъ „Господи, помилуй“ и, какъ отзвукъ послѣ удара въ колоколъ, струилось „луй“ молодого октависта. Захарычъ молчалъ. Онъ съ удовольствіемъ слушалъ это стройное, равномѣрное пѣніе. Голоса звучали свободно и легко, никто не жилился и не

Digitized by Google

выходилъ изъ себя. Миловидные дисканты пѣли нѣжно и умильно, тенора мягко сливались съ ними, у басовъ не было грубости, и весь хоръ, ясно выговаривая печальныя и красивыя слова, открывалъ Захарычу какую-то особенную, тонкую красоту. Молодой октавистъ умѣлъ пускать свой львиный ревъ такъ благородно и мягко, что хотѣлось подойти и расцѣловать его за то, что у него такой бархатный, маслянистый и влажный голосъ.

Заслушался Захарычъ хорошаго пѣнія и не рѣшался показать силу своего голоса. Стѣсняла его и публика, наполнявшая церковь: виднѣлись фигуры барынь, господъ и купцовъ, а простого народу совсѣмъ не было.

Но вотъ регентъ поглядѣлъ на него и шевельнулъ длиннымъ усомъ. Захарычъ началъ подпѣвать. Голосъ его своимъ колокольнымъ рокотомъ, какъ звонъ огромныхъ мѣдныхъ струнъ, тотчасъ же отдѣлился отъ мягкаго голоса его соперника. На общемъ нѣжномъ фонѣ хора гудѣніе Захарыча выступило металлически ясно, точно лилось оно изъ мѣдной груди. Тогда его соперникъ сталъ пѣть сильнѣе, но и Захарычъ, осмѣлившись, загудѣлъ, какъ машина. Они тянули „луй“ все время, пока діаконъ читалъ, и тотчасъ же начиналось новое „Господи, помилуй“: ни одинъ не хотѣлъ кончить раньше другого. Голоса ихъ подавляли хоръ и рокотали, вторя хору, какъ большіе колокола.

Началось состязаніе.

Купецъ Понедѣльниковъ и еще нѣсколько толстыхъ купцовъ перестали молиться и, обернувшись къ хору, смотрѣли, не сводя глазъ съ октавистовъ, да и весь остальной народъ съ напряженнымъ любопытствомъ слушалъ эти потрясающіе звуки. Изъ-за ихъ „луй“ не было слышно ни ектеніи діакона, ни возгласовъ священника, ни пѣнія хора. Это уже было не хорошо, но

Digitized by Google

регентъ самъ увлекся ихъ борьбой и не запрещалъ имъ ревѣть, какъ двумъ бодающимся буйволамъ.

А они стояли рядомъ и, косясь другъ на друга, рылись въ низкихъ рокочущихъ звукахъ. Одинъ, молодой, красивый, закинулъ голову кверху и выставилъ громадный двойной кадыкъ, а другой, безобразный, широкій, уперся подбородкомъ въ широкую, выпуклую грудь и поводилъ исподлобья большими глазами.

Груди ихъ, высоко подымаясь, работали, какъ кузнечные мѣхи. Въ воздухѣ, лишенномъ резонанса, голоса ихъ, охвативъ другъ друга, густой волной носились надъ толпой людей, и доски эстрады гудѣли подъ ногами октавистовъ, какъ верхняя дека огромнаго контрабаса. Голосъ Захарыча былъ сильнѣе, но соперникъ его имѣлъ передъ нимъ другія преимущества, хитрость и ловкость. Онъ давалъ Захарычу выпустить половину силы и какъ будто уступалъ, но въ концѣ вдругъ обнаруживалъ всю свою силу и обрушивался на Захарыча.

Ектенія кончилась, прервавъ на минуту борьбу. Регентъ задалъ новый тонъ, и хоръ запѣлъ быстрое и радостное „Воскресеніе Христово видѣвше“. Соперникъ Захарыча игралъ своей октавой, какъ мячикомъ, упруго и легко перескакивая съ ноты на ноту, точно въ струны ударялъ, а Захарычъ не могъ за нимъ поспѣвать и сердился на самого себя. Чувствуя превосходство свое въ силѣ, онъ завидовалъ умѣнью врага, и его обижало сознаніе безполезности силы. Неужто здѣсь, въ городѣ, не сильный побѣждаетъ, а ловкій? И плотникъ ощутилъ въ себѣ раздраженіе противъ городскихъ тонкостей...

Началось тягучее, тихое пѣніе „ирмосовъ“, все основанное на октавѣ. Захарычъ твердо зналъ эти ирмосы

Digitized by Google

и рѣшился сломить своего увертливаго противника. Ирмосы, то стихая, то расширяясь, лились и пѣли, какъ волны.

«Ты мой Богъ... Ты мое радованіе»...

колокольчиками звенѣли тенора и дисканты и плыли, качаясь, на широкой басовой волнѣ, разливались все шире, становились сильнѣе, точно приближался величавый девятый валъ... Захарычъ глубоко вздохнулъ, набралъ въ грудь воздуху, и приготовился, сердито нахмуривъ брови.

Вотъ регентъ величественно развелъ руками, повернулся лицомъ къ октавистамъ и, наступая на нихъ задержалъ бушующій, широкій аккордъ:

«Ца-а-ррь»...

Оба октависта раскрыли свои глотки и наполнили душную церковь львинымъ ревомъ. Гребень высоко поднявшейся волны звуковъ обрушился и разлился съ грохотомъ и звономъ. Захарычъ надулся, короткая шея покраснѣла, пуговицы ворота у его рубашки отлетѣли и выпустилъ изъ груди цѣлый вихрь густыхъ и бурныхъ звуковъ. Эта волна, какъ порывъ бури, всколыхнула весь воздухъ, поглотила въ себя хоръ и раздавила хрустальную октаву молодого человѣка.

«И Го-спо-одь»...

затихалъ хоръ уже безъ октавъ. Оба они, измученные, остановились и тяжело дышали. Потъ струился по ихъ лицамъ. Купцы съ восторгомъ смотрѣли на Захарыча и готовы были ему апплодировать: онъ „заглушилъ“,— значитъ, состязаніе было кончено.

Послѣ всенощной, когда народъ съ шумомъ повалилъ изъ церкви, Понедѣльниковъ подошелъ къ перилламъ эстрады и громко сказалъ регенту:

Digitized by Google

— Новаго прими и Томашевскаго не увольняй: пущай оба ржуть.

А потомъ добавилъ, усмѣхнувшись и протягивая двадцать пять рублей:

— Вотъ это имъ!.. На овесъ!

III.

Захарычъ вступилъ въ жизнь, для него совершенно незнакомую. Онъ еще никогда не жилъ въ большомъ городѣ и не встрѣчался близко съ городскими людьми. Теперь пришлось знакомиться и сталкиваться съ ними. Но пѣвчіе были самый разношерстный народъ, примѣниться къ нимъ было трудно. Нѣкоторые, какъ Томашевскій, высматривали господами, другіе имѣли видъ пропойцъ, третьи были похожи на мастеровыхъ. И всѣ они много пили водки, а Захарычъ совсѣмъ ея не пилъ и поэтому чувствовалъ себя чужимъ въ ихъ обществѣ. Ихъ рѣчи, мнѣнія, поступки и образъ жизни — все удивляло Захарыча.

Однажды послѣ обѣдни регентъ строго провозгласилъ на клиросѣ:

— Завтра къ семи часамъ на Купеческую улицу! Не опаздывать!

У всѣхъ пѣвчихъ, какъ у большихъ, такъ и у маленькихъ, просвѣтлѣли физіономіи, точно имъ сказали что-то пріятное.

— Что это будетъ завтра?—спросилъ Захарычъ Томашевскаго.

— Похороны!—смѣясь, отвѣтилъ тотъ.—Доходъ! Богъ покойничка послалъ!

— Плохо мрутъ нынче хорошіе-то люди!—поддер-

Digitized by Google

жалъ разговоръ запьянцовскій теноръ съ очень смѣшной физіономіей и вертлявый, какъ обезьяна. — Годъ плохой-съ! Не мрутъ богатые-то, а такъ, шваль разная дохнетъ! Изъ рукъ вонъ плохъ нынѣшній годъ-съ!

Тутъ онъ сдѣлалъ мечтательную физіономію и продолжалъ сладкимъ голосомъ:

— Ахъ, въ прошлый сезонъ какіе покойнички-то были!—Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ.—Антикъ муаръ съ гвоздикой-съ! Купцы какіе хорошіе мерли, помѣщики... прелесть! Пѣвчіе, бывало, послѣ похоронъ и напьются, и подерутся, все какъ слѣдуетъ, честь честью! А теперь-съ?

— Ржавчина!—строго рявкнулъ на него басъ величественной наружности и съ цѣлой охапкой кудрявыхъ волосъ на головѣ.—Какая у тебя скверная теноровая привычка болтать много словъ. Васъ, теноровъ, нужно бить уже за одно то, что вы тенора.

Онъ сверкнулъ на Ржавчину презрительнымъ взглядомъ и спросилъ его октавой:

— Кого хоронимъ?

— Не знаю-съ, Илья Николаевичъ!—съ притворной робостью отвѣчалъ Ржавчина.

— Ну, кого—это наплевать! А за сколько?

— Увы, Илья Николаевичъ, за двадцать и трешницу на чай!

Илья Николаевичъ энергично плюнулъ.

— Сволочь!—пробурчалъ онъ, вѣроятно, по адресу покойника.

На другой день послѣ заупокойной обѣдни изъ церкви попарно, длинной вереницей выходилъ весь хоръ, потрясая воздухъ могучими раскатами похороннаго пѣнія.

„Свя-ты-ый Б-о-же!“—гремѣли басы, звенѣли тенора и заливались дисканты, а Захарычъ съ Томашевскимъ замыкали шествіе и ревѣли октавой.

Digitized by Google

Рѣдкіе и грустные удары колокола, медленно падая съ колокольни, сливались съ пѣніемъ хора. Черезъ минуту процессія вытянулась по площади. Впереди хора несли крышку гроба, а сзади, на нѣкоторомъ разстояніи, медленно двигался печальный катафалкъ, сопровождаемый мрачными людьми въ черныхъ плащахъ, толпой народа и вереницей экипажей. За хоромъ шли священникъ и діаконъ въ ризахъ, надѣтыхъ поверхъ шубы.

Былъ холодный зимній день, солнце ярко сіяло, и пѣвчіе, поднявъ воротники и обвязавъ уши платками и шарфами, безъ шапокъ, медленно шли по дорогѣ, утаптывая искрившійся и хрустѣвшій снѣгъ. Они пѣли, широко раскрывая ротъ, а изо рта клубился паръ, осѣдая инеемъ на усахъ и бородахъ. Прохожіе съ любопытствомъ останавливались посмотрѣть на процессію, почтительно обнажая головы. Пѣвчіе были очень весело настроены. Въ промежуткахъ между пѣніемъ они разговаривали о своихъ дѣлахъ, пересмѣивались, разсказывали анекдоты.

— Сказали ему, понимаешь ли ты, что въ этомъ домѣ хозяинъ умираетъ, умеръ ли... Вотъ онъ и стучитъ въ окно: „Хозявушки!“ А у окошка сидитъ старичокъ. „Тебѣ чего?“—„Да у васъ, я слышалъ, покойничекъ есть, царство ему небесное, а я регентъ. Не надо ли хоръ?“—„Нѣтъ,—отвѣчаетъ старичокъ,—не надо: мнѣ, слава Богу, полегче“.

— Хе-хе-хе! Вотъ налетѣлъ-то!

„Свя-ты-ый Б-бо-же!“—гудитъ опять хоръ. Веселый разговоръ прерывается. Рыдающіе похоронные аккорды далеко несутся въ морозномъ воздухѣ.

Захарычъ шелъ вмѣстѣ съ другими, ревѣлъ, слушалъ разговоры пѣвчихъ и чувствовалъ странную, непривычную неловкость отъ этого смѣшенія печали и смѣха.

Digitized by Google

По дорогѣ процессія остановилась у огромнаго дома, около котораго былъ выставленъ столъ для литіи. Завидя столъ, басистый діаконъ, съ окладистой черной бородой и широкой грудью, еще на ходу началъ служить литію. Онъ служилъ самодовольно, заученными пріемами, пуская красивыя ноты и красиво отчеканивая слова:

«О блаженномъ успеніи...
И вѣчный поко-ой...
Пода-а-аждь, Госпо-ди...
Успшему рабу Твоему...
Вѣ-ѣ-ѣчну-ю па-мять».

Послѣднее слово онъ съ удовольствіемъ пустилъ внизъ. Хоръ торопливо подхватилъ:

«Вѣчна-я па-а-мять...»

Когда процессія приблизилась къ воротамъ кладбища, ее встрѣтили печальными ударами колокола, а въ самыхъ воротахъ уже стоялъ маленькаго роста священникъ въ черной ризѣ и съ дымящимся кадиломъ въ рукѣ. Лицо у него было чрезвычайно ласковое и привѣтливое. Рядомъ съ нимъ стоялъ кладбищенскій діаконъ, высокій и мрачный, весь заросшій волосами.

Едва ласковый священникъ завидѣлъ покойника, какъ залился тончайшимъ теноркомъ, гостепріимно помахивая дымящимся кадиломъ. Діаконъ угрюмо вторилъ ему грубымъ, какъ бы желѣзнымъ, басомъ. Пѣвчіе смолкли, покойника поставили въ воротахъ, а веселый кладбищенскій священникъ привѣтствовалъ его, заливаясь, какъ соловей, и благодушно помахивая кадиломъ. Казалось, что онъ былъ очень радъ новому гостю и очень хлопоталъ о томъ, чтобы доставить ему всевозможныя пріятности.

Процессія двинулась далѣе, по узкой дорожкѣ, мимо

Digitized by Google

огороженныхъ памятниковъ, крестовъ и могильныхъ плитъ.

У свѣжей могилы затихли послѣдніе звуки хора. Гробъ опустили въ яму, послышались глухіе удары земли о гробовую крышку. Кто-то зарыдалъ тѣмъ надрывающимъ душу рыданіемъ, которое можно слышать только на могилахъ. Помощникъ, замѣняющій регента, торговался съ распорядителемъ похоронъ.

— Прибавьте „на чай“ пѣвчимъ!.. Холодно!.. Люди устали...

— А почему мальчиковъ было меньше, чѣмъ обѣщали?

— Помилуйте, всѣ на-лицо!

Пѣвчіе стояли въ сторонѣ, надѣвая шапки на заиндевѣлыя головы и разминая застывшіе члены.

— Эхъ, водки бы теперь!—говорилъ Томашевскій, ежась въ своемъ коротенькомъ пальто,—весь застылъ!

— Проклятое ремесло!—сказалъ кто-то.

Помощникъ регента получилъ деньги и направился къ воротамъ. За нимъ потянулся хоръ. Мальчики бѣжали вприпрыжку и дули въ озябшіе кулаки. Вскорѣ весь хоръ—и взрослые, и дѣти—вошли въ „Россію“, трактиръ, ближайшій къ погосту.

Тамъ, кряхтя и звучно откашливаясь, они усѣлись за длинный столъ и потребовали себѣ чаю, водки. За сосѣднимъ столомъ размѣстились румяные озябшіе мальчуганы и уже набросились на чай и булки.

Когда всѣ выпили по двѣ рюмки, хохлатый басъ Илья Николаевичъ вынулъ записную книжку, взялъ карандашъ и сказалъ внушительно:

— Ну-съ, господа! Деньги по рукамъ! Сколько положить Захарычу?

Пѣвчіе замялись.

— Положить ему, какъ хорошему октависту,—уклончиво сказалъ кто-то.

Digitized by Google

— Да сколько? Томашевскій получаетъ восемь процентовъ. Я кладу Захарычу столько же. Никто не имѣетъ противъ?

— Клади!—загудѣлъ хоръ.—Ничего!.. Имъ поровну можно получать.

Илья Николаевичъ выпилъ водки и углубился въ составленіе раскладки. Появилась новая бутылка. Загудѣлъ разговоръ. На одномъ концѣ стола говорили одно, на другомъ другое. Изрѣдка вырывались громкія восклицанія, сказанныя басомъ или теноромъ.

— Эхъ ты, жизнь! Изъ церкви въ кабакъ, изъ кабака въ церковь.

— Такая ужъ наша судьба, чтобы, значитъ, пѣть и пить.

— А бутылка-то опять пуста!—прищелкнувъ языкомъ и смѣшно прищурясь, вскричалъ Ржавчина.—Захарычъ, не желаете ли вы обмыться?

Тогда весь хоръ загудѣлъ.

— Надо, надо! Надо обмыть октаву! Съ поступленіемъ! Слѣдуетъ поклепать!

— Что жъ! — отвѣчалъ Захарычъ, почесавъ затылокъ.—Я поставлю,—только самъ-то я не пью.

— Ты не пей, а насъ угости!

Илья Николаевичъ поднялъ кудластую голову и уставился на Захарыча.

— Не пьешь?—строго спросилъ онъ его.

— Не пью.

— Нехорошо. Слѣдуетъ пить, ибо непьющихъ октавистовъ не бываетъ.

И опять углубился въ раскладку.

— Эхъ, Ирлюша!—раздался картавый и задушевный басъ.—Не соврлащай, брлатъ, единаго отъ малыхъ сихъ. Сопьется и безъ насъ въ силу судебъ.

— Ну, ну, Петръ Иванычъ, не скули! Святая душа!—смягчаясь, бурчалъ Илья Николаевичъ.

Digitized by Google

Захарычъ невольно посмотрѣлъ на картаваго Петра Иваныча. Этотъ басъ всегда былъ немножко пьянъ, даже рано утромъ, до обѣдни. Онъ былъ очень высокъ и страшно худъ. Лобъ у него былъ большой, съ заливами, лицо некрасивое, острое книзу, но глаза смотрѣли подѣтски ясно. Пѣвчіе относились къ нему какъ-то особенно: съ уваженіемъ, съ любовью и въ то же время снисходительно, какъ къ ребенку. Захарычу почему-то захотѣлось поговорить съ Петромъ Иванычемъ. Онъ спросилъ пѣвчимъ бутылку водки и подсѣлъ къ нему. Съ Петромъ Иванычемъ сидѣлъ и Томашевскій, который держалъ себя неприступно и гордо.

Мальчики ушли, получивши свою часть изъ дохода. Пѣвчіе звенѣли деньгами. То и дѣло появлялись новыя бутылки. Всѣ говорили разомъ, и звукамъ голосовъ вторилъ звонъ рюмокъ и бутылокъ.

— Ты изъ какихъ, братъ?—спросилъ Петръ Иванычъ Захарыча, поймавъ его внимательный взглядъ.

— Плотники мы... Ну, сбили меня въ пѣвчіе. Два года пѣлъ въ Бугурусланѣ и плотничалъ. А теперича, значитъ, работу порѣшилъ... Пою. Говорятъ про меня, коли Богъ далъ ему талантъ, то, значитъ, и быть ему надо въ хору: пущай люди слушаютъ.

— А семья-то у тебя гдѣ?

— Семья у меня завсегда въ деревнѣ живетъ. Потому, какъ я съ артелью по всему уѣзду ходилъ...

Захарычъ былъ очень радъ, что, наконецъ, встрѣтилъ человѣка, которому можно разсказать о своей семьѣ, о деревнѣ.

— Талантъ!—воскликнулъ Петръ Иванычъ, и грустная, прекрасная улыбка освѣтила его некрасивое лицо.

— Талантъ! Правда твоя,—онъ обязываетъ тебя быть въ хору, но смотри, братъ, береги его: здѣсь омутъ.

Digitized by Google

Онъ окинулъ трактиръ своимъ особеннымъ, грустнымъ взглядомъ и повторилъ:

— Да, братъ, омутъ!

Томашевскій улыбнулся и заговорилъ:

— Все ты врешь, Петръ Иванычъ. Что здѣсь за омутъ? Здѣсь трактиръ для порядочныхъ людей, которые трудятся, устаютъ и зябнутъ на морозѣ, а отдыхаютъ и веселятся только въ кабакѣ. Сволочь сюда не ходитъ,—стало быть, только здѣсь и можно отдохнуть душой порядочному человѣку.

Томашевскій говорилъ не октавой, а теноромъ, точно октава была у него только для пѣнія.

— Эхъ, Саша!—задушевно воскликнулъ Петръ Иванычъ.—Понимаю я тебя: хорошій здѣсь народъ пьетъ, да вѣдь жизнь-то какая? Пьяная жизнь, со святыми упокой, аминь, и ку-ку!

— Полный ходъ!—сказалъ Томашевскій и влилъ въ себя огромную рюмку водки. Отъ водки его бѣлое породистое лицо разрумянилось; по красивому, словно выточенному лбу расплывалось розовое пятно, похожее на облако. Лицо приняло возбужденное выраженіе, и казалось, будто что-то неожиданно загорѣлось въ этомъ человѣкѣ.

— Омутъ не здѣсь,—упрямо сказалъ онъ, коснувшись октавной ноты, словно слегка стукнулъ по барабану.

Томашевскій взволнованно выпилъ еще, всталъ и зарычалъ своей октавой, какъ левъ, и злобно выругался.

— Саша, милый!—обнимая его, утѣшающимъ голосомъ говорилъ Петръ Иванычъ.—Брось, не растравляй себя, выпьемъ! Ты думаешь, сдѣлалъ человѣкъ подлость, такъ ужъ онъ весь насквозь мерзавецъ. А онъ на другой день возьметъ да геройскій подвигъ и совершитъ. Стало быть, нѣтъ ни плохихъ людей, ни хоро-

Digitized by Google

шихъ, а есть просто человѣкъ, въ которомъ все перепутано: и добро, и зло. Жизнь горька вездѣ.

— Ахъ, не то все ты говоришь!—вскричалъ Томашевскій, наливая въ обѣ рюмки.

— Эхъ, мужичище!—вдругъ обратился къ Захарычу Петръ Иванычъ.—А зачѣмъ ты деревню бросилъ и въ городъ приперъ? Тоже своихъ бросилъ? Ты къ нашимъ, а мы къ вашимъ! И въ семъ самомъ кабакѣ происходитъ сліяніе интеллигенціи съ народомъ. То-есть — интеллигенція это мы съ Томашевскимъ, а народъ—ты! Понялъ?

— Понялъ! Оно вѣрно!.. Я — мужикъ... — отвѣчалъ Захарычъ.

Кабакъ шумѣлъ и гудѣлъ. Пѣвчіе были уже на половину пьяны и пѣли хоромъ. Пьяный Ржавчина стоялъ передъ столомъ съ сіяющей физіономіей и управлялъ хоромъ, разводя руками и перебирая пальцами.

«Ты взойди-ка, взойди!..»

запѣвалъ онъ на весь трактиръ хорошимъ, звонкимъ теноромъ, а хоръ подхватилъ, расширяясь и выростая:

«Солнце кра-а-сно-е...»

Басы перекатывались волной и разсыпались брызгами. Тенора такъ и плакали, такъ и выливали всю душу.

«Надъ горою-взойди надъ высо-о-о...»

зазвенѣлъ опять голосъ Ржавчины, а хоръ дружно подхватывалъ и разливался:

«Надъ высокою, надъ дубравою, взойди надъ зеленою...»

Пѣсня вызывала въ воображеніи привольную волжскую картину: раннее утро надъ спокойной, зеркальной рѣкой, зеленыя горы, поросшія кудрявымъ лѣсомъ, а изъ-за горы выходитъ багряное утреннее солнце, и розовые лучи скользятъ по мокрой травѣ и спокойной

Digitized by Google

рѣкѣ, и пахнетъ росой, и воздухъ свѣжъ, а съ рѣки поднимается прозрачный голубоватый туманъ. А по песку идутъ озябшіе, измученные люди... Захарычу тотчасъ же представилась эта любимая, родная картина, и дымный кабакъ на минуту исчезъ передъ его глазами.

«Тянутъ, тя-нутъ рабятушки,
Тянутъ радимые...»

заливался звонкій теноръ, а хоръ тихо и протяжно подхватилъ съ какой-то особенной, нѣжной задушевностью:

«Барку съ хлѣбушкой!..»

— Пусть наша жизнь,—гремѣлъ голосъ Томашевскаго,—страданіе непонятыхъ сердецъ, пускай. Кричите громче, пойте! Будемъ громко пѣть о горькой нуждѣ и о томъ, что люди несчастны. Я спою и о томъ, какъ идемъ мы къ погибели оттого, что мы артисты, а не жулики, оттого, что у насъ не умерла душа, и мы еще можемъ чувствовать и пѣть, искренно веселиться и искренно плакать! Отъ этого мы идемъ къ погибели.

«Мы не сами-то идемъ...»

звонко и размашисто запѣвалъ Ржавчина съ отчаянной удалью, потряхивая волосами, а хоръ, заглушая трактирный гамъ, звонъ посуды и щелканье билліардныхъ шаровъ, загудѣлъ, какъ вѣтеръ, стихійно и неудержимо:

«Насъ нужда-а ве-детъ...»

Басы прокатились волной и разсыпались влажными брызгами, унося куда-то вдаль жалобные теноровые звуки:

«Нужда го-орь-ка-я...»

Digitized by Google

IV.

Пѣвческія „похороны“ затянулись до поздней ночи. Захарычъ долженъ былъ вести домой вдребезги пьянаго Петра Иваныча и заночевать у него. Петръ Иванычъ, Илья Николаевичъ, Ржавчина и нѣкоторые другіе, всѣ одинокіе, жили вмѣстѣ и представляли изъ себя одну колонію.

Когда Захарычъ проснулся, то увидѣлъ такую картину.

Въ неприглядныхъ комнатахъ деревяннаго флигелька было грязно, неубрано, голо и бѣдно. Солнце тускло свѣтило сквозь замерзшія окна, блѣдными и грустными лучами освѣщая сонное царство пьяныхъ. Всѣ спали въ тѣхъ позахъ, въ какихъ были захвачены хмелемъ. Ноги Ржавчины лежали на креслѣ, а голова на полу, прикасаясь къ длиннымъ ногамъ Петра Иваныча, вытянутымъ изъ-подъ стола. Ржавчина приподнялся, сѣлъ, встряхнулъ всклокоченной головой, посмотрѣлъ на спящихъ, нюхнулъ носомъ и состроилъ рожу. Природа надѣлила его чрезвычайно уморительной физіономіей, со вздернутымъ и загнутымъ кверху носомъ, такой подвижной отъ вѣчнаго гримасничанья, что другой теноръ, Ивановъ, толстый и молчаливый человѣкъ съ красивымъ и скучающимъ лицомъ, проснувшійся на сундукѣ, звонко разсмѣялся.

Весь полъ занимала гигантская фигура Ильи Николаевича. Онъ спалъ на спинѣ, раскинувъ могучія руки, разметавъ свою великолѣпную гриву.

Кругомъ валялись груды нотъ, разбитая гитара, скрипка въ старомъ футлярѣ, пустыя пивныя бутылки; подъ кроватью виднѣлась корзина изъ-подъ пива. Въ комнатѣ было холодно, а углы ея промерзли.

Digitized by Google

Ржавчина подмигнулъ Захарычу на спящаго баса и сказалъ съ ужимкой:

— Изверг рода человѣческаго!

— Мастодонтъ!—подтвердилъ Ивановъ.—Не пора ли его будить, Ржавчина?

Ржавчина, приплясывая, осторожно потрясъ мастодонта за могучее плечо.

Раздалось громкое рычаніе.

Ржавчина благоразумно отскочилъ въ сторону и сказалъ, пожимаясь:

— Нѣтъ еще, не пора-съ: убьетъ!

Проснулся Петръ Иванычъ, прогудѣлъ: „что за чортъ!“ и вылѣзъ изъ-подъ стола; молча запустилъ руку въ пивную корзину, нащупалъ тамъ бутылку съ пивомъ, привычнымъ ударомъ объ ладонь вышибъ пробку и сталъ тянуть пиво изъ горлышка.

Ржавчина вытащилъ корзину: тамъ остались только двѣ бутылки. Онъ сдѣлалъ кислую мину и тоже откупорилъ бутылку, слѣдуя примѣру Петра Иваныча. Пиво соблазнительно забулькало. Илья Николаевичъ издалъ протестующее рычаніе.

— Ржавчина, пора!—сказалъ Ивановъ, зѣвая.

Ржавчина допилъ пиво, скорчилъ рожу и, наклоняясь надъ басомъ, закричалъ ему въ ухо изо всей силы:

— Илья Николаевичъ! Зе-мле-тря-се-ніе!..

Басъ пробормоталъ сквозь сонъ:

— Пшолъ! Разбуди, когда дойдетъ до нашего квартала!

Ржавчина посмотрѣлъ на всѣхъ съ плачевной физіономіей.

— По-жа-аръ!—закричалъ онъ въ ухо раздирающимъ душу голосомъ.

— Наплевать!—мычалъ басъ.

Digitized by Google

Ржавчина подмигнулъ всѣмъ и опять закричалъ въ ухо:

— Илья Николаевичъ! Вы пиво—пьете?

И отскочилъ, приплясывая.

Басъ медленно простеръ свою длань, чтобы схватить назойливаго, потомъ открылъ глаза, приподнялся на локоть, встряхнулъ охапкой спутанныхъ волосъ, зѣвнулъ, какъ левъ, и сказалъ съ мрачнымъ видомъ:

— Давай!

Ржавчина съ ироническимъ подобострастіемъ, гримасничая и кривляясь, какъ обезьяна, подалъ басу бутылку пива. Илья Николаевичъ выпилъ ее единымъ духомъ и опять растянулся на полу.

— Водка есть?—спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

Ржавчина подскочилъ къ нему.

— Была-съ, Илья Николаевичъ, да вы сами ее вчера выпили.

— Не твое дѣло! Знаю. А почему не позаботился достать?

— Кто жъ это обязанъ вамъ водки доставать?

— Ржавчина!—возвысилъ свой басъ Илья Николаевичъ,—попадешься ты мнѣ подъ руку съ похмелья! Вотъ встану сейчасъ и изуродую.

Ивановъ смѣялся про себя и говорилъ тихонько Захарычу.—Вотъ каждое утро у нихъ эта комедія бываетъ! Ты не подумай, что это они серьезно. Боже упаси! Они жить одинъ безъ другого не могутъ, — закадычные друзья, а такъ себѣ—роли разыгрываютъ.

Ржавчина стоялъ отъ баса на приличномъ разстояніи и говорилъ съ ужимкой:

— Ужъ я вашъ характеръ знаю-съ, Илья Николаевичъ: не встанете!

Лѣнивый басъ, дѣйствительно, не пожелалъ встать для избіенія тенора, а только выругался.

Digitized by Google

— Обезьяна какая!—ворчалъ онъ.—И на кой чортъ тенора на свѣтѣ бываютъ? Всѣ они глупые!

— Ну, и вы, басы, тоже...

— Молчать! Всѣ вы мошенники!

— А вы шарлатаны!

— А вы козлы!

— А вы...

— Ржавчина! Убью! Нѣтъ, встану сейчасъ и убью эту самую Ржавчину!.. Сдѣлаю доброе дѣло!—Басъ приподнялся на локоть.

— Погоди убивать!—вступился Ивановъ,—быть можетъ, онъ водки достанетъ. Нехай поживетъ! Убить всегда успѣешь.

Басъ опять легъ и, зѣвая, произнесъ медленно и равнодушно, тономъ помилованія:

— И то... нехай!.. А — а... поживетъ! Клоунъ проклятый!

Слово „клоунъ“ задѣло Ржавчину.

— Что жъ, — подскочилъ онъ, — я, дѣйствительно, служилъ въ циркѣ клоуномъ. И кондитеромъ былъ. Да-съ. А вотъ вы-то кто-съ?

— Я?—рявкнулъ басъ, опять поднимаясь на локоть.— Ахъ ты, Ржавчина. Я—студентъ, я—пѣвецъ, а ты—нигиль, шутъ гороховый. Сравнилъ себя со мной. Ха-ха-ха!

Онъ театрально расхохотался.

— Илья Николаевичъ, вѣдь и я пѣвецъ. Я въ оперѣ пѣлъ, а вы не пѣли.

— Что жъ, не пѣлъ, а знаю больше твоего...

— Вотъ и не знаете. Пропойте-ка „Въ старину живали дѣды...“

— „Въ старину живали дѣды“? Ну, положимъ, я этого старья не пою... А ты-то самъ знаешь ли?

— Я знаю-съ. Хотите, спою.

— А ну!

Digitized by Google

Ржавчина усѣлся на кровати, сложилъ ножки калачикомъ, „пригорюнился“, какъ-то по-бабьи подперевъ щеку рукой, и запѣлъ на мотивъ народной пѣсни:

«Въ ста-ри-ну жи-ва-ли дѣ-ѣ-ды...
Эхъ! Ве-се-лѣ-ѣй своихъ внучатъ...»

— Дуракъ!—остановилъ его басъ.—Это „Не бѣлы снѣги“. Не смѣй у меня паясничать, когда я съ похмелья. Эхъ! Какъ трещитъ главизна. Хоть бы полмѣшка соорудить.

— Что толку въ этакой малости?—возразилъ Ржавчина.—Полмѣшкомъ только вы поправитесь, а намъ и понюхать не останется. Надо всю академію опохмелить, да и Захарычъ, можетъ быть, выпьетъ. Вы, Илья Николаевичъ, только о себѣ заботитесь.

— Обо мнѣ хлопотать нечего,—вѣжливо сказалъ Захарычъ, тяжелыми шагами прохаживаясь по комнатѣ,—вина я совсѣмъ не пью, а посидѣть съ вами, посижу. Чудно вы живете. Хе-хе-хе!

И онъ разсмѣялся грудным и медленнымъ смѣхомъ. Домашняя жизнь пѣвчихъ занимала его.

— Да, братъ, мы чудно живемъ,—картаво отозвался Петръ Иванычъ,—деньги пропиваемъ, за квартиру не платимъ, а хозяйка печку намъ не топитъ и насъ вымораживаетъ.

— Странная женщина,—пожалъ плечами Ржавчина.

— О, чортъ!—рычалъ на полу Илья Николаевичъ.—Какъ бы осмыслить внутренній полушубокъ?

— Плохо вы мыслите, Илья Николаевичъ!—задиралъ его неугомонный Ржавчина.

— А ты-то какъ мыслишь, чортова кукла?

— Я мыслю такъ—говорилъ Ржавчина:—у нашей хозяйки въ погребѣ на веревочкѣ спущена четверть водки. Когда къ ней приходятъ гости, проклятая баба

Digitized by Google

вытягиваетъ на веревкѣ посудину и наливаетъ въ графинчикъ. Я полагаю, что отъ морозу посудина можетъ лопнуть, и на веревочкѣ останется одно только горлышко.

Мышленіе Ржавчины понравилось всей компаніи.

— Возьми съ собой изъ-подъ кровати пустую четверть!—примирительно сказалъ Илья Николаевичъ.

— Господа!—обратился Ржавчина ко всѣмъ, воодушевляясь и понижая тонъ до таинственности.—Во время моего отсутствія вы можете по-одиночкѣ прогуляться по двору и незамѣтно захватить съ собой по одному полѣну-съ.

— Это, братъ, идея!—воскликнулъ Петръ Иванычъ.

Ржавчина одѣлся и вышелъ.

Вскорѣ пѣвчіе сами затопили печку краденными дровами, а черезъ десять минутъ явился Ржавчина, вынулъ изъ-подъ пальто початую четверть водки, поднялъ ее надъ головой и запѣлъ звонкимъ теноромъ:

«Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино»!..

Съ пола торжественно поднялся Илья Николаевичъ и отряхнулся, какъ пудель. На непокрытомъ столѣ появился кочанъ кислой капусты. Всѣ подходили къ столу и выпивали, ласково ругая Ржавчину.

— Бестія! Продувное существо!—галдѣли они.

— Ррракалія,—гудѣлъ Илья Николаевичъ.

— Что же теперь въ погребѣ-то?

— А тамъ осколки четверти и горлышко на веревкѣ...

— Хо-хо-хо! — громыхали басовыя глотки. — Месть проклятой вѣдьмѣ! Захарычъ, пей, какого чорта?

Но Захарычъ не пилъ, а только удивленно кряхтѣлъ „ну-ну“ и качалъ кудрявой головой.

Digitized by Google

Въ это время изъ темной комнаты вышелъ еще одинъ теноръ, пребыванія котораго здѣсь Захарычъ и не подозрѣвалъ. Это былъ сѣденькій и сгорбленный старичокъ съ ярко-краснымъ носомъ и длинными, жидкими волосами. Фигура его, облеченная въ какую-то кацавейку, въ узенькіе и коротенькіе брючки съ оттопыренными и засаленными, словно лакированными, колѣнками, была смѣшна и жалка. Трясущейся старческой рукой онъ тоже потянулся къ водкѣ и съ жадностью выпилъ. Онъ хрипло крякнулъ и, потирая руки, опять было направился въ свой уголъ, но компанія, пришедшая въ благодушное настроеніе, остановила его.

— Профессоръ! Читай намъ лекцію, читай лекцію!— галдѣли всѣ.

Профессоръ моргалъ красными вѣками и пугливо смотрѣлъ на всѣхъ кроткими старческими глазами. Черты его лица и вся фигура еще хранили слѣды былого изящества.

— Ахъ вы, пьяная абсурдія!—прохрипѣлъ онъ, улыбнувшись доброй улыбкой.

Илья Николаевичъ молча поставилъ посреди комнаты стулъ, а на стулъ профессора.

— Валяй! — сказалъ онъ ему и, обернувшись къ остальнымъ, строго рявкнулъ: — молчите вы, черти! Слушать у меня, а то ребра переломаю!

Моментально все смолкло. Благородный басъ легъ въ кресло и принялъ позу отдыхающаго театральнаго короля.

Профессоръ оживился отъ выпитой водки и заговорилъ.

Онъ говорилъ простымъ и понятнымъ языкомъ о происхожденіи міра, о матеріи, о каменномъ періодѣ, о теоріи Дарвина и первобытномъ человѣкѣ. Говорилъ о звѣздныхъ мірахъ, о человѣческихъ религіяхъ, о Буддѣ

Digitized by Google

и Христѣ, объ исторіи всего человѣчества. Рѣчь его не представляла изъ себя ничего цѣльнаго, но въ ней было столько новаго и неожиданнаго, и страннаго для Захарыча, что ему казалось, будто передъ нимъ раздвинули горизонтъ и показали новый, удивительный міръ. Плотникъ весь напрягся и внимательно слушалъ, разиня ротъ. Онъ не зналъ, какъ отнестись къ этой рѣчи,—вѣрить ей, или смѣяться надъ нею? Порою онъ вопросительно поглядывалъ на публику, застывшую въ неподвижной группѣ, серьезную, внимательную.

А профессоръ строго и важно говорилъ имъ о Богѣ, о цѣли и смыслѣ жизни и о людяхъ съ пытливымъ умомъ, полнымъ мучительнаго и вѣчнаго сомнѣнія. Онъ говорилъ объ ихъ смѣлыхъ мысляхъ и о томъ, какъ они шли противъ всѣхъ. Онъ говорилъ о Галилеѣ, о Лапласѣ, объ инквизиціи и о протопопѣ Аввакумѣ. Онъ говорилъ о ненависти толпы къ такимъ людямъ, о страданіяхъ ихъ духа и тѣла, о проклятіяхъ, которымъ ихъ предавали въ соборахъ, и о кострахъ, на которыхъ ихъ сжигали.

Плотникъ слушалъ и порою тяжко вздыхалъ, удивленно моргая глазами. А дрожащій голосъ старика-профессора звучалъ среди молчанія:

— Дорого человѣкъ платитъ за свое стремленіе къ истинѣ!.. Только на этомъ пути онъ безкорыстенъ и только здѣсь достоинъ уваженія!..

V.

Архіерейская обѣдня кончилась. Огромный каѳедральный соборъ былъ полонъ людьми. Тысячеголовая толпа колыхалась и глухо гудѣла. Золоченый иконостасъ блестѣлъ, и на ризахъ „мѣстныхъ“ иконъ отражались огоньки пылающихъ свѣчей. Высоко подъ гро-

Digitized by Google

мадным куполомъ тихо покачивалось на толстой цѣпи сверкающее паникадило, а въ самомъ куполѣ, въ недосягаемыхъ облакахъ ладана, царилъ строгій образъ величаваго Старца. По карнизу сводовъ вокругъ внутренности всего собора сіяли огромныя золотыя буквы: „Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ?“ Каждый звукъ въ этомъ величавомъ храмѣ пріобрѣталъ торжественные размѣры и долго колыхался подъ высокими сводами. Все кругомъ внушало благоговѣніе и настраивало торжественно.

Хоръ стоялъ на широкомъ клиросѣ, въ голубыхъ длинныхъ „парадахъ“, съ закинутыми за плечи рукавами наподобіе крыльевъ, отороченными золотымъ галуномъ, съ золотыми снурками и кистями на груди. Регентъ, строгій и серьезный, въ черномъ застегнутомъ наглухо сюртукѣ, имѣлъ особо торжественный видъ. Захарычъ стоялъ съ краю клироса около тяжелой золотой хоругви и мрачно посматривалъ кругомъ. Онъ былъ разстроенъ. Томашевскій почему-то не пришелъ, а Захарычъ за обѣдней былъ не въ ударѣ пѣть и получилъ отъ регента замѣчаніе за невнимательность. У него уже нѣсколько дней, какъ все звучала въ ушахъ лекція профессора, возбуждая какія-то странныя, неотвязныя думы. Порою сердце Захарыча неожиданно сжималось отъ какой-то острой и тонкой жалости къ кому-то: не то къ самому себѣ, не то къ пѣвчимъ. Онъ заподозрилъ профессора и всю его аудиторію въ отрицаніи Бога, въ невѣріи, видѣлъ ихъ завѣдомо несчастную жизнь и жалѣлъ этихъ людей. Захарычъ не хотѣлъ бы потерять вѣру въ Бога и жить такъ, какъ они. Казалось ему, что душа этихъ людей вѣчно и тайно страдаетъ, и, чувствуя себя разстроеннымъ, онъ боялся, не заразился ли отъ нихъ ихъ страданіемъ? И съ этими опасеніями назойливо перемѣшивалась рѣчь профессора о могучемъ духѣ сомнѣнія, о неотвязныхъ мученіяхъ тѣхъ

Digitized by Google

людей, которыми этотъ духъ овладѣвалъ. И Захарычъ сталъ разсѣяннымъ.

— Чего же всѣ ждутъ?—тихо прогудѣлъ онъ Петру Иванычу, который стоялъ рядомъ.—Вѣдь обѣдня кончена?

— Будетъ обрядъ „проклятія",—отвѣчалъ тотъ,—теперь недѣля православія. Никогда не видалъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ увидишь.

Архіерей, въ сопровожденіи священниковъ и діаконовъ, вышелъ изъ алтаря на середину собора. Онъ стоялъ тамъ на своемъ возвышеніи, окруженный духовенствомъ, выше всего народа. Драгоцѣнные камни его золотой митры горѣли разноцвѣтными искорками.

Около лѣваго клироса устроенъ былъ высокій помостъ, въ родѣ каѳедры, застланный краснымъ сукномъ.

Народъ слился въ тѣсную толпу и замеръ въ какомъ-то таинственномъ ожиданіи. Сдержанный шопотъ, кашель, шарканье ногъ по камню пола гулко плавали подъ куполомъ.

Наконецъ, изъ лѣвыхъ дверей алтаря медленно вышелъ старый протодіаконъ въ бѣлой серебряной ризѣ и съ сѣдыми, тяжелыми волосами, словно вылитыми изъ серебра,—приземистый, сутуловатый и широкій. Лицо у него было огромное, съ крупными и суровыми чертами, все заросшее сѣдой бородой, съ мрачнымъ взглядомъ изъ-подъ огромныхъ сѣдыхъ бровей. Медленно и тяжело, словно чугунный, протодіаконъ съ трудомъ поднялся по ступенямъ на высокій помостъ и положилъ передъ собою тонкую, черную книгу.

Въ церкви настала томительная тишина. Сотни людей застыли въ ожиданіи, прижимаясь къ свѣтлой фигурѣ архіерея, окруженной на срединѣ церкви священниками въ свѣтлыхъ ризахъ. Казалось, что протодіаконъ

Digitized by Google

будетъ исполнять какую-то тяжелую и суровую обязанность, и мрачный видъ его внушалъ толпѣ безотчетный страхъ. Ярко освѣщенный соборъ, полный народа, сталъ беззвученъ, точно въ немъ никого не было, точно онъ былъ видѣніемъ или картиной.

И вотъ въ этой странной тишинѣ протодіаконъ запѣлъ одинъ громаднымъ и страшно густымъ басомъ печальный, таинственный и странный напѣвъ, отъ котораго вѣяло чѣмъ-то древнимъ. Казалось, что это пѣлъ самъ неумолимый рокъ, судьба, выносящая печальный приговоръ, который никто не въ силахъ измѣнить. Что-то жестокое звучало въ этой несокрушимой убѣжденности.

Онъ пѣлъ:

«Кто-о Богъ ве-лій, я-ко Бо-гъ нашъ?
Ты-ы еси Бо-гъ, тво-рый чу-де-са-а...»

Волнообразный голосъ его, тяжелый и темный, какъ смола, лился черной и густой массой, печальными полутонами, начавшись съ верхней ноты и постепенно спускаясь книзу. Этотъ голосъ плылъ по огромному собору, наполнялъ куполъ и колыхалъ воздухъ.

Протодіаконъ остановился, провелъ по лицу и бородѣ широкой ладонью, которая вся заросла серебряными волосами, и переждалъ, пока утихнетъ эхо, встревоженное его могучимъ голосомъ. Потомъ онъ опять запѣлъ тотъ же напѣвъ, только тономъ выше:

«Кто-о Бо-гъ ве-лій...»

Въ этомъ тонѣ его исполинскій голосъ сталъ похожъ на огромную грозовую тучу съ отдаленнымъ громомъ, которая надвигается, охватывая небо. Этотъ чугунный, грохочущій голосъ, печальный и мрачный, былъ твердъ и тяжелъ; казалось, что его можно было ощупать рукой въ воздухѣ, и что, дойдя до человѣка, онъ прижметъ его къ стѣнѣ и раздавитъ.

Digitized by Google

Протодіаконъ опять остановился и ждалъ, когда утихнетъ эхо.

Въ третій разъ онъ запѣлъ еще на тонъ выше, все съ такими же печальными и странными полутонами. Этотъ громадный и страшный вопросъ о Богѣ грянулъ теперь грозно и сокрушающе, наполнивъ собою весь соборъ. Отвѣтомъ на него было только могучее, неумолкающее эхо, и, когда оно успокоилось, снова настала тишина.

Тогда протодіаконъ вынулъ золотыя очки, надѣлъ ихъ и развернулъ черную книгу.

„Вѣру-ю во еди-наго Бога Отца-а...

крѣпко отчеканивая каждый слогъ, началъ онъ читать громовымъ и торжественнымъ голосомъ. Каждое слово его тяжело падало въ воздухъ...

„Вседержителя, творца небу и земли-и... Видимымъ же всѣмъ...

Онъ провелъ волосатой рукой по усамъ и бородѣ и добавилъ:

„И не-ви-ди-мымъ...“

Когда протодіаконъ кончилъ громоподобное чтеніе Символа вѣры, то снова наступила тишина, и онъ опять запѣлъ первоначальный мрачный и зловѣщій напѣвъ, построенный изъ полутоновъ:

«Сія вѣра истин-ная.
Сія вѣра апос-тольс-ка-я.
Сія вѣ-ра пра-во-слав-на-я».

Теперь протодіаконъ какъ бы кончилъ утвержденіе вѣры и только послѣ этого приступилъ къ вопросу о тѣхъ, кто уклонился отъ нея.

Онъ опять развернулъ книгу и началъ читать, размѣренно отчеканивая слова, словно прибивалъ ихъ гвоздями.

Digitized by Google

„Утверждающимъ, что Марія Дѣва не была Дѣвою...“ сурово и гнѣвно неслось по собору.

Протодіаконъ перевелъ духъ и грянулъ уже во всю силу, вдвое громче, чѣмъ до этихъ поръ, голосомъ, который страшно было слушать:

„А-на-а-ѳе-ма-а!..“

Отъ этого возгласа все какъ бы колыхнулось въ соборѣ.

Изъ тысячи грудей народа вылетѣлъ общій вздохъ, испуганный и печальный.

А въ это время архіерей и священники запѣли всѣ въ унисонъ, словно зарыдали:

„Ана-ѳема! Ана-ѳема! Ана-ѳема!..“

Потомъ запѣлъ архіерейскій хоръ, жалобно и грустно повторяя то же самое слово:

„Ана-ѳема-а! Анаѳема-а!..“

А протодіаконъ опять загремѣлъ колыхающимся, огромнымъ голосомъ:

„Утверждающимъ, что Іисусъ Христосъ не былъ Сыномъ Божіимъ...“

Гулъ ужаса прошелъ въ толпѣ.

„А-на-а-ѳе-ма!..“

И опять все колыхнулось, и священники жалобно запѣли въ одинъ голосъ, и снова откликнулся хоръ.

„Сомнѣвающимся... — сурово загремѣлъ протодіаконъ,—въ бытіи Божіемъ...“

Захарычъ вздрогнулъ.

„И утверждающимъ, что міръ произошелъ самъ собою...“

Гулъ въ толпѣ возросталъ все болѣе и болѣе.

„А-на-а-ѳе-ма!“

Въ толпѣ пробѣжалъ какой-то странный жалобный ропотъ, общій стонъ, послышались всхлипыванія, кто-то истерично вскрикнулъ, у стоявшихъ впереди слезы текли по лицу.

Digitized by Google

„А-на-ѳе-ма!“—неумолимо и сурово гремѣлъ ужасный голосъ, какъ раскатъ грома, потрясающій небо. Соборъ наполнился этимъ раскатомъ, и ударъ его съ трескомъ разрядился въ куполѣ. Казалось, что куполъ валится.

Надъ толпой пронесся гулъ плача и ужаса.

Захарычъ не могъ пѣть: къ горлу его прихлынули слезы. Острая жалость и состраданіе къ „сомнѣвающимся“ охватили его. Рядомъ съ громовымъ голосомъ протодіакона ему неотвязно слышался дребезжащій, тихій голосъ профессора, его лекція о страданіяхъ духа, о великой мукѣ сомнѣній. Замученные своими неугомонными мыслями, они и здѣсь прокляты и низвержены въ преисподнюю. Несчастный отверженный духъ сомнѣнія!

Послѣ окончанія обряда, когда народъ густыми толпами валилъ изъ собора, пѣвчіе снимали въ алтарѣ свои „парады“ и беззаботно разговаривали.

— Ну и тяпнулъ нынче протодіаконъ!

— Да! Отъ души рявкнулъ дѣдушка!

— Изъ молодыхъ такого не найдешь!

— Хорошіе-то басы вымираютъ! Вотъ умретъ этакое чудовище и шабашъ! Конецъ басамъ стараго фасона!

— Ну, этотъ еще два нашихъ-то вѣка изъѣздитъ.

Захарычъ небрежно швырнулъ свой парадъ и, прислонившись къ стѣнѣ, тупо смотрѣлъ передъ собой. Онъ былъ блѣденъ.

— Ты что, Захарычъ? — участливо спросилъ его Петръ Иванычъ. — Чумной какой-то! Что съ тобой, братъ?

У Захарыча задрожала нижняя челюсть, на глазахъ навернулись слезы, и онъ, проглотивъ слюну, которая застряла у него въ горлѣ, мрачно посмотрѣлъ на Петра Иваныча исподлобья и медленно сказалъ:

— Мнѣ скушно.

Digitized by Google

VI.

Томашевскій не пришелъ и на спѣвку. Когда послали мальчика на его квартиру, то узнали, что онъ простудился на похоронахъ и давно уже лежитъ въ больницѣ.

Послѣ спѣвки Петръ Иванычъ сказалъ Захарычу:

— Пойдемъ, братъ, навѣстимъ его.

Захарычъ согласился. Онъ жалѣлъ этого „барина“ и причислялъ его тоже къ „сомнѣвающимся“.

Больница была за городомъ, и Петръ Иванычъ нанялъ извозчика.

— Ты знаешь, братъ, вѣдь у него тифъ!—сказалъ онъ дорогой Захарычу.

— Неужто?

— Да! Если не перенесетъ кризиса, такъ, значитъ, и тово... Ку-ку! А жалко парня.

— Конечно, жалко!—согласился Захарычъ.—Такой молодой, бѣленькій...

— Драма у него вышла въ жизни... понимаешь? Влюбился онъ въ образованную... Онъ вѣдь изъ эдакого круга... Дамскій кавалеръ, теноромъ пѣлъ романсы. А она, братъ, за другого замужъ вышла. Ему и опротивѣло чистое-то общество. Приходитъ онъ къ нашему регенту: „Примите въ тенора“. Тотъ пробуетъ голосъ. Теноръ сильный, но есть что-то неестественное въ тембрѣ. А нашъ-то вѣдь опытенъ по части голосовъ: зубы на этомъ съѣлъ. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него, да и говоритъ: „У васъ не теноръ, а октава,—я васъ приму въ октависты“. И что же ты думаешь? Ушелъ Томашевскій изъ высшаго общества въ нашу „пьяную абсурдію“, какъ говоритъ профессоръ, попѣлъ съ мѣсяцъ баскомъ и вдругъ какъ провалится съ теноровыхъ-то

Digitized by Google

нотъ прямо въ нижній этажъ! Открылась, братъ, у него октава, и что ни дальше поетъ, все ниже да ниже, все гуще да гуще...

— Чудеса!—удивлялся Захарычъ.

— Да, братъ!—вздохнулъ Петръ Иванычъ, приподнимая воротникъ своего пальтишка.—Жалко, если умретъ: въ консерваторію на казенный счетъ его берутъ, а она бы его вытащила на свѣтъ. Тамъ бы онъ и про любовь эту самую забылъ и пилъ бы слабѣе.

Захарычъ крякнулъ и спросилъ Петра Иваныча:

— А ты... тоже черезъ любовь?

— Пью-то?

Петръ Иванычъ разсмѣялся.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ.—Какая у нашего брата любовь? Я и влюбленъ-то былъ несуразно, въ актрису Стрѣльскую, когда еще въ семинаріи былъ. Бывало, ору ей съ галерки „браво“ такъ, что весь народъ шарахается и смѣется. Наконецъ, пришелъ къ ней въ уборную. Такъ и такъ, молъ, влюбленъ. А она спрашиваетъ: „Это вы, что ли, съ галерки такъ орете басомъ?“—„Я“. Разсмѣялась этакъ весело, какъ ребенокъ. „Ну, садитесь, — говоритъ, — я васъ угощу, поклонникъ!“ Послала за виномъ. Чокнулись мы съ ней, выпили и разстались. Вотъ, братъ, и вся моя любовь.

Сани какъ разъ остановились около больничнаго барака. Пѣвчіе слѣзли съ извозчика и вошли въ больничный корридоръ. Пахло тяжелымъ запахомъ лѣкарствъ и карболкой. На дворѣ уже смеркалось.

Въ длинной и высокой палатѣ съ огромными окнами было какъ-то особенно грустно. По мягкимъ половикамъ беззвучно двигались бѣлыя тѣни сидѣлокъ и фельдшерицъ, худыя фигуры выздоравливающихъ въ желтыхъ халатахъ изъ грубаго сукна. Въ отворенныя высокія

Digitized by Google

двери смежныхъ комнатъ виднѣлись ряды больничныхъ кроватей.

— Вамъ кого?—спросила ихъ какая-то женщина, вся въ бѣломъ.

— Томашевскаго... Пѣвчій онъ...—загудѣли они, не соразмѣривъ своихъ голосовъ, и каждое ихъ слово гулко перекатывалось по высокой палатѣ.

— Знаю. Раздѣньтесь и посидите здѣсь. Онъ плохъ. Я спрошу, можно ли къ нему. Вы... его родные?

— Мы — товарищи.

Минутъ черезъ десять, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и въ палатѣ стали зажигать жестяныя лампы, ихъ впустили въ большую комнату, гдѣ лежало нѣсколько больныхъ на низкихъ желѣзныхъ кроватяхъ. На одной изъ нихъ, слабо освѣщенной тусклымъ свѣтомъ лампы, неподвижно вытянувшись и тяжело дыша, лежалъ Томашевскій въ жару и бреду.

Онъ никого не узналъ и смотрѣлъ въ пространство мутными широко-открытыми глазами. Овальное, бѣлое лицо его съ небольшими усиками горѣло неестественнымъ румянцемъ, голова запрокинулась, обнаруживая бѣлую обнаженную шею и его двойной широкій кадыкъ—разгадку его бархатной октавы.

— Саша!—осторожно прогудѣлъ Петръ Иванычъ.—Братъ! Это мы... мы къ тебѣ пришли.

И неожиданно для него самого голосъ его задрожалъ и осѣкся.

При звукахъ пѣвческаго голоса Томашевскій медленно поднялся и сѣлъ на постели. Лицо его приняло вдохновенное выраженіе, онъ поднялъ длинныя, худыя и бѣлыя руки и заговорилъ своей влажной октавой:

— Тише! Сейчасъ начинаемъ!

И, разводя руками, какъ регентъ, онъ запѣлъ торжественно, наполняя всю палату бархатными звуками:

Digitized by Google

«Дѣ-ѣ-ва! Дѣ-ва дне-есь...
Пре-су-ще-ствe-нна-а-го-о...
Ра-а-жда-етъ...»

и повторилъ низко, тихо и задумчиво:

«Ра-а-жда-етъ...»

Онъ пѣлъ свою партію изъ прекрасной нотной вещи, полной изящныхъ художественныхъ эффектовъ. Это былъ восторженный гимнъ явленію Христа, могучій, грустный и поэтическій. Торжественный раскатъ повторялся, какъ эхо, тихимъ и глубокимъ вздохомъ, умирающею тѣнью. Отъ сильнаго жара голосъ Томашевскаго сталъ вдвое гуще и сильнѣе. Если бы теперь пришлось Захарычу состязаться съ нимъ, то превосходство было бы на сторонѣ Томашевскаго. Голосъ его, гармоничный, густой и струнный, звучалъ, какъ цѣлый хоръ, и плылъ по всѣмъ комнатамъ.

Прислуга, сидѣлки, фельдшерицы, фельдшера и выздоравливающіе—всѣ столпились около дверей и слушали.

«И зем-ля-а вер-тепъ...
Не-прес-туп-но-му-у прино-ситъ...»

стройно катилась торжественная нота и повторялась, какъ дальнее эхо, какъ уходящая тѣнь:

«При-и-но-ситъ...»

Преклоненіе и уваженіе возбуждалъ онъ въ безмолвной толпѣ, внимавшей здѣсь прекраснымъ звукамъ божественнаго пѣнія.

«А-ан-ге-ли... съ па-а-стырь-ми...
Сла-а-во-сло-вятъ...»

И опять разстилалось тихое и задумчивое:

«Сла-во-сло-вятъ».

Томашевскій сидѣлъ на постели, регентовалъ передъ воображаемымъ хоромъ и пѣлъ, и казалось, что онъ

Digitized by Google

уже видитъ своими широко-раскрытыми глазами славословящихъ ангеловъ и вертепъ, который приноситъ земля.

Огромный Петръ Иванычъ плакалъ. У Захарыча тоже что-то щекотало въ горлѣ.

Онъ отошелъ отъ изголовья, чтобы смахнуть невольныя слезы и наткнулся въ полумракѣ на какое-то съежившееся существо, которое копошилось и всхлипывало на полу, около ногъ больного. Захарычъ нагнулся и увидѣлъ жалкое старушечье лицо, омоченное слезами, полное безконечнаго горя, муки, отчаянія, почти безумное...

— Кто это?—спросилъ онъ.

— Мать,—послышался скорбный шопотъ.

Къ утру Томашевскій умеръ. Хоронили его на больничномъ кладбищѣ въ простомъ некрашенномъ гробу. Гробъ несла „пьяная абсурдія“ — Илья Николаевичъ, Петръ Иванычъ, Ржавчина и Захарычъ. За гробомъ никто не шелъ, кромѣ старушки матери.

Она еле волочила ноги отъ горя и даже не имѣла силъ громко плакать. Полупьяный дьячокъ тянулъ „святый Боже“, а товарищи умершаго, тоже слегка выпившіе, несли его молчаливо и мрачно. Только Ржавчина пытался было подтягивать дьячку, но и онъ скоро умолкъ, подавленный тяжестью общаго молчанія. Илья Николаевичъ былъ мраченъ, какъ туча, и зло поглядывалъ на Ржавчину, желая придраться къ нему.

Петръ Иванычъ былъ блѣденъ, съ опухшими отъ слезъ глазами, а Захарычъ имѣлъ страдальческое лицо: „скука“, которую онъ ощутилъ въ соборѣ, не проходила, а все увеличивалась и причиняла ему серьезныя страданія. У всѣхъ было скверно на душѣ, и каждый таилъ отъ другихъ невеселыя мысли. Отдавая послѣдній долгъ товарищу, эти безродные и бездомные люди

Digitized by Google

думали, что имъ тоже придется умирать на больничной подушкѣ, среди чужихъ людей, и никто о нихъ не заплачетъ, кромѣ какого-нибудь пьяницы-товарища.

Захарычъ думалъ о жизни пѣвчихъ, о томъ, какъ они трудятся, какъ живутъ и какъ умираютъ. И въ его ушахъ звучали то церковные напѣвы, то веселыя пѣсни, заразительныя мысли профессора и „анаѳема“ протодіакона.

Кладбище было грустное, пустынное, мѣсто упокоенія бѣдняковъ и бобылей, умирающихъ въ больницѣ. Оно было занесено сугробами снѣга, огорожено рвомъ и едва замѣтной изгородью. Кое-гдѣ виднѣлись наклоненные кресты. День былъ сумрачный, солнце не было видно, и сверху падалъ легкій и бѣлый снѣжокъ, убѣляя длинные волосы пѣвческой братіи. Гробъ опустили на снѣгъ у свѣжевырытой ямы.

— Ну, прощайтесь! — равнодушно сказалъ дьячокъ.

Мертвецъ лежалъ въ гробу мраморно-бѣлый, съ лицомъ спокойнымъ и важнымъ. Необыкновенный кадыкъ выдавался теперь еще болѣе. Старушка припала къ лицу своего мертваго сына, и раздались тѣ самыя переворачивающія душу рыданія, которыя такъ привычны были для пѣвческаго слуха.

Но здѣсь эти рыданія причинили имъ безпокойство. Илья Николаевичъ злобно крякнулъ и метнулъ убійственный взглядъ на Ржавчину. Ржавчина понялъ его, съ уваженіемъ поддержалъ старуху, отвлекъ ее отъ гроба и тономъ священника сталъ утѣшать ее... Всѣ поцѣловали мертвеца въ лобъ.

— Эхъ, брлатъ!—вырвалось у Петра Иваныча.

Илья Николаевичъ и Захарычъ взяли гробовую крышку.

— Н-у!...—въ низкую октавную ноту сердито сказалъ Илья Николаевичъ.

— Ну!—еще ниже и гуще отвѣтилъ Захарычъ.

Digitized by Google

И они накрыли гробъ крышкой.

— А молотокъ-то позабыли взять!—сказалъ кто-то.— Чѣмъ же гвозди-то заколачивать?

Илья Николаевичъ обнажилъ огромный и твердый, словно желѣзный, кулакъ, поросшій волосами, и злобно, съ остервенѣніемъ, молча, крѣпкими ударами сталъ вгонять гвозди въ крышку. Захарычъ поглядѣлъ на него, взялъ въ руки лопату и началъ забивать гвоздь ребромъ ея.

Огромные, мускулистые и мрачные люди стояли вокругъ гроба на колѣняхъ, вбивая длинные гвозди въ дерево. Вѣтеръ игралъ длинными волосами пѣвчихъ, снѣгъ шелъ сильнѣе. Гробъ опустили въ могилу, бросили туда по куску мерзлой земли и молча, злобно и раздраженно стали лопатами зарывать яму...

VII.

Послѣ похоронъ Томашевскаго у Захарыча, кромѣ „скуки“, появились еще и „мысли“, и онъ почувствовалъ себя окончательно несчастнымъ. Прежде ни скуки, ни мыслей у него никогда не являлось. Въ деревнѣ все было просто, ясно и непоколебимо, а здѣсь онъ ничего не понималъ, все кругомъ было полно противорѣчій. Въ церковь ходятъ не молиться, а смотрѣть на состязаніе пѣвцовъ. Если человѣкъ умретъ—пѣвчіе радуются, потому что смерть его даетъ имъ средства къ жизни. Хорошіе и образованные люди пресмыкаются въ пѣвчихъ, живутъ нехорошо, въ пьянствѣ и бѣдности, и заражены невѣріемъ въ Бога. Не вѣрятъ въ Бога, а души у нихъ добрыя. Невѣжда и грабитель купецъ Понедѣльниковъ нехорошій человѣкъ: относится къ пѣвчимъ, какъ къ лошадямъ, швыряетъ имъ деньги на овесъ, не далъ ни гроша на похороны Томашевскаго,

Digitized by Google

живетъ хорошо, въ почетѣ, богатствѣ и благочестіи. Онъ вѣритъ въ Бога, сердце же имѣетъ звѣриное. Протодіаконъ проклинаетъ „сомнѣвающихся“, а они стоятъ на клиросѣ и поютъ сами себѣ анаѳему. Они заблуждаются въ своемъ невѣріи и отъ этого несчастны. Но почему же они не злодѣи, и почему разсказы профессора о происхожденіи міра такъ занимательны?.. Кто правъ? Профессоръ, или протодіаконъ?

И Захарычу казалось, что тотъ самый мучительный „духъ сомнѣнія“, о которомъ разсказывалъ профессоръ, какъ-то успѣлъ забраться и въ его душу, и что онъ, Захарычъ, попалъ въ число „сомнѣвающихся“, преданныхъ протодіакономъ „анаѳемѣ“.

Рой вопросовъ гудѣлъ въ головѣ Захарыча и жалилъ его мозгъ. Мысль, спавшая въ немъ мертвымъ сномъ цѣлую жизнь, никогда, быть можетъ, не проснулась бы, если бъ ее не разбудило внезапное столкновеніе съ жизнію, весь укладъ которой шелъ наперекоръ Захарычу. Но онъ не могъ разобраться въ самомъ себѣ, чувствовалъ себя, какъ заблудившійся въ лѣсу, и не зналъ, какъ выйти къ свѣту. Онъ думалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ и не могъ отвязаться отъ думъ, и это было мучительно для него, потому что, проживъ на свѣтѣ болѣе сорока лѣтъ, онъ еще никогда ни о чемъ не думалъ и не имѣлъ къ этому привычки. Думы его переплетались съ необъяснимыми и грустными чувствами. Въ лучистые морозные дни онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на пустынномъ берегу Волги, занесенной толстымъ слоемъ снѣга, и неподвижно смотрѣлъ на снѣжныя равнины и на далекія синѣющія горы, покрытыя лѣсомъ и снѣгомъ. И въ его душѣ разливалась ядовитая тоска по чемъ-то утраченномъ и дорогомъ, быть можетъ, по родной деревнѣ, по той жизни на воздухѣ, среди природы, подъ лучами солнца, съ которой срослась его

Digitized by Google

душа. И за этой мертвой картиной городской зимы ему чудилась весна въ деревнѣ, зеленая степь, широкій просторъ неба, поющіе жаворонки, запахъ степныхъ травъ, смолистыя, пахучія, сырыя балки и беззаботныя плотничьи пѣсни.

Мученія Захарыча сдѣлались, наконецъ, невыносимы. Онъ похудѣлъ, лишился сна. Тогда Захарычъ рѣшился обратиться за помощью къ Петру Иванычу.

Однажды послѣ ранней обѣдни, когда пѣвчіе, по обыкновенію, напились чаю въ трактирѣ, а до поздней еще было время, онъ взялъ Петра Иваныча подъ руку, отвелъ въ сторону и сказалъ ему озабоченно:

— Пётра!

И затѣмъ они долго ходили въ полномъ уединеніи. Захарычъ приступилъ къ изложенію своихъ мыслей, говорилъ онъ долго, тяжело и безтолково. Въ продолженіе всей своей жизни онъ, вообще, очень мало разговаривалъ, ограничиваясь односложными фразами, и вотъ теперь съ ужасомъ убѣждался въ томъ, что не можетъ высказать своихъ мыслей.

Языкъ говорилъ совсѣмъ не тѣ слова, какія надо было говорить, и получался совершенно безсмысленный наборъ несуразныхъ, самого его удивлявшихъ словъ. Онъ помогалъ своей рѣчи тѣлодвиженіями, прижималъ руки къ груди, размахивалъ ими въ воздухѣ, но ничто не помогало: мысли Захарыча оставались въ немъ, какъ въ крѣпкой тюрьмѣ, и освободить ихъ изъ заключенія онъ былъ не въ силахъ. И Захарычъ сердился.

— Ты вотъ что мнѣ скажи!—говорилъ онъ съ лицомъ страдальческимъ и мрачнымъ. Мясистый лобъ его наморщился и покраснѣлъ, словно въ его громадной головѣ работалъ какой-то тяжелый и сильный механизмъ.—Ты вотъ что мнѣ скажи: почему, напримѣръ, Адамъ и Ева... скажемъ, потопъ... евангеліе, напримѣръ,

Digitized by Google

или этотъ, какъ его... Бурда... Васька-Гдѣ-Гамма... который плавалъ по морямъ... и все такое. И вдругъ— подлость, грабежъ. А гдѣ совѣсть?

Въ его головѣ носилась мысль о противорѣчіяхъ жизни, о высокомъ ученіи нравственности, которое остается мертвой буквой, о гибели лучшихъ людей и о благополучной жизни людей низкихъ и мерзкихъ.

Петръ Иванычъ не могъ уловить смысла въ скачкахъ захарычевой мысли и недоумѣвалъ; тогда Захарычъ трясъ его за плечо, билъ себя въ широкую и выпуклую, словно вылитую изъ бронзы, грудь, тяжело выжималъ изъ себя неуклюжія, несуразныя слова и запутывался въ нихъ.

— Б-богъ!—гремѣлъ онъ.—Планида! Жисть!

Разсердился и Петръ Иванычъ.

— У тебя, братъ, ни чорта не поймешь! Адамъ и Ева! Васко-де-Гама!.. Богъ! Подлость! Планида! Чортъ знаетъ, что такое! Дѣйствительно, бурда какая-то!

— Эхъ, Пётра,—здѣсь-то у меня много!—стучалъ себя Захарычъ въ богатырскую грудь,—а наружу ничего не выходитъ! Говорить я не умѣю...

И крѣпко выругался Захарычъ.

Долго бился съ нимъ Петръ Иванычъ прежде, чѣмъ понялъ хотя бы отчасти захарычевы мысли.

— Накатило на меня! — въ отчаяніи говорилъ ему Захарычъ. — Не глядѣлъ бы я на добрыхъ людей, — свѣтъ мнѣ не милъ! Нѣтъ мнѣ житья отъ думы! Сумлѣваюсь я! Скажи ты мнѣ, какъ бы выгнать изъ себя сумлѣніе? Братъ! Я не могу не сумлѣваться!

Петръ Иванычъ задумался, посмотрѣлъ на Захарыча своимъ грустнымъ и добрымъ взглядомъ и сказалъ:

— Отъ невѣжества это у тебя.

— Вѣррно!—радостно вскричалъ Захарычъ.

Digitized by Google

— Постой! Ты помнишь, какъ профессоръ лекцію читалъ?

— Какъ не помнить? Съ нея и началось у меня...

— Ну, такъ вотъ! Помнишь, онъ разсказывалъ объ ископаемыхъ, о чудовищахъ, которыя вымерли и почему вымерли. Ты—тоже ископаемое. Ты изъ числа вымершихъ чудовищъ. Ты приспособленъ къ древней пастушеской жизни, а теперь жизнь другая, и въ ней не могутъ жить люди съ большимъ тѣломъ, съ большимъ голосомъ и большой душой. Всѣ такіе люди давно уже вымерли въ борьбѣ за существованіе, а за ихъ счетъ размножились ловкіе люди, съ маленькимъ тѣломъ и маленькой душой. Живешь ты на свѣтѣ совершенно случайно, потому что былъ ты спрятанъ въ тихой заводи. Когда же ваяли тебя въ городъ девятнадцатаго столѣтія, то вышло будто явился ты совсѣмъ изъ другого міра, упалъ съ луны или спалъ въ бугурусланскихъ степяхъ нѣсколько столѣтій, а потомъ проснулся и видишь кругомъ непонятныя тебѣ вещи.

— Вѣрно! — подтвердилъ Захарычъ. — Ничего я не понимаю, что кругомъ дѣлается.

— Да! Но ты хочешь сразу поглотить всю премудрость, сразу все разрѣшить, а этого нельзя: на это нужны годы, нужно прочесть много книгъ, повстрѣчать побольше умныхъ людей и сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ, а ты вѣдь невѣжда! Ты ничего не знаешь,— хотя бы даже вращенія земли.

— Вращенія земли?

— Ну, да!—И Петръ Иванычъ наглядно разсказалъ ему о вращеніи земли.

— Понялъ?

— Понять-то я понялъ, да вѣрно ли это? Кто узналъ, что все это такъ и есть, а не по-другому?

Digitized by Google

— Ученые! Они дѣлали опыты и доказали.

— Опыты, говоришь? А я-то вѣдь не дѣлалъ опытовъ? Стало быть, долженъ имъ вѣрить?

Петръ Иванычъ былъ нѣсколько озадаченъ, но, подумавъ, сказалъ:

— Долженъ вѣрить!

— Та-акъ,—протянулъ Захарычъ, сбычившись, — а ежели я такъ не могу? Ежели и тутъ выходитъ у меня сумлѣніе? Мнѣ надо, чтобы, значитъ, въ самый корень. А то... кому же вѣрить?

Захарычъ крякнулъ, помолчалъ и съ тяжелымъ усиліемъ спросилъ Петра Иваныча:

— Не знаешь ли ты такого слова, чтобы изъ меня сумлѣніе выгнать?

— Не знаю, Захарычъ!

— И профессоръ не знаетъ?

— И онъ не знаетъ.

— Та-акъ! Выходитъ, что жить по совѣсти и по настоящему закону нельзя. Кто не хочетъ людоѣдомъ быть,—руки на себя наложи!

Захарычъ тяжко замолчалъ и шелъ, пыхтя и отдуваясь. Лобъ его покраснѣлъ еще болѣе, на вискахъ вздулись жилы. Мозгъ его работалъ напряженно, тяжело и медленно. По морщинамъ мясистаго лба струился потъ.

— Постой! Что, бишь, я хотѣлъ спросить? Самое главное. Можетъ быть, ты знаешь... Вотъ не найду словъ... Да!

Онъ остановилъ за лацканы пальто Петра Иваныча и, смотря ему въ лицо страдальческимъ взглядомъ, полнымъ надежды и опасенія, выговорилъ медленно, съ тяжелымъ усиліемъ:

— Въ чемъ же... этотъ самый... смыселъ-то жизни?

Digitized by Google

Была страстная недѣля, но „пьяная абсурдія“ начинала свой день обычнымъ образомъ: всѣ были съ похмелья; Илья Николаевичъ лежалъ на полу и пикировался съ Ржавчиной.

— Очень ужъ вы, басы, много водки пьете!—задиралъ теноръ страдающаго баса.

— Что жъ?—рычалъ тотъ, поднимаясь на локоть.— Ужъ это отъ Бога такъ установлено: басъ — пьяница, баритонъ—нахалъ, а теноръ—дуракъ.

— Ну, положимъ, бываютъ и между басами та-а-кіе, я вамъ скажу!..

— Ничего ты не скажешь! — поспѣшно перебилъ Илья Николаевичъ.—Басъ всегда глубоко благороденъ, снисходителенъ даже къ тенорамъ, а теноръ мелоченъ, хитеръ, малъ, глупъ, сопливъ и кривоногъ!.. Эхъ, какъ трещитъ главизна! Ржавчина! Тамъ у меня въ пальто есть полтинникъ. Сбѣгай въ кабакъ, принеси мѣшокъ водки!

— Илья Николаевичъ! Что толку отъ одной бутылки на пять алчущихъ мордъ?

— Какъ же быть-то, коли больше нѣтъ? Вѣдь у тебя, мерзавца, ни копейки?

— У меня-то денегъ никогда не бываетъ, Илья Николаевичъ, но зато я на полтинникъ могу пріобрѣсти цѣлую четверть и яичницу на закуску.

— Четверть? — глубокомысленно переспросилъ Илья Николаевичъ.—Мудрено! Не ври у меня, а то я, право, встану!

Ржавчина уже вытащилъ откуда-то басовое пальто и шарилъ по карманамъ. Найдя полтинникъ, онъ нахлобучилъ картузишко и, театрально раскланявшись, убѣжалъ.

— О, чортова обезьяна!—рычалъ вслѣдъ ему басъ.— Изуродую, коли пропьетъ!

Digitized by Google

Черезъ пять минутъ явился приплясывающій Ржавчина,—онъ несъ что-то въ картузѣ. Бережно положивъ картузъ на столъ, онъ сталъ выгружать странные предметы: сковороду, десятокъ яицъ, пузырекъ съ краской и кисточкой, фольгу, сусальное золото и большое количество обыкновеннаго песку. Всѣ эти предметы вызвали недоумѣніе, но скоро все объяснилось, когда Ржавчина обнаружилъ свои кондитерскія познанія. Онъ иголкой прокалывалъ каждое яйцо, выпускалъ черезъ это отверстіе все его содержимое на сковороду и взамѣнъ насыпалъ въ скорлупу песку. Затѣмъ онъ искусно заклеивалъ дырочку воскомъ, обертывалъ скорлупу фольгой и сусальнымъ золотомъ и расписывалъ краской. Компанія, окруживъ его, слѣдила за работой. Ржавчина священнодѣйствовалъ. Скоро онъ изготовилъ десятокъ красивыхъ пасхальныхъ яицъ, наполненныхъ пескомъ, завернулъ ихъ въ бумагу и исчезъ съ ними. Остальные занялись изготовленіемъ яичницы.

— У, Ржавчина! — гудѣла компанія, предчувствуя удачу его предпріятія.—Хитеръ, собака!

Ржавчина не заставилъ себя долго ждать. Очень скоро онъ гордо появился на порогѣ, держа надъ головой четверть водки, и пѣлъ:

«Братья, рюмки наливайте!..»

Илья Николаевичъ благополучно всталъ съ пола, и все пошло обычнымъ порядкомъ: бесѣда оживилась, зазвучало пѣніе и раскаты басового смѣха.

Въ самый разгаръ ихъ опохмелѣнія дверь отворилась, и на порогѣ, на моментъ остановившись, появился Захарычъ.

Онъ былъ въ одной рубашкѣ, безъ пояса и картуза. Густые кудри его, перевитые сѣдиной, свалялись, большіе глаза были налиты кровью, а широкое лицо съ толстымъ носомъ опухло и было темное, чугуннаго цвѣта.

Digitized by Google

Захарычъ былъ пьянъ и, очевидно, пьянъ уже подъ-рядъ нѣсколько дней.

— А-а-а!—заревѣлъ онъ своимъ нечеловѣческимъ голосомъ.—Вотъ и я!..

Компанія, при видѣ пьянаго Захарыча, пришла въ восторгъ.

— Давно бы такъ!—одобрилъ, осматривая его живописную фигуру, Илья Николаевичъ.—Я говорилъ, что слѣдуетъ пить! Ржавчина! Наливай октавѣ! Одна она теперь на всю Волгу и вотъ, слава Богу, за умъ взялась! Захарычъ, пей и пой: помянемъ Томашевскаго!

Захарычъ медленно вливалъ въ свое горло чайный стаканъ водки, а товарищи стояли полукругомъ передъ нимъ и пѣли пѣсню:

«Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ товарищемъ вѣчно!
Первый налитый стаканъ
Выпей, Захарычъ, ты самъ!»

Захарычъ сѣлъ за столъ, облокотился и заговорилъ, ни къ кому не обращаясь:

— Отъ мыслей запилъ я! Сроду не было ихъ у меня, прахъ ихъ побери, а тутъ на—вотъ тебѣ! А и скучно же мнѣ съ ними! Эхъ! Кончено! Рѣшился я своего спокоя!

— Брось, Захарычъ, не скули! У насъ это не принято!

— Пей и пой съ нами!

И, притопывая, они запѣли веселую пѣсню:

«Какъ у тетки Акулины
Собирались именины»!..

— Молчать!—рявкнулъ Захарычъ. Онъ обвелъ всѣхъ исподлобья налитыми кровью глазами и сказалъ октавой:—не то поете!—Вотъ какую надо пѣсню!

Digitized by Google

Плотникъ облокотился на столъ, подперъ щеку рукой, закрылъ глаза и запѣлъ.

Онъ запѣлъ не этимъ своимъ органнымъ густымъ голосомъ, какимъ его заставляли пѣть въ хорѣ, а другимъ, тонкимъ, дрожащимъ, народнымъ голосомъ, какимъ поютъ мужики.

Этотъ особенный голосъ онъ какъ будто берегъ для одного себя и запѣлъ имъ только теперь. Голосъ переливался и дрожалъ, и было въ немъ что-то хватающее за сердце, размашистое и глубоко-печальное. Въ пѣснѣ, протяжной и простой, чувствовалась настоящая русская грусть, широкая, безбрежная.

Быть можетъ, ему вспоминалась родная деревня и печальныя степи, гдѣ онъ слышалъ и пѣлъ эту пѣсню, гдѣ не зналъ тоски и скуки и ядовитыхъ мыслей. Быть можетъ, онъ сожалѣлъ объ утраченномъ равновѣсіи души.

«Де-и-энь хожу я, ночь гу-а-ля-ю...
Гру-устно се-и-эрдцу ма-е-му»...

пѣлъ Захарычъ, и его измученная душа вся влилась въ эту широкую пѣсню. Точно не Захарычъ; а кто-то другой пѣлъ въ немъ:

«Сле-и-озы ка-атятся ручья-ми
Вдо-и-оль по бѣ-о-э-ло-му ли-цу»...

Задушевный, размашистый мотивъ переливался неожиданными переходами, опускался на нижнія ноты, замиралъ и вмѣсто того, чтобы оборваться, вдругъ переходилъ къ началу:

«Вдо-и-оль по бѣ-о-э-ло-му ли-цу...
Эхъ! Па-и-а ру-мя-на-най па ще-кѣ-ѣ»!..

Пѣсня захватывала духъ, уносила съ собой и захлестывала душу своей широкой, стихійной, святой русской грустью...

Digitized by Google

А Захарычъ, крѣпко прижавъ руку къ щекѣ, забылъ обо всѣхъ и пѣлъ, слегка покачивая кудрявой головой, не замѣчая, какъ изъ закрытыхъ глазъ ручьемъ струились крупныя, пьяныя слезы.

VIII.

Пасха была ранняя. Снѣгъ еще не сошелъ хорошенько, и было то время, которое называется „ни на саняхъ, ни на колесахъ“. Въ воздухѣ пахло талымъ снѣгомъ и той особенной свѣжестью ранней весны, когда природа только еще ожидаетъ пробужденія, когда еще холодно, но солнце играетъ по-весеннему, и надъ черными суками голыхъ деревьевъ вьются прилетѣвшіе грачи.

Эти первые нѣжные вздохи природы, еще не очнувшейся отъ зимняго сна, проникаютъ въ душу, какъ тихое дуновеніе, и люди чувствуютъ безсознательную жизнерадостность, приливъ силъ, бодрости, надеждъ и неясныхъ влеченій куда-то.

Надъ городомъ сіяло праздничное, радостное солнце, золоченые кресты на церквахъ, купола и золотыя звѣзды на куполахъ горѣли ослѣпительнымъ сіяніемъ, и оглушительный пасхальный трезвонъ весело и ярко лился надъ городомъ, подобно солнечнымъ лучамъ. По улицамъ текла нарядная, веселая толпа. Несмотря на холодъ, преобладали легкіе, новенькіе костюмы; красныя бархатныя шляпки и лица дѣвушекъ, освѣщенныя задорной улыбкой и разрумяненныя свѣжимъ и влажнымъ вѣтеркомъ, такъ и мелькали въ толпѣ и всѣ казались хорошенькими. По мостовой, кое-гдѣ очищенной отъ снѣга, мчались и санки, и пролетки съ „визитерами“ въ блестящихъ цилиндрахъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ эти цилиндры уже съѣзжали на затылокъ. На улицахъ

Digitized by Google

всюду слышались пьяныя пѣсни. На извозчикѣ околоточный и будочникъ провезли „въ часть“ пьянаго городового.

Всѣ эти праздничныя картины и праздничные звуки покрывались и прикрашивались яркими лучами солнца и торжествующими колокольными звуками.

Къ дому купца Понедѣльникова шумно подъѣхали три тройки. Съ длинныхъ линеекъ и дрогъ слѣзъ цѣлый хоръ пѣвчихъ: по заведенному изстари обычаю они разъѣзжали по богатымъ домамъ „съ концертомъ“.

Тутъ была цѣлая масса альтовъ и дискантовъ и толпа теноровъ и басовъ.

Регентъ взобрался на крыльцо и позвонилъ.

Хоръ стоялъ у крыльца, лѣниво переговариваясь между собою.

— Вотъ!—угрюмо говорилъ одинъ басъ съ физіономіей бандита, въ безцвѣтномъ пальто съ чьихъ-то плечъ, еще болѣе широкихъ, чѣмъ его плечи, и въ майскихъ брюкахъ.—Цѣлый день хвораю; ужъ я и выпью, и закушу, и съ солью-то, и съ перцемъ — нѣтъ! Ни одно лѣкарство не помогаетъ!

Ржавчина скорчилъ постную рожу.

— Выпей настойки изъ еловыхъ шишекъ!—посовѣтовалъ онъ басу.

— А ты пилъ?

— Пилъ!

— Хорошо?

— Все равно, что въ еловомъ лѣсу сидишь и пьешь.

Дверь отворила одѣтая по-праздничному горничная и на вопросъ регента отвѣтила: „Пожалуйте!“

Лѣстница и прихожая сразу наполнились народомъ. Для удобства мальчики раздѣвались на лѣстницѣ, а въ комнатѣ только большіе, но и имъ было тѣсно. Раздѣваясь и снимая галоши, всѣ толкали и мяли другъ друга.

Digitized by Google

Торопливо проходили они въ залъ и становились по партіямъ. У Понедѣльникова собрались гости, и шелъ пиръ горой. Въ сосѣдней комнатѣ гудѣлъ пьяный говоръ и утробистый смѣхъ, а въ отворенную дверь виднѣлись плотныя толстобрюхія фигуры въ длиннополыхъ сюртукахъ, мелькали окладистыя бороды, красныя, широкія лица.

Регентъ задалъ тонъ, обвелъ хоръ строгимъ взглядомъ и взмахнулъ руками.

Хоръ грянулъ:

«Тебе, Бога, хва-лимъ!..
Тебе, Господа, исповѣдуемъ!..»

Быстро, торжественно и сильно загремѣли могучіе раскаты. Это была широкая, богатая, концертная музыка, сверкающая, многозвучная, полная вдохновеннаго восторга.

«Тебе, по всей вселе-еннѣй!..»

Тенора далеко занеслись и дружно покрыли весь хоръ... А хоръ мощно и твердо гудѣлъ:

«Исповѣдуетъ святая Церковь»...
«Отца-а»...

густо затянули басы. Внизу всего хора, какъ бы изъ земли, плыла густая, сочная и вкусная октава. Что-то плодородное, ароматное и дѣвственное чувствовалось въ этихъ яркихъ и цѣльныхъ звукахъ, могучее и устойчивое. Казалось, что этотъ голосъ внесъ сюда всю природу, яркіе солнечные лучи, ихъ теплоту, ароматное дыханіе зеленыхъ степей, ихъ тайны и теплый запахъ согрѣтой солнцемъ земли. И каждому слову хора она придавала свое особенное, таинственное значеніе.

Какъ только загудѣла „октава“, купцы одинъ по одному стали вылѣзать въ залъ, и на нихъ заплывшихъ

Digitized by Google

жиромъ лицахъ появлялась улыбка умиленія. Этотъ странный и рѣдкій голосъ, играющій въ духовныхъ хорахъ такую важную роль, неотразимо плѣнялъ купеческія души. Они знали счастливаго обладателя такой удивительно-широкой глотки и ободряюще подмигивали ему, съ нетерпѣніемъ ожидая самой низкой и густой ноты.

И онъ, наконецъ, взялъ эту ноту.

Это былъ звукъ, словно доходившій изъ бездны,— глубокій, таинственный и внушающій невольное чувство страха и уваженія.

Захарычъ стоялъ позади всѣхъ басовъ и пускалъ въ воздухъ свои потрясающія сердца купцовъ ноты.

Фигура его была ужасна. Приземистый, съ богатырской грудью, съ громадной вихрастой головой на короткой и сильной шеѣ, съ аляповатымъ, безобразнымъ лицомъ, похожій на истукана, онъ, какъ на сваяхъ, крѣпко стоялъ на короткихъ и неуклюжихъ ногахъ и свирѣпо водилъ исподлобья огромными глазами, налитыми кровью отъ пьянства. Страшная густота голоса не позволяла ему выговаривать словъ, и онъ только безсмысленно ревѣлъ, опустивъ голову, какъ буйволъ.

Послѣ громогласнаго „Христосъ воскресе“ мальчики ушли, а большіе пѣвчіе сдѣлали видъ, что тоже хотятъ уходить, но знали, что Понедѣльниковъ имъ уйти не позволитъ.

— Господа! По рюмочкѣ! Закусить! Пожалуйста!— провозгласилъ онъ, обращаясь къ хору, а самъ, положивъ обѣ пятерни на свое огромное брюхо, осклабляясь подошелъ къ регенту.

— Ну, братъ, и реветъ же у тебя Захарычъ твой! Утѣшилъ, одно слово! Хо-хо-хо-хо!

При одномъ воспоминаніи о томъ, какъ реветъ Захарычъ, ему становилось смѣшно.

Digitized by Google

— Октава — краса хора! — самодовольно отвѣчалъ регентъ.

— Да ужъ вѣрно, братъ! Она, матушка, какъ загудитъ—отъ нея весь хоръ стонетъ! Хо-хо-хо! Ну, а что, пьетъ вѣдь?

— Пьетъ, Лука Савельичъ! Подержался было сначала, а теперь никогда трезвымъ-то и не бываетъ! Ужъ это голосъ такой! Безъ водки и пѣть не можетъ,— машина не дѣйствуетъ, а выпьетъ полбутылки—приходитъ въ свою нормальность. Самый голосъ тяготитъ такого человѣка! Тяжело имѣть октаву!.. Ну-съ!—перемѣнилъ тонъ регентъ, — мы ужъ вами закончили визиты, Лука Савельичъ! Знаемъ, что у васъ можно отдохнуть.

— А то какъ же? Чай, не впервой! По заведенному порядку, выпьемъ, пѣсенъ попоете намъ!

— За этимъ дѣло не станетъ, Лука Савельичъ!

— А это что у васъ, новенькій?

— Да, недавно поступилъ! Изъ выгнанныхъ студентовъ будетъ. Наукъ не кончилъ и въ пѣвчіе попалъ! хе-хе-хе!

— Высшихъ, значитъ, наукъ?

— Хе-хе-хе!

— Высшія науки ни къ чему!—икая, вмѣшался въ разговоръ другой купецъ съ лошадинымъ хвостомъ вмѣсто бороды.—Жилъ у меня одинъ этакій на фатерѣ. Такъ онъ Бога-то „механикомъ“ ругалъ. Я говорю: по какому случаю механикъ, но не Б-богъ? Онъ то, сё, но, между прочимъ, меня не проведешь: я „ихъ“ наскрозь вижу, этихъ высшихъ-то наукъ! Никакого толку! Вотъ бѣса тѣшить—это ихъ дѣло. Я слушалъ-слушалъ, да-а какъ д-дамъ ему за механика-то въ морду! Однимъ махомъ сдѣлалъ ему разрушеніе Помпеи...

Философъ обнажилъ громадный кулачище и показалъ, какъ онъ сдѣлалъ „разрушеніе Помпеи“.

Digitized by Google

Между тѣмъ пѣвчіе не дремали около длиннаго стола съ винами и закусками. Тамъ шла дѣятельная выпивка.

Захарычъ, мрачный и молчаливый, опрокидывалъ въ себя рюмки съ такой быстротой, точно мухъ ловилъ. Сначала онъ выпилъ три рюмки, стоявшія рядышкомъ. Потомъ увидалъ шесть и началъ ихъ выплескивать въ себя одну за другой, безъ закуски, но при послѣдней рюмкѣ почувствовалъ, что кто-то тихонько взялъ его за рукавъ. Это былъ регентъ. Онъ пошевелилъ длинными усами, сверкнулъ строгими глазами и покачалъ головой.

— Не пей ты хоть по шести-то!—укоризненно произнесъ онъ.

Захарычъ отмахнулся отъ регента.

— Отвяжись!—пустилъ онъ въ удивительно низкую, великолѣпную ноту.

Регентъ махнулъ рукой и тоже выпилъ.

— Нѣтъ лучше голоса, какъ октава!—разглагольствовали купцы. — Ну что, напримѣръ, теноръ? Такъ себѣ, жидкій голосъ, отъ него только мозоли ужжатъ! А у Захарыча—голосъ! Мы его завсегда ублаготворимъ: одежу съ себя пропьетъ, одѣнемъ! Посуду въ трактирѣ перебьетъ, заплатимъ! Напейся онъ сейчасъ—сбережемъ! Онъ—нашъ!

— Вѣр-рно! Ну, тоже есть и верха, которые... хо-хо-хо! Кэ-экъ тяпнетъ!

— Ну, верха-то я и самъ тяпну!

Тутъ же шелъ и религіозный споръ.

— Я говорю тебѣ, дурья башка, что на томъ самомъ, значитъ, мѣстѣ, гдѣ стоитъ гора Голгоѳа, откопанъ былъ Адамовъ мосолъ...

Собесѣдникъ икнулъ и перебилъ серьезно:

— Врешь, не мосолъ!

Digitized by Google

— Нѣтъ, мосолъ!.. И вотъ, значитъ...

— Не мосолъ, говорятъ тебѣ!..

— Какъ не мосолъ?

— Голова, а не мосолъ! Писанія не знаешь!

— Нѣтъ, мосолъ!

— Какой такой мосолъ?

— Вотъ... такой!—И споривший, растопыривъ ладони, увѣренно и съ точностью показалъ, какой длины былъ мосолъ.

Въ комнатѣ стоялъ гулъ голосовъ. Всякій говорилъ свое. Чья-то могучая длань ласково трясла регента за шиворотъ и любовно приговаривала:

— Вели имъ пѣсню пѣть, чортовъ кумъ, варягъ ты этакій!.. Деймонъ!

Вскорѣ хоръ собрался въ кучу. Ржавчина, спеціалистъ по части „свѣтскаго“ пѣнія, занялъ мѣсто регента. Началось пѣніе.

«Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!»

гремѣлъ хоръ, и толстыя брюха слушателей колебались отъ эстетическаго наслажденія.

«Отъ Кав-ка-за до Ал-та-я,
Отъ А-му-ра до Днѣп-ра!»

отчеканивали басы „стокатто“, а тенора такъ залились, что даже Понедѣльниковъ, не любившій ихъ, притопнулъ ногой и крикнулъ:

— Унеси ты мое горе!

Захарычъ совсѣмъ не могъ выговаривать мудреныхъ словъ и только хрюкалъ, покрывая весь хоръ:

«Отъ Шалтая до Болтая,
Отъ Болтая до Шалтая!»

Купцы были очень довольны. По окончаніи пѣсни

Digitized by Google

они такъ и вцѣпились въ него и, облѣпивъ его, какъ мухи, начали его накачивать водкой.

А Захарычъ пилъ ее, какъ воду.

Наконецъ, онъ свалился подъ столъ и заснулъ. Купцы долго старались растрясти его, но все было тщетно. Онъ спалъ богатырскимъ сномъ.

— На снѣгъ его, ребята!—догадался одинъ купецъ.— Тамъ оклемается!

— Вѣрно!—подтвердили остальные.—Перенесемъ его съ честью!

— Коверъ ему на снѣгу постелемъ!

— И графинъ подъ самое рыло!

— Хо-хо-хо! Октава!..

Мысль о томъ, что Захарычъ проснется не въ комнатѣ, а на снѣгу, показалась всѣмъ купцамъ забавной.

Они подняли на руки спящаго богатыря и торжественно понесли его на дворъ.

— Держи голову-то, чортъ!

— Спину-то, спину-то подопри!

— Ничего, тащи, ребята!

— Клади! Такъ!

— Ну, не трогъ, спитъ! Человѣкъ не свинья,— выспится, самъ встанетъ!

— Хо-хо-хо-хо!

Съ насмѣшливымъ почетомъ уложили они мертвецки-спящаго октависта на кучѣ снѣга, постеливъ грязную рогожу; кто-то всунулъ ему за пазуху бутылку съ простой водой.

Затѣмъ всѣ возвратились въ комнаты и позабыли о немъ. Начался самый разгаръ пиршества. Въ комнатахъ зажгли уже лампы. Начался плясъ и „дымъ коромысломъ“. Пѣвчіе опьянѣли и охрипли отъ неустаннаго оранья.

Digitized by Google

Пѣсни пошли разухабистыя.

«Вдоль по улицѣ молодчикъ,
Моло-о-одчикъ идетъ»!..

свирѣпствовали пьяные басы хриплыми и дикими голосами.

— Дѣл-лай!—мычали купцы, уже безпомощно притопывая грузными ножищами и тщетно пытаясь подняться съ креселъ.—Отчихвощивай! Жарь!

Ржавчина, до-нельзя пьяный, покачиваясь, дирижировалъ хоромъ. Двое басовъ поддерживали его подъ руки, чтобы онъ не упалъ. Длинные волосы свѣсились Ржавчинѣ на пьяное лицо. Онъ безпомощно разводилъ руками, словно желая полетѣть, и подпѣвалъ хору тоненькимъ и пьяненькимъ теноркомъ:

«Вдоль па ши-рокой удала го-ло-ва...»

А хоръ опять ревѣлъ нестройно и дико:

«Моло-о-одчикъ!.. Моло-о-дчикъ идетъ!..»

Вдругъ на порогѣ появилась эпическая фигура Захарыча. Онъ весь былъ мокръ, въ кудрявыхъ его волосахъ блестѣли капли растаявшаго снѣга. Его налитые кровью глаза смотрѣли свирѣпо. Онъ держался обѣими руками за косяки двери и, покачиваясь, нѣсколько секундъ смотрѣлъ на кутерьму въ комнатѣ,—и вдругъ грянулъ голосомъ, наводящимъ ужасъ:

«Взы-ы-де Б-бо-о-огъ!..»

Ревъ хора, гамъ, гвалтъ и весь стонъ кутежа—все было накрыто этимъ чудовищнымъ голосомъ, отъ котораго, казалось, вздрогнули стѣны.

Захарычъ шагнулъ къ длинному столу съ винами и закусками, схватилъ за уголъ скатерть и сдернулъ все

Digitized by Google

со стола на полъ. Раздался адскій громъ и звонъ. Всѣ загалдѣли и бросились на Захарыча, а онъ швырялъ всѣхъ, какъ щенятъ, полный гнѣва и ярости, билъ и ломалъ все и всѣхъ и ревѣлъ, какъ быкъ, котораго обожгли раскаленнымъ желѣзомъ:

— Вотъ вамъ за Томашевскаго! Вотъ вамъ за овесъ! Вотъ вамъ за снѣгъ! Всѣ вы сволочь! Всѣ вы анаѳемы!..

— Берите его, вяжите его, бейте его!—кричалъ Понедѣльниковъ.

Началась каша, свалка, всеобщая потасовка; звонъ разбитой посуды, крикъ, визгъ, плачъ и ругань покрывалъ громовой голосъ Захарыча:

— Сокрушу! Истреблю!..

IX.

Захарычъ былъ уволенъ изъ хора и куда-то пропалъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. По временамъ въ пѣвческій міръ приходили слухи о немъ. Говорили, что онъ поступилъ въ капеллу Славянскаго и путешествуетъ по Европѣ. Потомъ прошелъ слухъ, что онъ опять въ Россіи и поетъ въ митрополичьемъ хорѣ. Потомъ кто-то видѣлъ его въ Ростовѣ-на-Дону, откуда онъ опять исчезъ. Встрѣтили его разъ путешествующимъ пѣшкомъ по монастырямъ и поющимъ въ монастырскихъ хорахъ. Но несмотря на соблазнительныя условія и ухаживанія содержателей хоровъ, онъ нигдѣ не хотѣлъ остановиться и все куда-то шелъ. Онъ превратился въ очень распространенный и многочисленный типъ „странствующаго пѣвчаго“. Это—пѣвчіе-бродяги, особый элементъ босяковъ, у которыхъ бродячая жизнь превратилась въ страсть.

И вдругъ лѣтъ черезъ семь послѣ своего ис-

Digitized by Google

чезновенія Захарычъ снова появился въ томъ же городѣ.

Появился онъ на амвонѣ каѳедральнаго собора во время архіерейской службы. Въ то время, какъ архіерей вышелъ на амвонъ благословлять народъ, около праваго клироса тѣсная толпа колыхнулась, и на амвонъ поднялся изъ толпы Захарычъ.

Онъ былъ сѣдой, какъ лунь. Кудри его, какъ серебряныя, были отпущены до плечъ. Онъ похудѣлъ, немного согнулся, грудь уже не была выпуклой.

Одѣтъ Захарычъ былъ живописно: на немъ была короткая синяя крестьянская куртка, стеганая на ватѣ, синіе порты и лапти.

Нисколько не стѣсняясь этого костюма, онъ прежде всего сдѣлалъ земной поклонъ иконѣ Спасителя, затѣмъ торжественно поклонился въ поясъ народу, потомъ архіерею, который какъ разъ въ это время осѣнялъ народъ крестомъ, осѣнилъ и Захарыча, какъ бы въ отвѣтъ на его поклонъ, послѣ чего уже поклонился Захарычъ пѣвчимъ и всталъ на клиросъ.

Его узнали всѣ: и народъ, и архіерей, и пѣвчіе. Пѣвчіе привѣтствовали его радостными улыбками, но въ Захарычѣ было теперь нѣчто строгое и внушительное. Похудѣвшее и поблѣднѣвшее лицо его пріобрѣло болѣе твердыя и опредѣленныя черты: оно казалось одухотвореннымъ какой-то вдумчивостью и носило отпечатокъ той рѣдкой и странной симпатичности, которая бываетъ или у людей очень образованныхъ, или очень много страдавшихъ.

Въ хорѣ загудѣла его значительно ослабѣвшая, но все еще хорошая октава. Она была уже разбита и расшатана, и колебалась крупными, грустными волнами. Эта печальная вибрація придавала его пѣнію особенное меланхолическое выраженіе: казалось, что онъ поетъ

Digitized by Google

вдумываясь въ каждое слово, съ глубокимъ чувствомъ и пониманіемъ, растроганный и созерцающій красоту звука и смысла словъ. Онъ оттѣнялъ тончайшіе художественные эффекты пѣнія, зависящіе отъ октавы, и показалъ себя артистомъ этого дѣла: видно было, что онъ побывалъ въ хорошихъ рукахъ и прошелъ серьезную школу церковнаго пѣнія.

Послѣ обѣдни онъ также истово помолился иконамъ съ земными поклонами, и сказалъ пѣвчимъ:

— Прощайте!

Всѣ изумились.

— Куда же ты, Захарычъ? Поступай къ намъ въ хоръ: архіерей тебя желаетъ!

Захарычъ тряхнулъ своими длинными серебряными кудрями и сказалъ внушительно:

— Я послѣднюю обѣдню сюда пришелъ пропѣть, чтобы, гдѣ началъ, тамъ и кончить. На родину иду, назадъ въ деревню. Схожу съ клироса и никогда не ворочусь къ вамъ. Будетъ! Смирилась во мнѣ душа! Изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою!

Захарычъ говорилъ поучающимъ тономъ, строго посматривая на пѣвчихъ.

И видно было изъ его рѣчей, выраженія лица и всѣхъ его манеръ, что онъ уже „знаетъ“ что-то такое о жизни, знаетъ что-то особенное, ему одному извѣстное.

Я недавно встрѣтилъ Захарыча послѣ долгой разлуки. Это было въ приволжскомъ небольшомъ селѣ. Тамъ плотники строили деревянную церковь, почти на самомъ берегу Волги. Сельцо пріютилось между двухъ высокихъ горъ, раздѣленныхъ узкимъ ущельемъ. Казалось, что село высунулось изъ ущелья на свѣтъ Божій, но при малѣйшей опасности вновь спрячется въ жигулевскія дебри.

Digitized by Google

Стояла погожая, теплая, ведряная осень, какая рѣдко бываетъ. Солнце сіяло, какъ весной. Волга лѣниво и мечтательно разстилалась кругомъ, спокойная и медленная до неподвижности, блестящая подъ спокойно-привѣтливыми и нѣжно-меланхолическими лучами осенняго солнца.

Величавыя горы, Жигулевскія съ одного берега и Сокольничьи—съ другого, поросшія кудрявымъ разноцвѣтнымъ лѣсомъ, тянулись чудной, сказочной панорамой по обѣимъ сторонамъ рѣки. Листва желтѣющихъ деревьевъ поражала и восхищала богатствомъ и разнообразіемъ красокъ: были деревья съ ярко-красными листьями, оранжевыми и блѣдно-розовыми, березы стояли, словно убранныя золотомъ, а оголенныя вѣтви издали сливались въ нѣжно-голубую дымку. Казалось, что горы усыпаны сорванными разноцвѣтными розами. Волга лежала между этими грудами розъ, словно спящая красавица. Изъ-подъ кудрявой опушки лѣса, у самой воды, бѣлой лентой тянулся отвѣсный каменистый берегъ. Внизу, подъ величавой громадой горъ, плыли лѣнивые плоты, бѣжали коричневыя „косоуши“ съ косымъ бѣлымъ парусомъ, мелькала рыбацкая лодка.

И все это, по сравненію съ громадными размѣрами окружающей природы, было игрушечнымъ, хрупкимъ и ничтожнымъ: барки казались орѣховой скорлупой, плоты съ ихъ избушками казались крошечными, а люди на нихъ—букашками. Чувствовалось ничтожество человѣка, его дрязгъ, треволненій и ухищреній по сравненію съ вѣчно-спокойной, чудесной въ красотѣ своей природой. Горы съ удивленіемъ и презрительно смотрѣли на хлопотливый пароходишко, лопотавшій что-то своими колесами, и точно спрашивали другъ друга: „Кто это ползетъ?“ И дальше тянулись все такія же внушительныя и молчаливыя горы, убранныя разноцвѣтными

Digitized by Google

кудрями лѣса, погруженныя въ свои таинственныя и важныя думы, чуждыя всего людского. Волга уходила въ даль широкою, блестящей, трепетавшей на солнцѣ серебряной лентой и сливалась съ прозрачнымъ горизонтомъ. Сказочная, картинная красота природы, плѣнявшая размашистыми штрихами, дышала мощью и величавымъ спокойствіемъ. Гдѣ-то недалеко отъ строившейся церкви копошились плотники въ разноцвѣтныхъ рубахахъ, а въ чистомъ горномъ воздухѣ звучала веселая пѣсня.

«Катай, наши, катай!
Знай покатывай, катай!...»

заливались звонкіе фальцеты и тенора, перебрасывая пѣсню низкимъ голосамъ, а тѣ подхватывали ее на-лету и густо вторили:

«Валяй, наши, валяй,
Знай, поваливай, валяй!..»

Около церкви тяпали топорами, пильщики распиливали сырыя, пахучія балки, а на вершинѣ обнаженныхъ реберъ купола работалъ старикъ съ длинными, сѣдыми волосами и пѣлъ расшатаннымъ басомъ какіе-то духовные стихи. Его голосъ далеко было слышно, и по этому голосу и сѣдымъ кудрямъ я узналъ Захарыча. Я направился къ церкви, и его пѣніе стало яснѣе доноситься до моего слуха.

«Не надѣйтеся на князи,
На сыны человѣческіе,
Въ нихъ же нѣсть спасенія.
Господь любитъ праведники,
Господь рѣшитъ окованныя,
Господь умудряетъ слѣпцы»...

Эти прекрасныя слова такъ хорошо и просто зву-

Digitized by Google

чали подъ куполомъ синяго неба. Разбитая, печальная октава непринужденно и свободно звучала надъ спокойной рѣкой и уплывала въ горы. Около церкви на припекѣ улеглось небольшое стадо овецъ. Съ колокольни выглянула огромная голова старика съ длинными, сѣдыми кудрями и рявкнула громовымъ голосомъ:

— Тря!..

Овцы съ гуломъ шарахнулись отъ колокольни, а изъ купола опять поплыло густое пѣніе подъ мѣрные удары блестящаго топора:

«Господь хранитъ пришельцы
И путь грѣшныхъ погубитъ»...

— Захарычъ!—закричалъ я.—Это ты, что ли?

Захарычъ посмотрѣлъ на меня съ высоты колокольни, узналъ и бросилъ пѣть. Хорошъ онъ былъ въ своемъ вѣнцѣ изъ бѣлыхъ, какъ серебро, кудрей.

— Я!—густо отвѣтилъ онъ.—Айда сюда!

Я влѣзъ къ нему.

Захарычъ воткнулъ топоръ носомъ въ бревно, которое тесалъ, сѣлъ на бревно и не безъ важности принялъ меня. Онъ былъ въ синей своей куркѣ и въ лаптяхъ. Лицо его дышало спокойствіемъ и увѣренностью въ самомъ себѣ.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!—сказалъ онъ мнѣ.

— Давненько не видались!—отвѣчалъ я.—Ты, вотъ, ушелъ отъ насъ,—опять плотничаешь!

Захарычъ усмѣхнулся.

— Опять плотничаю!—сказалъ онъ.

— Что же ты изъ города-то ушелъ? Вѣдь, тамъ ты голосомъ впятеро больше заработаешь, чѣмъ здѣсь топоромъ!..

Захарычъ опять усмѣхнулся надо мной.

Digitized by Google

— А наплевать мнѣ на ваше „впятеро!“—отвѣчалъ онъ.—Ты посмотри только отсюда на Волгу, на горы! Здѣсь душа отъ всей вашей скверны покой находитъ, а тамъ она мятется попусту!..

Видъ съ колокольни былъ дѣйствительно чудный, чарующій.

— Но вѣдь красота и въ пѣніи есть, Захарычъ!—возразилъ я.—Отчего ты не поешь въ оперѣ, въ хору или у Славянскаго?

Захарычъ съ презрѣніемъ усмѣхнулся, помолчалъ, словно ему приходилось отвѣчать на ребяческій вопросъ, и затѣмъ сказалъ мнѣ строго и внушительно:

— Я пою Богови моему!..

Digitized by Google

Я оторванъ отъ жизни родимыхъ полей,
Позабытъ моимъ краемъ далекимъ,
Сталъ чужимъ для родныхъ подъяремныхъ людей
И отверженцемъ сталъ одинокимъ.

Но для тѣхъ, въ чью страну я заброшенъ судьбой,
Я не сдѣлался близкимъ и другомъ:
Я ихъ проклялъ проклятіемъ злобы святой,
И отброшенъ я сытымъ ихъ кругомъ.

Сытой пошлости я покориться не могъ
И ушелъ, унося свою муку...
И тому, кто отверженъ, какъ я, одинокъ,
Подаю мою сильную руку.

О, придите ко мнѣ, кто душой изболѣлъ,
Кто судьбою своей не изнѣженъ!
О, придите ко мнѣ, кто озлобленъ и смѣлъ!
О, придите, кто гордъ и мятеженъ!

Вы живете во мракѣ, въ оковахъ, въ аду...
Я васъ къ свѣту, къ свободѣ, впередъ поведу!..
Вѣрьте—некуда больше идти!
Нѣтъ иного пути!

Digitized by Google

Узникъ.

Ржавый ключъ, какъ будто звѣрь,
Мой замокъ грызетъ сурово,
И окованную дверь
Затворили на засовы.

Въ круглой башнѣ я сижу.
Сверху—тусклое оконце:
Изъ потемокъ я гляжу,
Какъ сіяетъ въ небѣ солнце.

Серебрятся облака,
Въ синемъ небѣ тихо таютъ,
И орелъ издалека
Свой привѣтъ мнѣ посылаетъ.

Онъ клекочетъ... Въ облакахъ
Смѣло, гордо рѣетъ птица...
Я же брошенъ здѣсь во прахъ,
Въ эту мрачную темницу.

Digitized by Google

Я одинъ въ рукахъ враговъ.
Кто разскажетъ тамъ, на волѣ,
Какъ за братьевъ и отцовъ
Честно палъ я въ чистомъ полѣ?

Какъ въ плѣну окончилъ путь,
Какъ меня оковы точатъ,
Какъ жестоко раненъ въ грудь?
„Я скажу“, орелъ клекочетъ...

Digitized by Google

Я упалъ съ облаковъ въ эту бездну мученья.
Мои крылья разбилъ грозной молніи лучъ,
И, прикованъ къ скалѣ, въ темнотѣ заточенья,
Побѣжденъ я громами разгнѣванныхъ тучъ.

Только пѣсни поютъ надо мной ураганы,
Только вьюга шумитъ, холодна и дика,
Словно саваномъ душу одѣли туманы,
Да терзаетъ мнѣ сердце злой воронъ—Тоска...

Но не жаль мнѣ, что къ солнцу я гордо стремился,
Что на крыльяхъ орлиныхъ недолго парилъ...
Пусть о твердыя скалы я грудью разбился,
Только мигъ—но я жилъ!

Digitized by Google

Каждый вечеръ, только солнышко зайдетъ—
Изъ тюрьмы несется голосъ молодой.
Что за голосъ! Что за пѣсни онъ поетъ,
Этотъ юноша съ кудрявой головой!
Онъ высокъ и строенъ, гибокъ, какъ лоза,
Въ арестантской курткѣ—смотритъ королемъ.
Гордо блещутъ, усмѣхаются глаза,
Грива львиная, а голосъ точно громъ!
Въ пятый разъ ужъ попадаетъ онъ сюда:
Только выйдетъ—и опять ведутъ назадъ.
— „Этотъ долго не гуляетъ никогда!
Онъ вернется",—арестанты говорятъ.
Подружился, породнился онъ съ тюрьмой,
За желѣзною рѣшеткою сидитъ
И поетъ, качая гривой золотой.
Пѣсня льется и несется, и гудитъ.
Отвѣчаетъ эхо дальнее ему,
Да мигаютъ съ неба звѣзды-огоньки,
Пѣсня льется про постылую тюрьму,
Льется, полная печали и тоски.
Эхъ ты, матушка, кормилица-тюрьма!
Хлѣбосольна ты, крѣпка и хороша!
Знать, тебя-то—какъ ни рвется безъ ума,
Не минуетъ молодецкая душа!..

Digitized by Google

— Ты скажи-ка, оборванецъ молодой,
Кто ты родомъ? да откуда? какъ зовутъ?
Изъ ученыхъ ты, крестьянинъ ли простой?
Есть ли братья, есть ли сестры, гдѣ живутъ?
Да еще скажи, съ кѣмъ дружбу ты водилъ?
Холостой ли, аль жену себѣ ты взялъ?
Въ часъ полночный кто-зачѣмъ къ тебѣ ходилъ?
Съ кѣмъ ты вмѣстѣ злое дѣло затѣвалъ?
— Я скажу вамъ, ничего не утаю:
Родъ старинный мой теряется во мглѣ,
Предки умерли въ разбоѣ да въ бою,
А живу я—противъ неба на землѣ.
Вольной птицею зовутъ меня всегда.
Есть и братья, есть и сестры у меня:
Голодъ, Холодъ, Неудача и Нужда;
Любятъ брата всѣ до нынѣшняго дня.
Воспитала меня мачиха—Судьба,
Я щелчками да ударами вскормленъ,
А учила безпощадная Борьба;
Всѣмъ наукамъ я прекрасно обученъ.
У меня ли есть и вѣрная жена,
Неотвязная,—зовутъ ее Печаль:
Ужъ какъ ходитъ-то за мной вездѣ она,
Да впивается мнѣ въ сердце, словно сталь.

Digitized by Google

Есть надежные товарищи-друзья:
Гнѣвъ да Горе, Одиночество и Месть.
Подружился, побратался съ ними я,
Въ нихъ могучая, живая сила есть.
Думы черныя слеталися ко мнѣ,
По ночамъ совѣты съ ними я держалъ.
Съ ними вмѣстѣ совѣщался въ тишинѣ,
Съ ними вмѣстѣ злое дѣло затѣвалъ...

Digitized by Google

Ну, товарищи, должны разстаться мы:
Выпускаютъ васъ изъ матушки-тюрьмы.
Вамъ теперь—на волю-вольную летѣть,
Мнѣ—за крѣпкою рѣшеткою сидѣть.
Жаль—послалъ бы я поклоны, да, ей-ей,
Ужъ давно лишился близкихъ и друзей;
Хоть любилъ когда-то жарче я огня,
Да теперь уже забыли про меня.
Поклонитесь вольной-волѣ да вѣтрамъ,
Всѣмъ поволжскимъ златоглавымъ городамъ,
Поклонитесь Волгѣ-матушкѣ рѣкѣ,
Да кабатчику въ царевомъ кабакѣ.

Digitized by Google

ЗА ТЮРЕМНОЙ СТѢНОЙ.

Ослѣпительно-свѣтлый майскій день. Теплый, свѣжій воздухъ отрадно вливается въ грудь. Голубое небо какъ-то особенно прозрачно, и по нему медленно плывутъ чистенькія облака, похожія на груды свѣжаго снѣга. Птичье царство ликуетъ подъ хрустальнымъ куполомъ неба: радостно вьются ласточки, пролетаютъ стаями голуби и галки, высоко-высоко, чуть-чуть пошевеливая длинными крыльями, плыветъ коршунъ, и его клекотъ, какъ звукъ струны, раздается въ звонкой пустотѣ неба...

Вотъ все изъ внѣшняго міра, что можно видѣть и слышать, находясь за тюремной стѣной. Высокая и бѣлая, она образуетъ продолговатый четырехугольникъ, въ срединѣ котораго стоитъ двухъэтажный бѣлый домъ съ домовой церковью и четырьмя круглыми башнями по угламъ. Эти башни съ зубчатыми краями и круглыми отверстіями для пушекъ придаютъ ему видъ стариннаго замка. Онъ въ самомъ дѣлѣ выстроенъ лѣтъ двѣсти тому назадъ, и подвальный этажъ его, съ таинственными темными казематами, почти весь ушелъ въ землю.

Преддверіемъ къ нему служитъ неуклюжее высокое зданіе, гдѣ помѣщается канцелярія и квартиры тюремнаго начальства. Подъ этимъ зданіемъ устроенъ полукруглый туннель и двое полукруглыхъ желѣзныхъ воротъ, выкрашенныхъ коричневой краской. По бокамъ

Digitized by Google

воротъ, загораживающихъ туннель со двора,—двѣ неглубокія ниши, и въ каждой изъ нихъ—окно. Одно изъ нихъ съ желѣзной рѣшеткой, а въ другомъ видны занавѣски и желтая клѣтка съ канарейкой. Фундаментъ здѣсь тоже значительно ушелъ въ землю, а отъ одного угла отвалился бѣлый камень величиной съ полъаршина, кубической формы, на которомъ и сидитъ всегда надзиратель Быковъ.

Быковъ похожъ на чугунную тумбу или „бабу“, которою утрамбовываютъ мостовыя. Онъ небольшого роста, руки и ноги у него короткія и толстыя, туловище плотное и увѣсистое, словно вылитое изъ чугуна, лицо безусое, добродушное и глубокомысленное.

Сидя на камнѣ, онъ цѣлый день развлекается тѣмъ, что кормитъ бѣлымъ хлѣбомъ голубей. Ружье со штыкомъ и ключами на штыкѣ стоитъ у него между ногъ, прислоненное къ плечу, огромная стая голубей окружаетъ Быкова, пожираетъ крошки хлѣба и воркуетъ. Быковъ любитъ этихъ мѣщанъ птичьяго царства: его круглое и простое лицо, лицо деревенскаго парня, осклабляется при видѣ голубинаго счастья. Быть сытымъ и ворковать—это его собственный идеалъ. Въ его довольномъ лицѣ съ большимъ и крѣпкимъ лбомъ и во всей его неповоротливой фигурѣ есть что-то неприхотливо-положительное и неподвижно-устойчивое. Быковъ ни въ чемъ не сомнѣвается, ничему не удивляется и все въ мірѣ считаетъ цѣлесообразнымъ. Это твердое и ясное міросозерцаніе находитъ въ немъ крѣпкую опору, и Быковъ непоколебимъ, какъ чугунная, неподвижная свая.

А по двору ходятъ арестанты... Они одѣты въ бѣлыя холщевыя рубахи, такіе же шаровары и „коты“. Тесемка, которою завязывается воротъ, у многихъ оборвана, и рубаха не закрываетъ загорѣлую коричневую грудь.

Digitized by Google

Большею частью, это все живой и веселый народъ. Исключеніе составляютъ только каторжане съ кандалами на ногахъ: они неразговорчивы, задумчивы, угрюмы и важны.

Особенной походкой, широко разставляя ноги, неизмѣнно и вѣчно бродятъ они по широкому двору отъ стѣны до стѣны, и своеобразный звонъ желѣзныхъ цѣпей, похожій на пѣніе птицъ, съ утра до ночи не смолкаетъ на дворѣ и въ острогѣ.

Съ головой, наполовину обритой въ профиль, мрачные и важные, въ своихъ звонкихъ цѣпяхъ, они картинно-трагичны...

Зато остальные арестанты, свободные отъ цѣпей и малолѣтніе преступники смотрятъ жизнерадостно: одни устраиваютъ борьбу, другіе просто лежатъ на травѣ, которою заросли углы двора, и нѣжатся на солнышкѣ. Кое-гдѣ собрались въ кучки, играютъ въ карты и орлянку.

Біографіи этихъ людей почти одинаковы: жизнь ихъ съ дѣтства проходитъ въ тюрьмѣ; за стѣнами ея все имъ чуждо и враждебно, едва выйдутъ они на свободу, какъ уже опять попадаютъ въ острогъ, въ свой міръ, гдѣ они выросли и сжились. Они не приспособлены къ иной жизни, кромѣ тюремной.

Надзиратель кормитъ голубей по одну сторону воротъ, а по другую, около ниши, собрался кружокъ игроковъ: это все молодыя, здоровыя лица, виднѣется двѣ—три наполовину обритыхъ головы, позвякиваютъ цѣпи. Всѣ серьезны и сидятъ на землѣ, поджавъ подъ себя ноги...

Быкову наскучили голуби. Онъ встаетъ съ камня: стая птицъ взвивается кверху и, звеня крыльями, улетаетъ...

Онъ подходитъ къ арестантамъ и, опершись на ружье, слѣдитъ за игрой.

Digitized by Google

Ставкой, вмѣстѣ съ мѣдными грошами, служитъ еще—книга, разодранная на четыре части.

Картежники играютъ молча, изрѣдка обмѣниваясь короткими фразами.

— „Іоанна“ взяли!

— Ставлю „отъ Матвѣя“!

— Четверку, значитъ?

— Четверку.

— Ходитъ! А я ужо половинкой-то подъ тебя!..

— Батюшки!—вскрикиваетъ Быковъ: — никакъ это евангеліе? Кто это поставилъ?

— Эйко!..—разсѣянно отвѣчаютъ ему.

Эйко, арестантъ важнаго вида, съ рыжими бакенбардами и дерзкими глазами, полулежа, бьетъ карту.

— А тебѣ что?—огрызается онъ на Быкова.

— Да какъ же,—возмущается Быковъ:—евангеліе—и на конъ! Что ты, не русскій, что ли? То-то у тебя фамиліе-то чудное: Эйка!

— Я англичанинъ!—серьезно говоритъ Эйко, поглаживая бакенбарды: лицо у него овальное, исполненное достоинства, усовъ нѣтъ, бакенбарды котлетами—онъ дѣйствительно похожъ на англичанина.

Быковъ добродушно, хотя и укоризненно, качаетъ головой.

— Только-что вчера вамъ въ церкви крещеный жидъ евангеліе раздавалъ для вразумленія, а вы—въ карты...

— Молчи ты, тумба!—презрительно отвѣчаютъ ему:—что смыслишь, штыкъ?

Быковъ, ухмыляясь, беретъ евангеліе на русскомъ языкѣ, развертываетъ его своими короткими и толстыми пальцами и медленно читаетъ вслухъ:

— „Богъ есть любовь“...

И задумывается.

Digitized by Google

— То-то и есть! — снисходительно говоритъ ему Эйко:—вѣдь не понимаешь, что оно и къ чему сказано?

— „Кто имѣетъ двѣ одежды“,—продолжаетъ надзиратель,—„отдай одну неимущему и, если кто ударитъ тебя въ лѣвую щеку, подставь ему и другую!“

Тутъ Быковъ торжествующе смотритъ на Эйко.

— Вотъ какъ надо-то!—говоритъ онъ, ткнувъ корявымъ пальцемъ въ книгу.

— Дуракъ ты!—спокойно отвѣчаетъ ему Эйко:—надо, да не намъ! Книга эта священная, ну, только что намъ она не подходитъ: кому можетъ арестантъ оставить одежду, какому неимущему, когда она у него казенная, а неимущій-то—онъ самъ? И на счетъ щеки—тоже; меня, можетъ, всю мою жизнь только и дѣлали, что въ морду били? Хоть подставляй, хоть нѣтъ—все равно, лупятъ!

Сочувственный смѣхъ арестантовъ покрылъ послѣднюю фразу Эйко. Засмѣялся и Быковъ.

— Было за что, вотъ и били!—возразилъ онъ:—зря не станутъ бить... Всякій, значитъ, будь на своей точкѣ и дѣлай свое дѣло въ исправности.

— Противно тебя слушать. Ты доволенъ тѣмъ, что ты—надзиратель?

— Доволенъ.

— И дѣти твои и внуки тоже будутъ надзирателями, либо лакеями. Ты представь себѣ: ѣдутъ на пароходѣ мои дѣти во второмъ классѣ и обѣдаютъ,—а твои имъ кушанье подаютъ—и такъ до скончанія вѣка! Справедливо это?

— Справедливо!—отвѣчаетъ Быковъ, наклонивъ голову и опираясь на ружье. Онъ крѣпко стоитъ на своихъ короткихъ ногахъ и въ эту минуту похожъ на подводную скалу, о которую разбиваются мечтанія. Эйко смотритъ на него съ ненавистью.

Digitized by Google

— Тумба!—ворчитъ онъ, злобно убивая карту.

— Бойкій ты!—съ неизмѣннымъ добродушіемъ замѣчаетъ Быковъ:—башка у тебя мозговита, а все толку нѣтъ! И столяръ ты, и рѣзчикъ, и переплетчикъ, а работать не хочешь, балуешься...

Глаза Эйко, острые, какъ гвозди, сверкнули, овальное „англійское“ лицо на минуту приняло злое и гордое выраженіе.

— Голодный прохожу, а работать не стану!—упрямо произнесъ онъ, смотря куда-то въ пространство, словно говорилъ не Быкову, а кому-то невидимкѣ. Задѣтый за больную струну сердца, онъ какъ будто хотѣлъ досадить „кому-то“ тѣмъ, что вотъ онъ, Эйко, прекрасный столяръ, рѣзчикъ и переплетчикъ, „не хочетъ“ работать.

А кругомъ попрежнему важно и мрачно бродили скованные каторжане, и по всему двору, неумолкая, пѣли цѣпи...

Черезъ весь дворъ бѣжалъ низенькій мужиченко-арестантъ, громыхая кожаными сапогами. Онъ подбѣжалъ къ Быкову.

— Огурцовъ не надо ли? Жена пришла!—вскричалъ онъ, улыбаясь заискивающей улыбкой. Арестанты засмѣялись.

— Хорошо ли торгуешь, Клемашевъ?—Клемашевъ засмѣялся дѣтскимъ смѣхомъ.

— Какая моя торговля? Жена орудуетъ. А мнѣ еще двадцать мѣсяцевъ сидѣть! Изъ-за восьми рублей! Страсть какъ досадно! Думалъ воровствомъ хозяйство поправить, а оно только хуже вышло! Баста теперича! Не буду воровать!

— Хо-хо-хо! Невыгодно?—заржали арестанты.

Клемашевъ поглядывалъ на всѣхъ добрыми дѣтскими глазами и тоже смѣялся, а Быковъ наставительно сказалъ ему:

Digitized by Google

— Конечно! Скажи самъ себѣ: не буду! И не будешь. Все равно, какъ вино пить которые бросаютъ.

— Да вѣдь, милый ты человѣкъ!—любовно заглядывая ему въ глаза, возразилъ Клемашевъ:—вѣдь, все думаешь, хозяйству какъ ни на есть подсобить, а оно только хуже! Я еще въ прошломъ году чуть было не попалъ въ острогъ—изъ-за мѣшковъ. Работали мы у купца Башкина; муку возили. Ну, а когда со двора уходили, и замотали мы двое за онучи по два мѣшка, все годится для хозяйства! А приказчикъ и догадался! Такъ что было! Либо, говоритъ, пашпорта назадъ берите, либо сейчасъ въ острогъ! Взяли пашпорта!

— А не воруй!—сказалъ Быковъ.

Огромный великанъ-арестантъ съ широкой бородой улыбнулся добродушнѣйшей улыбкой и нѣвуче произнесъ:

— Не обкрадывай купцовъ: мать—тюрьма есть для нашего брата! Ты гдѣ служилъ въ солдатахъ-то?—спросилъ онъ Быкова.

— Въ Ромнахъ я служилъ.

— А еще гдѣ былъ? Въ Одессѣ былъ?

— Нѣтъ.

— Эхъ, что за городъ!.. Пристань кака! Набережная! Море шумитъ! Жизнь!

Широкая русская улыбка озарила огромное лицо великана.

— А въ Москвѣ ты былъ? Нѣтъ? Эхъ, въ Сокольникахъ тамъ хорошо! Въ Петербургѣ тоже не былъ? А въ Тифлисѣ? не былъ? Ну, въ Астрахани, по крайности? Нѣтъ? Да гдѣ же ты былъ?

— Нигдѣ я не былъ!—отвѣчалъ Быковъ:—а тебя, видно, вездѣ носило?

— Я-то весь свѣтъ прошелъ! Я и по Байкалу плавалъ, и въ Татарскомъ проливѣ былъ! Во всѣхъ тюрьмахъ сидѣлъ, всѣ искусства и науки произошелъ...

Digitized by Google

Онъ улыбнулся опять очаровательно-добродушной, свѣтлой, какъ солнце, плутоватой улыбкой и добавилъ на-распѣвъ:

— Тюрьма-матушка всему научитъ! А вотъ ты—неожиданно набросился онъ на Быкова:—ничего не можешь понимать, что есть такое—жизнь! Съ тобой говорить—что горохомъ объ стѣну бить!..

— Брось!—загудѣли арестанты: — съ кѣмъ ты связался? Лучше ужъ пусть сочинитель стишокъ читаетъ, чѣмъ это... А? Эй! Сочинитель кислыхъ щей! Вальни-ка!

Такія насмѣшливыя слова относились къ молодому угрюмому арестанту: это былъ парень сутуловатый, неуклюжій, медвѣжьяго тѣлосложенія, съ широкимъ лбомъ и голубыми глазами, смотрѣвшими мрачно и застѣнчиво.

Сочинитель ухмыльнулся и прогудѣлъ глухимъ и густымъ, медвѣжьимъ голосомъ.

— Смѣетесь надо мной, а сами просите!..

— Ну, ну, не ломайся! Отхватывай!..

„Сочинитель“ сидѣлъ, подобравъ подъ себя ноги, сгорбился и, не поднимая глазъ, началъ декламировать своимъ угрюмымъ и грубымъ голосомъ:

Очи черныя, очи жгучія,
Вы плѣнили мою молодость,
Вы зажгли во мнѣ лучъ-огонь,
Не могу теперь слово вымолвить:
Мнѣ не спятся ночи темныя,
Крушитъ молодца любовь къ дѣвицѣ,
А еще крушитъ участь горькая,
Доля бѣдная, безотрадная,
Узы тяжкія, тюрьма лютая...

Неказистъ былъ поэтъ: лицо скуластое, рубаха на груди разстегнулась и обнаружила широкую звѣриную грудь, заросшую лохматой шерстью.

Digitized by Google

Трудно было допустить, чтобы „красна-дѣвица“ могла плѣниться такой фигурой, но онъ продолжалъ съ какой-то грубой и настойчивой силой:

Н-но—л-люблю я тебя, раскрасавица,
Пуще жизни, пуще солнышка,
Пуще свѣта всего бѣлаго!..
Ужъ вы узы мои, узы мрачныя,
Узы мрачныя тюремныя!
Вы сосете кровь изъ моей груди,
Душу мучите, сердце гложете...
Ой, судьба ли моя, судьбинушка,
Горемычная, злоковарная!
Не съ тобой ли мнѣ во тюрьмѣ сидѣть,
Въ кандалахъ терпѣть гореваньице,
Отъ начальниковъ измываньице?
Какъ одинъ изъ нихъ—кровожадный звѣрь...

— Вѣрно!—вырвалось у арестантовъ, а поэтъ гудѣлъ, не останавливаясь:

Онъ питаетъ злобу къ каждому,
Не имѣетъ онъ человѣчества...

— Сволочь!—пояснили слушатели.

Онъ лютѣе звѣря лютаго,
Тигра хитраго, кровожаднаго...

— Ишь, какъ хлещетъ!—восхитился и Быковъ:—не за это ли онъ тебя въ карцеръ сажалъ?

— Что ему карцеръ?—возразили арестанты:—у него ружейный зарядъ въ боку сидитъ! Что ему карцеръ?..

— Ку-ка-и-ку-у!—раздалось вдругъ по всему двору громогласное пѣніе пѣтуха.

Это кричалъ арестантъ съ веселымъ и лукавымъ лицомъ: онъ стоялъ посреди двора, разстегнутый, съ шапкой на затылкѣ и пѣлъ пѣтухомъ такъ натурально, что гдѣ-то далеко за тюрьмой откликнулись настоящіе пѣтухи. Въ рукахъ у него были три деревянныхъ ложки, и онъ артистически заигралъ на нихъ, припѣвая сипо-

Digitized by Google

ватымъ, но игривымъ и складнымъ голосомъ на мотивъ цыганскихъ пѣсенъ:

По горамъ—доламъ катался,
Тарантасъ мой изломался!
Тарантасъ мой, тарантасъ,
Прокати въ послѣдній разъ!..

Ложки отчетливо и плавно прищелкивали не хуже кастаньетъ, словно выговаривали каждое слово. Въ ту же минуту откуда-то взялись два цыгана, смуглые, ловкіе, съ курчавыми, словно осмоленными бородами, похожіе другъ на друга, какъ два родные брата. Они пустились въ дикій цыганскій танецъ, извиваясь вокругъ музыканта, какъ обезьяны, а онъ медленно шелъ черезъ дворъ, туда, гдѣ происходила декламація, и пѣлъ, аккомпанируя на ложкахъ:

Ай, батюшки, караулъ:
Цыганъ въ морѣ утонулъ!
Не въ рѣкѣ, не въ озерѣ,
На дворѣ въ колодезѣ!..

— Гей! гей!—выкрикивали и скакали цыгане, ударяя въ ладони и притопывая арестантскими „котами“.

Ой, валенки—валенки,
Не подшиты, стареньки...

припѣвалъ артистъ, приближаясь къ группѣ.

— Споемъ?—крикнулъ онъ.

Арестанты встрѣтили его одобрительнымъ смѣхомъ. Только окованные каторжане съ прежней тоскливой серьезностью бродили вдоль длиннаго двора, и желѣзныя звенья цѣпей, не умолкая, пѣли свою грустную пѣсню.

Около ниши, у высокой, бѣлой стѣны собрался арестантскій хоръ: кто сидѣлъ на каменной ступени, кто прямо на асфальтѣ, вытянувъ скованныя ноги или по-

Digitized by Google

ложивъ себѣ на колѣни обезображенную, бритую голову; большинство стояли полукругомъ, нѣкоторые полулежали... Живописенъ и страненъ былъ этотъ окованный хоръ, въ рубашкахъ изъ грубаго холста, съ голыми шеями, открытой грудью и характерными лицами коричневаго цвѣта отъ загара. Это всѣ были рѣзкія, энергичныя черты. Не было замѣтно лицъ глуповатыхъ или забитыхъ... Нѣкоторыя молодыя и почти интеллигентныя лица сразу бросались въ глаза и навсегда запечатлѣвались въ памяти своей особенной красотой. Нѣкоторыя были мрачны и грозны, и всѣмъ лицамъ было свойственно одно неуловимое выраженіе, которое бываетъ только у арестантовъ: его трудно опредѣлить какимъ-либо словомъ, оно—печать долголѣтняго озлобленія непокорной натуры, въ немъ есть что-то протестующее противъ всего на свѣтѣ.

Арестантъ съ ложками оказался „регентомъ“. Онъ всталъ лицомъ къ хору, величественно поднялъ руку съ ложкой и обвелъ весь хоръ строгимъ взглядомъ. Шапка у него совсѣмъ съѣхала на затылокъ, обнаруживая черную густую щетину стриженой головы и большой мефистофелевскій лобъ съ заливами.

Въ его серьезномъ теперь лицѣ чуть-чуть сквозилъ ядовитый юморъ.

Хоръ густо и широко загудѣлъ. Регентъ помахивалъ ложкой со всѣми пріемами „маэстро“. Казалось, что самъ Мефистофель дирижируетъ хоромъ убійцъ, воровъ и бродягъ. Солнце заливало всю эту группу ослѣпительно-яркимъ свѣтомъ. Они пѣли:

По дикимъ степямъ Забайкала,
Гдѣ золото роютъ въ горахъ,
Бродяга судьбу проклинаетъ,
Тощая съ сумой на плечахъ.
[illegible] съ боку тревожитъ,
[illegible] ложкой гремятъ.

Digitized by Google

Идетъ онъ густою тайгою,
Гдѣ звѣри его сторожатъ.
Худая на немъ рубашенка,
Премножество разныхъ заплатъ,
Худая на немъ и шапченка,
И сѣрый тюремный халатъ.
Лишь только къ Байкалу подходитъ,
Рабочую лодку беретъ.
Унылую пѣсню заводитъ,
Про родину что-то поетъ...

Пѣсня густо катилась. Отъ нея вѣяло романтической жизнью, полной приключеній, она говорила о вѣчномъ скитальчествѣ и бродяжествѣ и какъ бы поднимала завѣсу надъ темною жизнью этихъ людей, и за этой завѣсой чудились грустные и мрачные разсказы и печальныя драмы съ неизмѣнной кровавой развязкой. Жизнь бьетъ такихъ пѣвцовъ, поэтовъ и мыслителей, и ея удары извлекаютъ изъ нихъ глубокіе звуки, мрачные стихи и своеобразныя пѣсни.

Регентъ сдѣлалъ предлагающій жестъ, и нѣжный теноровъ-запѣвало затянулъ плавный, игривый напѣвъ:

— Па-а Си-б-бири я гул-ляю,
Паселенецъ ма-ла-дой...

А хоръ густыми аккордами, словно рояль, аккомпанируетъ ему:

Тум-бá—тум-бá—тум-бá!
Тум-бá—тум-бá—тум-б-ба-á!..
— Полюби меня, челдонка:
Я брожу здѣсь сирото-ой.

заливается солистъ. Это — арестантъ, по прозванію Соловей,—пѣвунъ и плясунъ: онъ маленькій, съ черненькими усиками, ловкій и сильный. Теперь онъ сидитъ подъ самой нишей, въ центрѣ хора, а кругомъ непринужденно расположился хоръ: тенора всѣ стоятъ

Digitized by Google

полукругомъ и имѣютъ видъ воровской и плутоватый, а басы, большею частью, сидятъ и всѣ—въ кандалахъ.

Мы пойдемъ съ тобой въ Россію
По дорожкѣ столбовой:
Снаряжу тебя въ доспѣхи—
Въ баняхъ будешь спать со мной...

— Тум-ба—тум-ба—тум-ба-а!—густо аккомпанируетъ хоръ, мефистофелевская рожа сіяетъ, а Соловей забористо выводитъ:

Посохъ вырѣжу потолще
На защиту отъ собакъ,
Твои кольца и сережки
Отнесемъ съ тобой въ кабакъ!..

— Тум-ба—тум-ба—тум-ба!—грохочутъ басы. А Быковъ неподвижно застылъ на своемъ камнѣ, какъ воспѣваемая тумба, и съ добродушной улыбкой смотритъ на веселье арестантовъ.

Хоръ все увеличивается. Пѣсни быстро смѣняются. Доходитъ дѣло до пляски. Хоръ стоитъ кольцомъ и весело поетъ плясовой мотивъ:

Ой, дубъ—ду-ба, ду-ба, ду-ба...

Слышатся веселыя восклицанія.

— Соловей! Спляши, что ли, для окончанія дѣла!

— Али онъ былъ на судѣ?

— Какъ же! Нынче водили!

— Осудили?

— На три года!

— Ва-а-ляй, Соловей!..

Соловья выпихнули насередину круга.

Онъ выждалъ тактъ и „пустилъ дробь“. По первымъ же его пріемамъ видно было, что пляшетъ не простой

Digitized by Google

плясунъ, а артистъ этого дѣла: такъ пляшутъ въ циркѣ... Его „коты“ такъ и заговорили...

А хоръ стоялъ во всей своей живописной непринужденности, разстегнутый, загорѣлый, съ бритыми черепами и гудѣлъ:

Ой, дубъ-ду-ба, ду-ба-ду-ба!..

— Жарь, Соловей!

— Все равно тебѣ теперича!..

Соловей восхитительно плясалъ въ присядку: маленькій, но мускулистый и крѣпкій, онъ упруго и ловко подпрыгивалъ, какъ мячъ, и перебрасывалъ изъ одной руки въ другую свою маленькую сѣрую шапку...

Всѣ лица расплылись въ улыбку.

Но лицо самого Соловья было необыкновенно серьезно: смуглое, красивое, съ черными усиками и блестящими глазами, оно сохраняло пренебрежительное выраженіе, словно хотѣло сказать:

— Плевать мнѣ на то, что меня осудили!..

Въ маленькую калитку полукруглыхъ воротъ входили и выходили разные люди. Прошелъ взводъ солдатъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ револьверами у пояса и саблями и скрылся на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ была пересыльная тюрьма. Оттуда провели разнообразно-одѣтую, рваную толпу пересыльныхъ... Какихъ только тамъ не было фигуръ: кто въ кацавейкѣ, кто въ рваномъ пиджакѣ, кто въ длинной арестантской шинели. Старики, женщины, подростки и дѣти и въ этомъ сбродѣ вдругъ—гордая фигура благороднаго босяка... У многихъ за плечами котомки, сапоги, а у пояса жестяной чайникъ. Нѣкоторые прощаются съ друзьями изъ арестантовъ. Пожимаютъ руки. Слышны пожеланія. Потомъ вся эта странная толпа исчезаетъ за воротами

Digitized by Google

въ сопровожденіи конвойныхъ, внушая недоумѣніе и интересъ къ себѣ... Странный, бродячій міръ, тѣни, откуда-то и куда-то безъ конца идущія, кто они? Своимъ молчаливымъ, символическимъ шествіемъ черезъ тюремный дворъ они напоминаютъ о существованіи какой-то особенной таинственной жизни.

Калитка вновь отворилась, и въ нее съ трудомъ пролѣзла необыкновенная фигура.

Это былъ чернобородый мужикъ геркулесовскаго тѣлосложенія, въ красной кумачевой рубахѣ, высокихъ сапогахъ и косматой черкесской шапкѣ. Онъ былъ поразительно широкъ, грудастъ и мощенъ, на выпуклую грудь падала окладистая черная борода, и вся невысокая, но удивительно крѣпко сложенная фигура его казалась сбитой молоткомъ на наковальнѣ. Онъ обвелъ тюремный дворъ мрачнымъ взглядомъ и крикнулъ сильнымъ голосомъ:

— Здравствуй, матушка-тюрьма!

За нимъ вошло двое часовыхъ съ ружьями и тщедушный тюремный чиновникъ въ полицейскомъ мундирѣ. Арестанты поднялись и сняли передъ чиновникомъ шапки, за исключеніемъ Эйко. Чиновникъ съ гримасой махнулъ имъ рукой, и они разбѣжались по двору. Потомъ онъ отдалъ какія-то приказанія часовымъ и побѣжалъ въ пересыльную тюрьму, а богатырь съ важнымъ видомъ путешественника, ожидающаго на станціи лошадей, сталъ прохаживаться около запертыхъ воротъ. Взявшись за поясъ и опустивъ широкую голову, крѣпко утвержденную на короткой воловьей шеѣ, онъ ходилъ взадъ и впередъ нетерпѣливыми шагами.

Быковъ и еще трое надзирателей вытянулись въ струнку и оцѣпили его, держась на почтительномъ разстояніи.

Но въ сравненіи съ нимъ, ихъ гарнизонныя фигуры

Digitized by Google

казались плачевно-жалкими и не имѣли въ себѣ ничего устрашающаго. У Быкова на штыкѣ добродушно звякали забытые ключи.

Черезъ минуту со двора пересыльной тюрьмы вышелъ начальникъ, осанистый пожилой человѣкъ въ бѣломъ кителѣ и картузѣ съ кокардой. Онъ шелъ, не торопясь, къ воротамъ, и передъ нимъ вытягивались часовые, снимали шапки арестанты, только человѣкъ въ красной рубашкѣ и папахѣ продолжалъ ходить и едва посмотрѣлъ на него.

Начальникъ подошелъ къ могучему человѣку и началъ что-то ему говорить тихо и вразумительно. Собесѣдникъ остановился передъ нимъ, но не дослушалъ его и внезапно вскипѣлъ.

— Въ се-ре-ду-у? — заоралъ онъ на весь дворъ, размахивая руками:—это, чтобы я святую Троицу въ острогѣ сидѣлъ? Ни за что! Н-нынѣче хочу! Терпѣть не могу я здѣсь! Ужъ лучше вы меня въ больницу отправьте, а то я у васъ тутъ все переломаю, перебью, и самъ изрѣжусь и изобьюсь! Желаю нынѣче, сегодня, сичасъ— и больше никакихъ!

Начальникъ опять что-то сказалъ ему, отрицательно качая головой, и прослѣдовалъ въ калитку полукруглыхъ воротъ, а вслѣдъ ему загремѣлъ яростный, могучій голосъ:

— Такъ вы этакъ-то? Обманомъ заманили меня сюды, да и не пускаете? Въ тюрьму посадить хотите? Да рази это мыслимо, чтобы вольнаго человѣка лишить свободы? А? накося, что выдумали! Ну, не на того напали! Меня вездѣ по всей Рассеѣ знаютъ! Меня самъ великій князь знаетъ, и прокуроръ святѣйшаго правительствующаго синода знаетъ! Только попробуйте посадить! Я въ московской тюрьмѣ изъ окна рѣшетку выломилъ и у васъ выломлю! Я въ Петербургѣ дворцовую стражу всю ра-

Digitized by Google

зогналъ, а не токмо, что васъ! И мнѣ за это ничего не было, только патретъ съ меня сняли, да еще денегъ на дорогу дали! Вы со мной не шутите! Отпирайте, што-ль!..

Онъ подошелъ къ воротамъ, ударилъ въ нихъ наотмашь огромнымъ кулачищемъ и загрохоталъ:

— Отпирайте!

Тишина была ему отвѣтомъ. Весь дворъ опустѣлъ: арестанты стояли кучкой въ отдаленіи. Часовые замерли на своихъ постахъ.

Тутъ безпокойный гость началъ ругаться, все повышая и повышая свой могучій голосъ и, видимо, приходя въ ярость. Ругань была отборная, артистическая.

— Гей, анафемы, Іуды предатели, Ироды окаянные! Пять минутъ даю вамъ сроку! Не отопрете—ломать начну!..

— Накося!—продолжалъ онъ, шагая по асфальту въ ожиданіи отвѣта:—вольнаго человѣка—свободы хотятъ лишить! Гдѣ это написаны такіе законы, чтобы за безписьменность гноить человѣка по всѣмъ острогамъ, прогонять по всей Рассеѣ? А? беззаконники! Вы дайте мнѣ конвой, я и пойду себѣ пѣшкомъ, въ сутки-то шутя сто верстъ уйду, али лошадь куплю: вѣдь у меня и деньги есть! Вотъ онъ — чекъ: пойду сейчасъ въ банкъ—и возьму! Чего же вы меня держите, какъ разбойника, да еще на святую Троицу въ острогъ хотите засадить? За что, про что? Не хочу и не хочу, разнесу все—а не сяду!..

Онъ подождалъ немного и, видя, что никто не думаетъ отпирать ему ворота, подбѣжалъ къ тому окну, въ которомъ виднѣлись занавѣски, цвѣты и клѣтка съ канарейкой.

— Вотъ вамъ! Вотъ вамъ!—кричалъ онъ, выбивая кулакомъ одно стекло за другимъ:—я какъ начну бить—

Digitized by Google

куда только всѣ ваши пташки-кинарейки полетятъ! Вотъ, вотъ!..

Разбитыя стекла звенѣли и сыпались на асфальтъ. За окномъ никто не откликался. Тогда вольный человѣкъ застучалъ кулаками въ ворота.

— Отпирайте, чортовы дѣти!—грохоталъ онъ:—эхъ, кабы мнѣ что-нибудь потяжельше въ руки взять!

Онъ оглядѣлся кругомъ, и внезапно взглядъ его упалъ на камень Быкова: онъ быстро схватилъ камень, поднялъ надъ головой четырехпудовую тяжесть, разбѣжался и со всего маху грянулъ камнемъ въ полукруглыя желѣзныя ворота.

Гулкій громъ прокатился по всему двору тюремнаго замка.

Камень упалъ около калитки. Часовые подбѣжали, чтобы убрать его, но богатырь быстро всталъ на него и остановилъ ихъ повелительнымъ жестомъ.

— Прочь!—гаркнулъ онъ и, поднявъ руку кверху, продолжалъ съ камня торжественно и театрально:

— Я второй Самсонъ. Убью, не подходите!

Въ это время, словно въ отвѣтъ на громовой ударъ камня, калитка воротъ отворилась, и въ нее вошло какое-то новое начальственное лицо и, повидимому, ничего не подозрѣвая, съ недоумѣніемъ оглядѣлось кругомъ. Въ тотъ же самый моментъ второй Самсонъ съ необыкновенной быстротой шмыгнулъ въ калитку.

— Убѣжалъ!..—глухо загудѣло по всему двору.

— Заманили!—засмѣялся кто-то.

Произошла суматоха: съ пересыльнаго двора выбѣжалъ опять тщедушный и блѣдный чиновникъ, а за нимъ бѣгомъ пробѣжала толпа солдатъ человѣкъ въ пятьдесятъ.

Всѣ они ринулись вслѣдъ за Самсономъ.

Digitized by Google

А онъ стоялъ въ полутемномъ туннелѣ, прислонясь спиной къ запертымъ вторымъ воротамъ, какъ звѣрь, загнанный въ тѣсное ущелье.

— Господь далъ мнѣ силу!—сказалъ онъ:—всѣхъ васъ могу истребить, но—не хочу! Берите! Отдаюсь!..

Всѣ пятьдесятъ облѣпили его...

— Кандалы давайте! Кузнеца!

Раздался чей-то повелительный голосъ:

— Заковать!

Подъ каменнымъ сводомъ было тѣсно, темно и шумно; всѣ суетились, толкались, галдѣли. Принесли ножныя и ручныя кандалы.

Богатырь лежалъ на землѣ, и его не было видно за толпой солдатъ. Онъ молчалъ. Слышалось звяканье цѣпей и удары молота по желѣзу.

Наконецъ, ворота отворились и его торжественно провели въ тюрьму.

Онъ шелъ, окруженный толпой солдатъ, окованный по рукамъ и ногамъ. Руки его были скручены и скованы за спиной, косматая папаха сдвинута на затылокъ, голова опущена, и широкая черная борода вѣеромъ лежала на выпуклой груди. Въ красной рубахѣ, огромный, мрачный, въ цѣпяхъ, онъ былъ страшенъ и походилъ на Стеньку Разина.

Арестанты стояли въ отдаленіи и сочувственно смотрѣли на героя. Онъ взглянулъ на нихъ, кивнулъ головой и, переступая порогъ тюрьмы, крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Глядите, братцы: вотъ онъ, мученикъ!

Его увели.

Тогда арестанты опять собрались къ воротамъ. Но настроеніе ихъ было испорчено. Они молчали и мрачно переглядывались. Не было слышно ни пѣнія, ни шутокъ.

Digitized by Google

Изъ тюрьмы вышелъ тщедушный тюремный чиновникъ и обратился къ нимъ съ рѣчью. Арестанты нехотя сняли шапки.

— Я вамъ долженъ, господа, объявить, что вышло распоряженіе содержать васъ въ камерахъ, а на прогулку выпускать по закону—на два часа. Сегодня—послѣдній день вашей свободы...

Арестанты глухо и недовольно зарычали.

— Это не отъ насъ,—поспѣшилъ заявить чиновникъ:—мы тутъ не причемъ... мы обязаны... сами знаете...

Онъ развелъ руками и скрылся въ калитку воротъ.

Раздался быстрый и громкій звонокъ колокола—знакъ собираться въ камеры.

Арестанты медленно и нехотя потянулись въ мрачное зданіе.

Солнце садилось, и его послѣдніе румяные лучи, блѣднѣя, угасали на неподвижной, задумчивой тучѣ. Быстро смеркалось, и повсюду наступала отрадная тишина весенняго вечера. Легкіе звуки долетали отовсюду. Откуда-то издалека доносились въ тюрьму веселые голоса и протяжное пѣніе. На небѣ кое-гдѣ вспыхнули маленькія звѣздочки.

Злобно звеня и потрясая цѣпями, шли арестанты подъ мрачные низкіе своды подвальнаго этажа: у нихъ были отняты послѣдніе лучи свободы.

Надежды на счастье въ жизни давно уже не было.

Впереди была только тюрьма...

Столовая помѣщалась въ катакомбахъ унылаго подземелья. Черные своды смыкались надъ самой головой и давили душу. Казалось, что они еще хранятъ мрачныя воспоминанія о дыбѣ, пыткахъ и кнутѣ. Казалось, что эти черныя толстыя стѣны таятъ въ себѣ крики и стоны, звучавшіе здѣсь когда-то, въ давніе вѣка.

Digitized by Google

По небу разсыпались рѣдкія, изумрудныя звѣзды, полная красавица луна взошла надъ острогомъ и облила его бѣлыя стѣны трепетнымъ серебристымъ сіяніемъ. Она, какъ чародѣйка, околдовала своими волшебными лучами эту нѣжную, весеннюю ночь: чары ея обнимаютъ дремотную землю и тихій, серебристый воздухъ. Всюду таинственно лежатъ и расползаются мглистыя тѣни, и шепчутся тихіе, страстные звуки. Раздражающая ароматная теплота вѣетъ въ густомъ воздухѣ и навѣваетъ нѣжныя желанія и нѣжную весеннюю тоску...

Быковъ попрежнему сидитъ на своемъ камнѣ, прислонивъ ружье къ плечу, не то дремлетъ, не то думаетъ о чемъ-то...

На кончикѣ его штыка отъ луннаго свѣта искрится лучистая брилліантовая звѣздочка.

А острогъ поетъ.

Поютъ въ каждой камерѣ, наверху и внизу, каждая камера—свою пѣсню, и пѣніе всего острога сливается въ одинъ общій пѣвучій гулъ.

Сто-нетъ онъ по тюрь-мамъ и остро-гамъ...
Въ рудни-кахъ, на желѣ-зной цѣпи-и!

глухо и мрачно гудитъ тягучая пѣсня въ нижнемъ этажѣ.

А сверху гремитъ веселый хоръ:

А на утро старикъ съ больной головой,
Онъ идетъ и блюетъ, и руг-ается...
И р-ру-га-ается!..

Буйно гудятъ басы.

Но ихъ покрываютъ изъ другой камеры:

Друзей теперь мнѣ не на-да-а!
Желѣ-зны цѣпи мнѣ дру-зья-а!
Ло-па-та вѣ-чная подруга,
А тачка—вѣрна-я жена-а!

Digitized by Google

Съ другого конца острога откликаются:

Пройдетъ зима, настанетъ лѣто,
Въ поляхъ цвѣточки расцвѣтутъ,
А мнѣ, несчастному, въ то время
Желѣзомъ ноги закуютъ.
Придетъ цирюльникъ съ бритвой острой,
Обрѣетъ правый мнѣ високъ:
Я буду видъ имѣть ужасный
Отъ головы до самыхъ ногъ.

Но изъ всеобщаго гудѣнія выплываетъ протяжный мотивъ, полный спеціально-тюремной тоски:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На песчаные брега...

Медленными, тяжелыми волнами льется эта пѣсня о Сахалинѣ, гдѣ вѣчно звенятъ море и цѣпи...

Спитъ тамъ правда, спятъ законы,
Спятъ давно уже, давно...
И на всѣ людскіе стоны
Плещетъ море лишь одно...

Тюрьма поетъ свои страданія, клянетъ свою судьбу, прощается съ родиной и любовью, ненавидитъ своихъ тюремщиковъ и воспѣваетъ бродячую жизнь. И это пѣніе преступной, „несчастной“ и бродячей Руси сливается въ одинъ глубокій и мрачный стонъ.

Быковъ сидитъ на камнѣ и порой взглядываетъ на узенькое окно круглой башни, куда посадили скованнаго Самсона. Онъ понравился Быкову своей силой: камень, такъ легко брошенный въ ворота, Быковъ пробовалъ поднять—и не могъ. Онъ прислушивается, какъ силачъ по временамъ начинаетъ бить въ желѣзную дверь башни.

— Ироды! Христопродавцы!—глухо доносится оттуда:—я всѣ ваши башни размечу, всѣ ваши пташки-

Digitized by Google

кинарейки разлетятся! Наканунѣ святой Троицы! А? дьяволы! Я вамъ покажу кинареекъ!..

И Быкову слышенъ звонъ потрясаемыхъ цѣпей.

Но вотъ онъ видитъ, какъ огромныя лапы узника охватываютъ желѣзный переплетъ рѣшетки: посыпалась известка, желѣзные прутья зашатались, медленно вогнулись въ башню и—исчезли.

— Господи!—прошепталъ Быковъ, подходя къ башнѣ.

— Вотъ вамъ и рѣшетка! Вотъ вамъ ваши поганые кандалы!..

Въ окно къ ногамъ Быкова упала согнутая вдвое рѣшетка и сломанные наручники.

— Размечу!—грохотало изъ башни:—всю печку вамъ разворочаю! Господи! И для чего Ты мнѣ далъ такую силу? Неужто для того, чтобы вѣкъ въ тюрьмѣ сидѣть?

Никто не отвѣчалъ ему.

Тюрьма пѣла...

Digitized by Google

Алмазы.

Насъ давятъ! Лежимъ мы вѣка,
Закованы въ тяжкій гранитъ!..
Гнетутъ насъ и тьма, и тоска;
Не знаемъ, какъ солнце горитъ...

Всегда мы тоскуемъ о немъ...
Живитъ насъ о солнцѣ печаль:
Мы злымъ засверкали огнемъ,
И сдѣлались тверды, какъ сталь!..

Digitized by Google

Кузнецъ.

Некрасива пѣснь моя—
Знаю я!
Не похожъ я на пѣвца:
Я похожъ на кузнеца.
Я для кузницы рожденъ,
Я—силенъ!

Пышетъ горнъ въ груди моей:
Не слова, а угли въ ней!
Пѣсню молотомъ кую,
Раздуваетъ пѣснь мою
Грусть моя!
Въ искрахъ я!

Я хотѣлъ бы васъ любить,
Но не въ силахъ нѣжнымъ быть—
Нѣтъ, я грубъ!
Ласки сумрачны мои;
Не идутъ слова любви
Съ жаркихъ губъ.

Digitized by Google

Кто-то въ сердцѣ шепчетъ мнѣ:
„Слишкомъ прямъ ты и суровъ—
Не скуешь ты нѣжныхъ словъ
На огнѣ!
Лучше молотъ кузнеца
Подними въ рукѣ твоей
И въ желѣзныя сердца
Бей!“

Конецъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
1.	Колоколъ	1
2.	Сквозь строй!	3
3.	«Спитъ море предо мной»...	94
4.	Композиторъ	95
5.	«Закипѣла въ сердцѣ кровь»...	104
6.	Пѣвчіе	105
7.	Спѣвка	107
8.	«Колокольчики-бубенчики звенятъ»	116
9.	«Я хочу веселья»...	118
10.	«Утромъ зорька молодая»	119
11.	Любовь декоратора	120
12.	Сонъ	140
13.	Ночи	142
14.	«Вы сказались, безсонныя ночи»...	144
15.	Ранняя обѣдня	145
16.	Нищіе	157
17.	Ручей	158
18	Газетный листъ	159
19.	«Нѣтъ, я не съ вами»...	166
20.	«Моя жизнь—это бурная ночь на волнахъ»...	168
21.	Октава	170

Digitized by Google

стр.
22. «Я оторванъ отъ жизни родимыхъ полей»... 240
23. Узникъ 241
24. «Я упалъ съ облаковъ въ эту бездну мученья»... . . 243
25. «Каждый вечеръ»... 244
26. «Ты скажи-ка, оборванецъ молодой»... 245
27. «Ну, товарищи, должны разстаться мы»... 247
28. За тюремной стѣной 248
29. Алмазы 271
30. Кузнецъ 272

Digitized by Google

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступило въ продажу:

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

НОВОЕ ТРЕХТОМНОЕ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Содержаніе перваго тома:

1. Лирика. 186 стихотвореній.
2. Царица Мабъ. Поэма.
3. Примѣчанія Шелли къ „Царицѣ Мабъ“.
4. Демонъ міра. Поэма.
5. Аласторъ. Поэма.

Геліогравюра Дюжардена, изображающая Шелли.
Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна **2** руб.

Печатается **ТОМЪ ВТОРОЙ.**

Содержаніе второго тома:

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.
2. Царевичъ Атаназъ. Огрывокъ.
3. Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.
5. Юліанъ и Маддало. Бесѣда.
6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
7. Ченчи. Трагедія.

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу:
Контора т-ва «ЗНАНІЕ», Спб., Невскій, 92.

Digitized by Google

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

1. Эсхилъ. СКОВАННЫЙ. ПРОМЕТЕЙ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эсхила.
Цѣна **30** к.

2. Софоклъ. ЭДИПЪ-ЦАРЬ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

3. Софоклъ. ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

4. Софоклъ. АНТИГОНА.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

5. Эврипидъ. МЕДЕЯ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эврипида.
Цѣна **40** к.

6. Эврипидъ. ИППОЛИТЪ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эврипида.
Цѣна **40** к.

7. Платонъ. ПИРЪ

Философская поэма. Иллюстраціи: снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивіада; картины пира по древне греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины „Пиръ“ Фейербаха. Цѣна **60** к.

8. Бьёрнсонъ. ПЕРЧАТКА.

Драма въ 3 дѣйствіяхъ. Съ норвежскаго. Переводъ А. и П. Ганзенъ.
Цѣна **40** к.

9. Э. Золя. УГЛЕКОПЫ.

Романъ въ 8 частяхъ. Переводъ А. Л. Коморской. Изданіе *второе*.
Съ портретомъ Золя. Цѣна **1** руб.

Digitized by Google

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ.

Роскошно иллюстрированное изданіе. Переводъ въ стихахъ И. А. Бунина. Рисунки американскаго художника Реминтона. Портретъ Лонгфелло; около **400** иллюстрацій въ текстѣ; **22** большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна **2** рубля.

Дешевое изданіе. Портретъ Лонгфелло; около 400 рис. въ текстѣ, 22 рис. на отдѣльныхъ табл. Тотъ же переводъ, тѣ-же иллюстраціи, какъ въ роскошномъ изданіи, но бумага и форматъ другіе. Цѣна **80** коп.

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ печатаются:

1. РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

ЭСХИЛЪ, СОФОКЛЪ, ЭВРИПИДЪ. } ТРАГЕДІИ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Текстъ иллюстрированъ снимками съ произведеній греческаго искусства: со статуй, барельефовъ, камей, съ рисунковъ на вазахъ и пр. Около **40** рис. на отдѣльныхъ таблицахъ; **40—50** рис. въ текстѣ.

2. Леопарди. РАЗГОВОРЫ.

Содержаніе: — Разговоръ Геркулеса съ Атлантомъ. — Разговоръ Моды со Смертью.—Разговоръ блуждающаго огня съ гномомъ.—Разговоръ природы съ душою.—Разговоръ земли съ луною.—Споръ Прометея.—Разговоръ физика съ метафизикомъ.—Разговоръ Т. Тассо съ его добрымъ геніемъ.—Разговоръ природы съ исландцемъ.—Разговоръ Ф. Рюиша съ его муміями.—Разговоръ Хр. Колумба съ Гутьерецемъ.—Разговоръ Коперника съ солнцемъ.—Разговоръ Плотина съ Порфиріемъ и др.

3. Леопарди. МЫСЛИ.

4. Байронъ. МАНФРЕДЪ.

Новый переводъ въ стихахъ И. А. Бунина.

5. Байронъ. КАИНЪ.

Новый переводъ въ стихахъ И. А. Бунина.

6. Моррисъ. ИСКУССТВО.

Digitized by Google

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

Никольскій. ЛѢТНІЯ ПОѢЗДКИ НАТУРАЛИСТА.

Разсказъ о путешествіяхъ: 1) въ Туркестанѣ; 2) на Ледовитомъ океанѣ; 3) въ Сѣверной Персіи; 4) На Сахалинѣ —Въ книгѣ 155 рис. Кромѣ того, 24 картины на отд. табл. Цѣна 2 р.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга ***рекомендована*** *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. книга ***одобрена*** *для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для* ***безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.***

Тиндаль. ЗВУКЪ.

Съ англійскаго.—Переводъ *М. А. Антоновича.*—**Второе** русское изданіе, свѣренное съ послѣднимъ англійскимъ изданіемъ и съ нѣмецкимъ переводомъ А. Гельмгольцъ и К. Дюбуа-Реймонъ, дополненное по англійскому изданію.

Двѣсти четыре иллюстраціи въ текстѣ.—Цѣна **1 р. 50 к.**

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. настоящее изд. перевода **Антоновича** ***одобрено*** *для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для раздачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ* ***въ награду,*** *а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ* ***библіотекъ*** *городскихъ училищъ и для безплатныхъ* ***народныхъ читаленъ.***

Штёррингъ. ПСИХОПАТОЛОГІЯ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ А. А. Крогіуса. Цѣна **1 р. 50 к.**

Съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева.

Съ приложеніемъ указателя сочиненій по **психологіи, педагогикѣ, теоріи познанія и психопатологіи,** составленнаго проф. Спб. Университета А. И. Введенскимъ, приватъ-доцентомъ И. И. Лапшинымъ и А. А. Крогіусомъ.

«Психопатологія можетъ дать много цѣннаго для психологіи. Чтобы выяснить разные вопросы психологіи, мы должны выбрать изъ области патологіи такіе случаи, которые представляли бы, въ извѣстномъ смыслѣ, эксперименты, произведенные природой. Это именно и сдѣлалъ авторъ въ предлагаемомъ сочиненіи...» (*Изъ предисловія автора къ русскому изданію*).

«Современные психологи все чаще и чаще обращаются къ психопатологіи за разъясненіемъ многихъ спорныхъ вопросовъ. Являлась настоятельная потребность представить въ единомъ цѣльномъ изложеніи всѣ данныя патологической психологіи. Этой насущной потребности и отвѣчаетъ книга проф. Штёррингa...» (*Изъ предисловія академика Бехтерева*).

Дозв. ценз. Спб., 22 Августа 1903 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Пряжка, 3—1.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНАГО СКЛАДА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА

„Знаніе.“

Отъ 20 марта 1903 г.

Просятъ обращаться исключительно по адресу:

Контора товарищества „ЗНАНІЕ“,

С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.

Лица, выписывающія по этому адресу книги, помѣщенныя **въ каталогѣ, за пересылку не платятъ**; исключаются книги, по которымъ въ данный моментъ принимается подписка.

Подписка считается дѣйствительной лишь въ томъ случаѣ, если деньги внесены до выхода книги.

Наложенія платежа на подписныя изданія **не** допускается; книги, поступившія въ продажу, высылаются наложеннымъ платежомъ только въ томъ случаѣ, если при заказѣ доставленъ задатокъ въ размѣрѣ не менѣе четверти стоимости книгъ.

Каталогъ изданій по первому требованію **высылается безплатно.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, д. № 3.

Digitized by Google

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Списокъ отъ 20 марта 1903 г.

	Цѣна.
М. Горькій. Разсказы. Томъ I.	1 р. — к.
М. Горькій. Разсказы. Томъ II.	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ III.	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ IV.	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ V.	1 » — »
М. Горькій. Мѣщане. Драм. эскизъ въ 4 актахъ	— » 60 »
М. Горькій. На днѣ. Картины.	— » 60 »
Л. Андреевъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Сынталецъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ II.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ III.	1 » — »
Е. Чириковъ. Пьесы	— » 60 »
Ив. Бунинъ. Томъ I. Разсказы.	1 » — »
Ив. Бунинъ. Томъ II. Стихотворенія	1 » — »
Н. Телешовъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
А. Серафимовичъ. Разсказы. Томъ I	1 » — »
А. Купринъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
С. Юшкевичъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Н. Гаринъ. Дѣтство Тёмы	1 » — »
Н. Гаринъ. Гимназисты	1 » — »
Н. Гаринъ. Студенты	— » 30 »
Эсхилъ. Скованный Прометей	— » 40 »
Софоклъ. Эдипъ-царь.	— » 40 »
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ	— » 40 »
Софоклъ. Антигона	— » 40 »
Эврипидъ. Медея	— » 40 »
Эврипидъ. Ипполитъ	— » 40 »
Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ. Трагедіи. Роскошно-иллюстр. изд. *Выйдетъ въ апрѣлѣ 1903 г.*	— » — »
Платонъ. Пиръ. *Съ иллюстраціями*	— » 60 »
Бьёрнсонъ. Перчатка	— 40 »
Байронъ. Манфредъ. *Печатается.*	— » — »
Байронъ. Каинъ. *Печатается.*	— » — »
Леопарди. Разговоры. *Печатается.*	— » — »
Леопарди. Мысли. *Печатается.*	— » — »
Красинскій. Иридіонъ. *Печатается*	— » — »
Шелли. Полное собраніе сочиненій въ 3 томахъ. Томъ I	2 » — »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-илл. изд.	2 » — »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешевое изданіе	— » 80 »
Э. Золя. Углекопы. Изд. *второе*	1 » — »
Эрманъ-Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ.	— » 65 »
П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Изд. *2-е печат.*	1 » 50 »
Н. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Изд. *2-е печатается*	— » — »
Никольскій. Лѣтнія поѣздки натуралиста	2 » — »
Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. *третье*	2 » — »
Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Изд. *второе*	1 » 50 »
Юнгъ. Солнце. Изд. *второе*	1 » 50 »
Тиндаль. Звукъ. Изд. *второе.*	1 » 50 »
Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изд. *второе*	— » 80 »
Клейнъ. Чудеса земного шара. *Печатается*	— » — »
Боммели. Исторія земли. *Печатается*	— » — »
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища	1 » 20 »
Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологич. эпохъ. *Печатается.*	— » — »

Digitized by Google

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Списокъ отъ 20 марта 1903 г.

	Цѣна.
Джэмсъ. Психологія. Изд. *пятое печатается.*	1 р. 50 к.
Штёррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи.	1 » 50 »
Вундтъ. Введеніе въ философію. *Печатается*	— » — »
Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ IV: Кантъ	4 » — »
Сеньобосъ. Полит. исторія соврем. Европы, 2 т. Изд. *третье*	3 » — »
Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи	1 » 20 »
Инсаровъ. Современная Франція	2 » 50 »
Курти. Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи.	1 » — »
Зомбартъ. Идеалы соціальной политики	— » 40 »
Каутскій. Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ.	— » 40 »
Фальборкъ и Чарнолускій. Народное образованіе въ Россіи	1 » 50 »
Гюйо. Исторія и крит. совр. англ. ученій о нравственности	2 » — »
Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура	2 » — »
Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали	2 » — »
Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность	1 » 50 »
Гюйо. Стихи философа.	1 » — »
Гюйо. Искусство съ соціологической точки врѣнія	2 » — »
Моррисъ. Искусство. Съ иллюстраціями. *Печатается*	— » — »
Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ	3 » — »
Фальборкъ и Чарнолускій. Справочныя изданія по народному образованію: *Поступило въ продажу 16 книжекъ. Подробности см. на стр. 22-й и 23-й*	— » — »
Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англіи.	3 » — »
Паульсенъ. Общеобразовательная школа будущаго	— » 40 »
Мертваго. Не по торному пути	1 » 50 »
Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе	6 » — »
Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни	1 » 20 »
Штраусъ. Вольтеръ.	1 » — »
Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Изд. *второе*	— » 80 »
Каутскій. Аграрный вопросъ	1 » 50 »
Гертцъ. Аграрные вопросы.	— » 80 »
Вандервельде. Притягательная сила городовъ	— » 40 »
Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ	— » 80 »
Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ	1 » 50 »
Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши	— » 50 »
Финляндія.	3 » 50 »
Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ хозяйствѣ.	1 » 50 »
Гобсонъ. Общественные идеалы Дж. Рескина	1 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи отъ среднихъ вѣковъ до новѣйшихъ временъ. Часть I.	2 » 50 »
Мутеръ. То же сочиненіе. Часть II.	2 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ	17 » — »

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА:

	Цѣна: безъ пер.	съ пер.
Клейнъ. Чудеса земного шара	3 р. — к.	3 р. 50 к.
Беммели. Исторія земли **Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища **Гетчинсонъ.** Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ	4 » 50 »	5 » 50 »
Настольная книга по народному образованію, 3 т.	5 » — »	6 » — »

Digitized by Google

М. Горькій. РАЗСКАЗЫ.

Въ пяти томахъ. *Содержаніе:*

I томъ. Макаръ Чудра.—О чижѣ.—Емельянъ Пиляй.—Дѣдъ Архипъ и Ленька.—Челкашъ.—Старуха Изергиль.—Однажды осенью.—Ошибка.—Мой спутникъ. — Дѣло съ застежками. — Пѣсня о соколѣ.—На плотахъ.—Болесь.—Тоска.

II томъ. Коноваловъ. — Ханъ и его сынъ.—Выводъ. — Супруги Орловы. — Бывшіе люди. — Озорникъ. — Варенька Олесова. — Товарищи.

III томъ. Въ степи.—Мальва.—Ярмарка въ Голтвѣ.—Зазубрина.—Скуки ради.—Каинъ и Артемъ.—Дружки.—Проходимецъ.—Читатель.—Кирилка.—О чортѣ.—Еще о чортѣ.—Васька Красный.

IV томъ. Ѳома Гордѣевъ.—Двадцать шесть и одна.

V томъ. Трое.—Пѣсня о буревѣстникѣ.

Цѣна каждаго тома 1 рубль, въ роскошн. перепл. 1 р. 40 к.

Каждый томъ можно пріобрѣтать отдѣльно.

М. Горькій. МѢЩАНЕ.

Драматическій эскизъ въ 4 актахъ.

Цѣна **60** к., въ роск. переплетѣ **1** р.

М. Горькій. НА ДНѢ.

Картины. 4 акта.

Цѣна **60** к., въ роск. переплетѣ **1** р.

Digitized by Google

Скиталецъ. РАЗСКАЗЫ и ПѢСНИ. Томъ I.

Содержаніе:—Колоколъ.—Сквозь строй.—«Спитъ море предо мной».—Композиторъ.—«Закипѣла въ сердцѣ кровь...» — Пѣвчіе.—Спѣвка. — «Колокольчики-бубенчики звенятъ...»—«Я хочу веселья...»—«Утромъ зорька молодая...» — Любовь декоратора.—Сонъ.—Ночи.—«Вы сказались, безсонныя ночи...»—Ранняя обѣдня.—Нищіе.—Ручей.—Газетный листъ. — «Нѣтъ, я не съ вами...» — «Моя жизнь—это бурная ночь на волнахъ...» — Октава.—«Я оторванъ отъ жизни родимыхъ полей...» — Узникъ.—«Я упалъ съ облаковъ...»—«Каждый вечеръ...»—«Ты скажи-ка, оборванецъ молодой...»—«Ну, товарищи...»—За тюремной стѣной.—Алмазы.—Кузнецъ.

Цѣна 1 р.

Л. Андреевъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Большой шлемъ.—Набатъ.—Ангелочекъ.—Молчаніе.—Смѣхъ.—Валя.—Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ.—На рѣкѣ.—Бездна.—Въ подвалѣ.—Ложь.—Петька на дачѣ.—У окна.—Жили-были.—Стѣна.—Въ темную даль.

Е. Чириковъ. РАЗСКАЗЫ. Томы I, II и III.

Цѣна каждаго тома 1 р.—*Содержаніе:*

I томъ. Ранніе всходы.—Бродячій мальчикъ.—Gaudeamus igitur.—Въ лѣсу.—Калигула.—На стоянкѣ.—Студенты пріѣхали.—Съ ночевой.—Созрѣлъ.—Прогрессъ.

II томъ. Инвалиды.—Блудный сынъ.—Чужестранцы.—Въ отставку.

III томъ. Танино счастье.—Въ лощинѣ межъ горъ.—Какъ это случилось.—Фаустъ.—Именинница.—Лунная ночь.—Лошадка. — Предатель. — Обостренныя отношенія.—Одуванчикъ.

Е. Чириковъ. ПЬЕСЫ.

Содержаніе:—На дворѣ во флигелѣ.—За славой. Цѣна 60 к.

С. Гусевъ-Оренбургскій. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.

Содержаніе: Пастырь добрый.—Отецъ Памфилъ.—По теченію.—Самоходка.—Обида.—Гдѣ ветлы стояли.—Больной.—Конокрадъ.—Миша.—Агасферъ.—Сквозь преграды.—Послѣдній часъ.—На родину.—Кахетинка.—Капитанъ Кукъ.—Бѣдный приходъ.—Сборщикъ.—Худая молва.—Идеалистъ.—Злой духъ.—Жалоба.

Цѣна 1 р.

И. Бунинъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1р.

Содержаніе: Перевалъ.—Руда.—Новая дорога.—Осенью.—Туманъ.—Байбаки.—Новый годъ.—Антоновскія яблоки.—Велга.—Скитъ.—Тарантелла.—Костеръ.—На край свѣта.—Кастрюкъ.—Въ Августѣ.—Безъ роду-племени.—Поздней ночью.—На Донцѣ.—Фантазеръ.—Сосны.—Тишина.—Надежда.

И. Бунинъ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II. Цѣна 1 р.

Н. Телешовъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Пѣснь о трехъ юношахъ.—Домой! — Нужда.—Елка Митрича.—Съ Богомъ! — Противъ обычая. — Сухая бѣда. — Счастливецъ. — Сумерки.—Хлѣбъ-соль.—Дѣти.—Дуэль.

А. Серафимовичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: — Въ камышахъ. — Месть.—На льдинѣ. — Подъ уклонъ.—Тундра.—Буря.—Дежурство.—Прогулка.—Степные люди. — Ночью.—Сѣпщикъ.—Преступленіе. — Рождественскій канунъ.—На заводѣ.—Подъ землей.

А. Купринъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Молохъ.— Ночная смѣна.—Болото.—Походъ.—Одиночество.—Ночлегъ.—Лѣсная глушь.—Дознаніе.—Въ циркѣ.—На покоѣ.

С. Юшкевичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: — Распадъ. — Невинные.— Портной. — Убійца.— Кабатчикъ Гейманъ.—Ита Гайне.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЁМЫ.—Цѣна 1 р.

Н. Гаринъ. ГИМНАЗИСТЫ.—Цѣна 1 р.

Н. Гаринъ. СТУДЕНТЫ.—Цѣна 1 р.

Digitized by Google

Шелли. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Переводъ К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное изд. Вышелъ *томъ первый.*

Его содержаніе:—Вся лирика, 186 стихотвореній.—Царица Мабъ.—Примѣчанія Шелли къ «Царицѣ Мабъ». Демонъ міра.—Аласторъ.—Съ геліогравюрой Дюжардэна, изображающей Шелли.—Съ пояснит. примѣч. К. Д. Бальмонта. Цѣна 2 р.

Второй томъ „Шелли" печатается.

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ.

Роскошно иллюстрированное изданіе. Переводъ въ стихахъ И. А. Бунина. Рисунки американскаго художника Ремингтона. Портретъ Лонгфелло; около **400** иллюстрацій въ текстѣ; **22** большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна 2 рубля.

Дешевое изданіе. Портретъ Лонгфелло; около 400 рис. въ текстѣ, 22 рис. на отдѣльныхъ табл. Тотъ же переводъ, тѣ-же иллюстраціи, какъ въ роскошномъ изданіи, но бумага и форматъ другіе. Цѣна **80** коп.

Э. Золя. УГЛЕКОПЫ.

Романъ въ 8 частяхъ. Переводъ А. Л. Коморской.
Изданіе *второе.* Съ портретомъ Золя. Цѣна 1 руб.

Штёррингъ. ПСИХОПАТОЛОГІЯ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ А. А. Крогіуса. Цѣна 1 р. 50 к.

Съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева.

Съ приложеніемъ указателя сочиненій по **психологіи, педагогикѣ, теоріи познанія и психопатологіи,** составленнаго проф. Спб. Университета А. И. Введенскимъ, приватъ-доцентомъ И. И. Лапшинымъ и А. А. Крогіусомъ.

П. Милюковъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

Первое изд. распродано, второе—печатается.

Верховники и шляхетство.—С. Т. Аксаковъ.—Станкевичъ.—Бѣлинскій.—Герценъ.—Грановскій.—Эпигоны славянофильства.—Вл. Соловьевъ.

Съ портретами. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Digitized by Google

1. Эсхилъ. СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эсхила.—**30** к.

2. Софоклъ. ЭДИПЪ-ЦАРЬ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.—**40** к.

3. Софоклъ. ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.—**40** к.

4. Софоклъ. АНТИГОНА.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.—**40** к.

5. Эврипидъ. МЕДЕЯ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эврипида.—**40** к.

6. Эврипидъ. ИППОЛИТЪ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эврипида.—**40** к.

7. Платонъ. П И Р Ъ.

Философская поэма. Съ греческаго. Переводъ А. Г. Пресса. Иллюстрированное изд.: снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивіада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины „Пиръ“ Фейербаха. Цѣна **60** к.

ВЪ АПРѢЛѢ 1903 ГОДА ПОСТУПАЕТЪ ВЪ ПРОДАЖУ

роскошно-иллюстрированное изданіе

ЭСХИЛЪ
СОФОКЛЪ } ТРАГЕДІИ.
ЭВРИПИДЪ

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Текстъ иллюстрированъ снимками съ произведеній греческаго искусства: со статуй, барельефовъ, камей, съ рисунковъ на вазахъ и пр. Около **40** рис. на отдѣльныхъ таблицахъ; **40**—**50** рис. въ текстѣ.

Digitized by Google

№1 КЛЕЙНЪ. №1

АСТРОНОМИЧЕСКІЕ ВЕЧЕРА.

Общедоступная астрономія съ очерками по исторіи астрономіи.

Третье изданіе русскаго перевода.

ДОПОЛНЕНІЯ изъ Араго, Барнарда, Болля, Гельмгольца, Гершеля, Лаллаоа, Митчелля, Ньюкомба, Секки, Скіапарелли, Фламмаріона и другихъ астрономовъ.

Дополненія о послѣднихъ открытіяхъ, написанныя профессоромъ С.-Петербургскаго Университета **С. П. Глазенапомъ.**

Дополненіе объ идеяхъ **Ѳ. А. Бредихина**, написанное астрономомъ-наблюдателемъ Юрьевскаго Университета **К. Д. Покровскимъ.**

Тридцать двѣ таблицы съ темными и цвѣтными рисунками. Около **400** иллюстрацій въ текстѣ. Карты луны. Карта Венеры по Лоуэллю. Карта Марса по Скіапарелли. Карта Марса по Фламмаріону. Карта Марса по Лоуэллю. Карта Марса по Бреннеру. Карта сѣвернаго звѣзднаго неба. Карты, представляющія движенія Марса, Юпитера и Сатурна въ 1899 г. и 1900 г. **66** портретовъ.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. книга

***рекомендована** для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для библіотекъ городскихъ училищъ, для народныхъ читаленъ и для подарковъ учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга

***рекомендована** для библіотекъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.*

Ученымъ Ком. Учебнаго Отд. Мин. Финансовъ книга

***рекомендована** для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ коммерческихъ училищъ.*

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга

***рекомендована** для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Отзывы печати:

«Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора для популяризаціи астрономіи какъ изданіе вышеназванной книги Клейна; ее смѣло можно назвать образцовою во всѣхъ отношеніяхъ»... (Журн. Мин. Нар. Просв.).

«Дѣйствительно, прекрасная книга»... (Образованіе).

«Изданіе «Астрономическіе вечера» несомнѣнно является украшеніемъ нашей популярной астрономической литературы»... (Новости).

Цѣна 2 руб.

За экземпляры въ роскошныхъ переплетахъ доплачивается по 65 коп.

Digitized by Google

№ 2 Клейнъ. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ № 2

Общедоступныя бесѣды по космологіи.

9 портретовъ. **185** рисунковъ въ текстѣ. **Одиннадцать цвѣтныхъ таблицъ.**

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга
рекомендована *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просв. книга
одобрена *для фунд. и учен., старш. возраста, библіотекъ средн. уч. зав. Мин., мужск. и женск., и для библ. учит. инст. и сем., а также* ***для выдачи въ награду*** *учащимся въ означенныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга
одобрена *для библ. уч. зав., подвѣдомственныхъ Мин. Земл. и Гос. Им.*

Ученымъ Ком. Учебнаго Отд. Мин. Финансовъ книга
одобрена *для фунд. и учен. библ. коммерч. училищъ.*

Цѣна **1** р. **50** к.; за роскошный переплетъ доплачивается **65** к.

№ 3. Юнгъ. СОЛНЦЕ. № 3.

Съ англійскаго. **Дополненія**, написанныя **самимъ авторомъ.**
16 портрет. **Три** цвѣтныхъ таблицы. Больше **150** иллюстрацій.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Народн. Просв. книга
рекомендована *для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ и* ***для раздачи въ награду*** *ученикамъ гимназій и реальныхъ училищъ, а* ***также допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.***

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга
рекомендована *для библ. уч. зав., подвѣдомственныхъ Мин. З. и Гос. Им.*

Ученымъ Ком. Учебнаго Отдѣла Мин. Финансовъ книга
рекомендована *для фунд. и учен. библ. коммерч. училищъ.*

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга
рекомендована *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетск. корпусовъ.*

Цѣна **1** р. **50** к.; за роскошный переплетъ доплачивается **65** к.

Digitized by Google

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

Продолжается подписка на книгу:

КЛЕЙНЪ.

№ 13 — ЧУДЕСА ЗЕМНОГО ШАРА. — № 13

Общедоступныя бесѣды по физической географіи.

Съ нѣмецкаго.—Переводъ В. А. Верещагина и А. П. Нечаева.

Съ предисловіемъ заслуж. ордин. профессора СПБ. Университета

А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.

Книга посвящена настоящему земли. Въ 35 главахъ авторъ сумѣлъ затронуть и изложить въ современномъ освѣщеніи всѣ главные вопросы, относящіеся къ жизни земли.

Краткій очеркъ содержанія. Рядъ разсказовъ изъ исторіи землевѣдѣнія. Новѣйшія научныя экспедиціи. Форма и размѣры земли. Вѣсъ и плотность. Внутренняя теплота. Возрастъ и происхожденіе материковъ. Моря. Полярные льды. Морскія теченія. Приливы и отливы. Острова. Источники. Пещеры. Рѣки. Озера. Происхожденіе озеръ. Болота. Лавины. Ледники. Ледниковый періодъ. Землетрясенія. Горные обвалы. Вулканическія явленія. Маары. Атмосфера. Давленіе. Вѣтры. Ураганы. Облака. Осадки. Грозовыя явленія. Полярныя сіянія. Земной магнетизмъ. Погода.

Въ русскомъ изд. сдѣланы дополненія, написанныя А. П. Нечаевымъ. Прибавлены цѣлыя главы. Таковы:

1. Дѣятельность моря.—2. Волга, какъ типичная рѣка русской равнины.—3. Овраги.—4. Дѣятельность вѣтра, дюны, пустыни.—5. Происхожденіе и распредѣленіе почвъ.

Кромѣ того, въ большинствѣ главъ сдѣланы обширныя дополненія по физической географіи Россіи. Напримѣръ:

Коралловые известняки Крыма. — Медоборскія горы. — Артезіанскіе колодцы Россіи.—Минеральные источники Россіи.—Пещеры Крыма.—Пещеры - ледники; Кунгурская пещера.—Рѣки Россіи: ихъ пороги, водопады, перемѣщенія, мели, острова, террассы, дельты, половодья.—Озера Россіи, ихъ происхожденіе, ихъ заростаніе.—Болота Россіи.—Ледники Россіи. — Землетрясенія въ Россіи.—Оползни.—Вулканы Россіи и пр.

Въ книгу введены карты въ нѣсколько красокъ:

1. Почвенная карта Европ. Россіи. — 2. Сейсмическая карта Россіи.—3. Вулканы. — 4. Морскія теченія. — 5. Льды въ настоящемъ и прошломъ.—6. Распредѣленіе осадковъ.—7. Распредѣленіе грозъ и пр.

Цвѣтные рисунки изготовлены за границей.

Въ книгѣ будетъ больше 400 иллюстрацій. Особенное вниманіе будетъ обращено на иллюстраціи, относящіяся къ физической географіи Россіи.

Подписная цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Digitized by Google

Товариществомъ „ЗНАНІЕ“ открыта подписка на серію книгъ по геологіи и палеонтологіи:

№ 15. БОММЕЛИ. ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ. № 15.

Общедоступная геологія.—Съ нѣмецкаго. Переводъ М. А. Энгельгардта. Дополненія по геологіи Россіи.

Роскошныя иллюстраціи: не менѣе 300 рисунковъ въ текстѣ и на отдѣльныхъ таблицахъ. Рисунки въ нѣсколько красокъ. Ландшафты съ изображеніемъ растеній и животныхъ прошлыхъ геологическихъ эпохъ.

Геологическая карта Европейской Россіи въ 14 красокъ.

Сейсмическая карта Россіи въ 4 краски.

Карта, показывающая распредѣленіе вулкановъ.

Карта, показывающая распредѣленіе льдовъ въ настоящую и прошлыя геолог. эпохи и др.

№ 16. Гетчинсонъ. Вымершія чудовища № 16.

Общедоступныя бесѣды по палеонтологіи. — Съ англійскаго. Переводъ А. М. Никольскаго.

150 рисунковъ въ текстѣ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ 28 картинъ, изображающихъ давно исчезнувшихъ исполиновъ животнаго царства.

Эти картины заслужили лестный отзывъ Флоуэра, члена Корол. Общ. и директора Естественно-историческаго Музея въ Лондонѣ: «Я могу», пишетъ онъ: «съ полною увѣренностью подтвердить, что г. Гетчинсонъ и работавшій для него вполнѣ образованный художникъ г. Смитъ исполнили свою работу тщательно и добросовѣстно и дали намъ въ большинствѣ случаевъ полное понятіе о внѣшности животныхъ, которыхъ они старались изобразить, согласно лучшимъ свидѣтельствамъ, доступнымъ для насъ въ настоящее время»...

Книга № 16 поступила въ продажу. См. стран. 13

№ 17. Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. № 17.

Съ англійскаго.—Переводъ Дм. Андр. Коропчевскаго.

Масса рисунковъ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ 24 картины, рисованныя тѣмъ-же Смитомъ.

Въ трехъ книгахъ, № 15, № 16 и № 17, больше 60 печатныхъ листовъ; около 600 иллюстрацій.

Подписная цѣна за эти три книги 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при полученіи первой книги 2 р., при полученіи слѣдующаго выпуска серіи—остальное.

По закрытіи подписки цѣна будетъ значительно повышена.

Digitized by Google

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА

№ 16. Гетчинсонъ. № 16.

ВЫМЕРШІЯ ЧУДОВИЩА.

Общедоступныя бесѣды по палеонтологіи.—Съ англійскаго. Переводъ А. М. Никольскаго.

150 рисунковъ въ текстѣ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ **28 картинъ**, изображающихъ давно исчезнувшихъ исполиновъ животнаго царства.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга *рекомендована для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. книга *одобрена для учительскихъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для безплатныхъ читаленъ, а также для раздачи въ награду ученикамъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Землед. и Госуд. Им. книга *рекомендована для библіотекъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.*

ЦѢНА 1 р. 20 к. За роск. переплетъ доплач. 65 к.

Книга входитъ въ составъ серіи по геологіи и палеонтологіи. **ПОДПИСКА** на серію по уменьшенной цѣнѣ еще продолжается; о подпискѣ см. 12 стран. этого каталога.

ТОЛЬКО-ЧТО ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

Тиндаль. Звукъ.

Съ англійскаго.—Переводъ *М. А. Антоновича.*—**Второе** русское изданіе.—**Двѣсти четыре** иллюстраціи въ текстѣ.—Цѣна **1 р. 50 к.**

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. настоящее изданіе перевода **Антоновича** *одобрено для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для раздачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ въ награду, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.*

Digitized by Google

Никольскій,

доктор зоологіи, пр.-доцентъ С.-Петерб. Университета, им. зоологъ С.-Петербургской Академіи Наукъ.

ЛѢТНІЯ ПОѢЗДКИ НАТУРАЛИСТА.

СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЬ рис. въ текстѣ, ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ: растенія; животныя; сцены изъ жизни животныхъ; виды мѣстностей; типы жителей.

Разсказъ о четырехъ научныхъ путешествіяхъ: I. ВЪ ТУРКЕСТАНѢ. II. НА ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ. III. ВЪ СѢВЕРНОЙ ПЕРСІИ. IV. НА САХАЛИНѢ.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній **книга** *рекомендована для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. книга

одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для ***безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.***

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга

одобрена для библіотекъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Ученымъ Ком. Учебнаго Отд. Мин. Финансовъ книга

одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ **коммерческихъ училищъ.**

Цѣна 2 р.—За роскошный переплетъ доплач. 65 к.

Григорьевъ. КРАТКІЙ КУРСЪ ХИМІИ.

62 рисунка въ текстѣ. Портреты. Цѣна **80** коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга допущена для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства, въ которыхъ химія преподается въ объемѣ, соотвѣтствующемъ этой книгѣ, и для пріобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Digitized by Google

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 32).

Товариществомъ «ЗНАНІЕ» издается

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ТОЛЬКО - ЧТО ВЫШЛО

ТРЕТЬЕ иллюстрированное, исправленное и дополненное изданіе:

№ 1 **Сеньобосъ.** **№ 1**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ.

Эволюція партій и политическихъ формъ.

Съ приложеніемъ очерка **„Европа нашихъ дней“** (1897—1902 гг.), русской библіографіи и подробнаго указателя.

Два тома; 840 стр.

ПОРТРЕТЫ: Бисмарка, Гладстона, Биконсфильда, Тьера, Гамбетты, Гарибальди, Кошута, К. Маркса, Лассаля, Бебеля, Либкнехта, Оузна, Луи Блана и многихъ другихъ,—всего до **50** портретовъ.

«Эта книга представляетъ собою замѣчательное по ясности и сжатости изложенія обозрѣніе европейской исторіи за періодъ времени отъ 1814 до 1896 года, причемъ авторъ главное вниманіе обращаетъ на исторію учрежденій и образованіе, составъ, тактику и программы партій, какъ выдающихся факторовъ, рѣшающихъ судьбу учрежденій. Но Сеньобосъ удѣляетъ также мѣсто и фактамъ, касающимся организаціи мѣстныхъ управленій, арміи, церкви, образованія политическихъ ученій, экономическаго строя въ тѣхъ случаяхъ, когда эти факты оказываютъ вліяніе на политическую жизнь»... (Отзывъ «Русскихъ Вѣдомостей» о первомъ изданіи).

«Главное достоинство книги — точныя формулировки политическихъ программъ, конкретныя характеристики конституцій, иногда краткія опредѣленія политическихъ доктринъ. Сеньобосъ старается схватить политическія и конституціонныя аналогіи, ясно опредѣлить всѣ характерные моменты политическаго положенія...

Переводъ сдѣланъ хорошо и дополненъ библіографическими указаніями книгъ и статей, появившихся на русскомъ языкѣ». (Отзывъ «Міра Божьяго» о второмъ изданіи).

Цѣна за оба тома 3 руб.

Digitized by Google

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій. 92).

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 2. **В. ЗОМБАРТЪ.** № 2.

Профессоръ Бреславльскаго Университета.

ИДЕАЛЫ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго П. Ф. Теплова. Цѣна 40 коп.

«Превосходное разсмотрѣніе задачъ соціальной политики читатель найдетъ въ недавно выпущенной въ русскомъ переводѣ книгѣ проф. В. Зомбарта «Идеалы соціальной политики»... Зомбартъ превосходно доказалъ автономностѣ соціально-экономическаго идеала». (Изъ статьи П. Берлина въ «Жизни» апрѣль 1900 г.).

(*Первое изданіе распродано, второе—печатается*).

№ 3. **Ѳ. Курти,** № 3.

членъ швейцарскаго національнаго совѣта, членъ сэнъ-галленскаго правительственнаго совѣта.

ИСТОРІЯ НАРОДНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ДЕМОКРАТІИ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА. Цѣна 1 р.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ: I. Общій обзоръ развитія швейцарскаго народоправства и права народной инициативы въ союзѣ. Г. Ѳ. Львовича. — II. Результаты швейцарскаго референдума. Ѳ. Курти.

«Изъ множества переводныхъ книгъ, которыми заваливаютъ нашъ книжный рынокъ, книга Курти выдѣляется интереснымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ. Ея авторъ не компиляторъ, трактующій свою тему по источникамъ изъ вторыхъ рукъ, а безукоризненный политическій дѣятель, которому, какъ члену швейцарскаго національнаго совѣта, хорошо извѣстно то, о чемъ онъ хочетъ бесѣдовать съ читателями».

(Изъ отзыва «Вѣстника Всемірной Исторіи»).

«Для лицъ, интересующихся государственнымъ бытомъ Западной Европы, книга Курти безусловно необходима».

(Изъ отзыва «Журнала для всѣхъ»).

№ 5. **К. Каутскій.** № 5.

КОЛОНІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Цѣна 40 коп.

Digitized by Google

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 4. ГИББИНСЪ И САТУРИНЪ. № 4.

Исторія современной Англіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Англія въ началѣ столѣтія.—Европейскій конфликтъ и Наполеонъ I.—Наполеонъ и Веллингтонъ.—**Промышленная революція и политическія реформы.** Вліяніе промышленности.—Торговля и политика.—Англійская индустрія въ прежнія времена.—Великія изобрѣтенія въ области механики.—Примѣненіе силы пара и послѣдствія его.—Промышленная революція въ связи съ ростомъ богатства.—Политическія послѣдствія промышленной революціи.—Агитація въ пользу парламентской реформы.—**Положеніе народа.** Благосостояніе нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ.—Бѣдность народныхъ массъ.—Зло первыхъ фабрикъ.—Агитація въ пользу фабричной реформы.—Недовольство и смуты.—Рабочіе союзы.—Пауперизмъ.—Заработная плата.—Печальныя условія труда.—**Внутренняя политика и ирландскія дѣла.**—Эмансипація католиковъ.—Язвы Ирландіи.—Аграрныя затрудненія и О'Коннель.—Ирландское земледѣліе и картофельный голодъ.—Желѣзныя дороги.—Почты и телеграфы.—**Народная королева.** Бѣдственное положеніе рабочихъ классовъ.—Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ.—Развитіе свободной торговли.—Чартизмъ.—**Англичане за моремъ.**—Вестъ-Индія.—Индія.—Южная Африка.—Канада и т. д.—**Англичане и иностранныя державы.**—Карьера лорда Пальмерстона.—Восточный вопросъ.—Пальмерстонъ и Наполеонъ III.—Крымская война.—Иностранная политика Биконсфильда и т. д.—**Парламентская реформа и ирландскія смуты.**—Фенія.—Парнель и борьба за гомруль и т. д.—**Промышленность и общественная жизнь.**—Колоніальный элементъ въ англійской политикѣ.—Народонаселеніе и большіе города.—Упадокъ земледѣлія.—Стачки рабочихъ и т. д.

Книга кончается обширнымъ приложеніемъ:

Д. Сатуринъ.

ПОСЛѢДНІЕ МОМЕНТЫ ИСТОРІИ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Южно-африканская война.—Причины изолированности Англіи.—Исторія Трансвааля до открытія золотыхъ розсыпей.—Постройка золотого города.—Родезія.—Набѣгъ Джемсона. Конституція Трансвааля.—Оранжевая республика. Ея конституція.—Почему Оранжевая республика соединила свою судьбу съ судьбой Трансвааля?—Почему колоніи пришли на помощь Англіи?—Джингоизмъ англійской націи.—Деморализація англійской прессы.—Первый періодъ войны.—Второй періодъ.—Мертвая схватка.—Черная недѣля.—Третій періодъ.—Освобожденіе Кимберлея.—Взятіе въ плѣнъ Кронье.—Занятіе Преторіи и т. д.—Итоги южно-африканской войны.—**Федерація австралійскихъ колоній.**—**Голодъ въ Индіи.**

ОТЗЫВЪ „Журнала для всѣхъ". (мартъ 1901 г.). Англичанину Гиббинсу въ этой книгѣ принадлежитъ большая и болѣе значительная первая часть: „Англійскій народъ въ XIX в.". Это сжатый и весьма толково составленный очеркъ всѣхъ выдающихся событій въ государственной жизни Англіи, какъ внѣшней, такъ и внутренней, вплоть до 1898 года. Авторъ, какъ англичанинъ, подсчитываетъ ростъ матерьяльнаго богатства и практическаго значенія своей родины за 100 лѣтъ, и приходитъ въ общемъ къ самымъ утѣшительнымъ выводамъ...

Русскій Д. Сатуринъ, въ краткомъ очеркѣ „Послѣдніе моменты исторіи англійскаго народа" останавливается, главнымъ образомъ, на обратной сторонѣ медали, разбираетъ причины и ходъ южно-африканской войны, рисуетъ темныя картины голода въ Индіи.

Съ портретами англійскихъ политическихъ дѣятелей. Цѣна 1 р. 20 к.

М. Гюйо. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности.

Первая часть: изложеніе ученій. Бентамъ, Оуенъ, Макинтошъ, Джемсъ Милль, Стюартъ Милль, Гротъ, Бенъ, Бэли, Льюисъ, Сиджвикъ, Дарвинъ, Гербертъ Спенсеръ, Клиффордъ, Барратъ, Лесли Стефенъ.

Вторая часть: критика. Введеніе. **Книга первая: о методѣ морали.** Методъ индуктивный и методъ интуитивный. **Книга вторая: нравственная цѣль.** Количество удовольствій, какъ нравственный критерій. Ариѳметическая мораль. Бентама. Полуинтеллектуальная мораль Стюарта Милля. Счастіе человѣчества, какъ нравственный критерій. Мораль симпатіи Ст. Милля. Необходимые законы жизни, какъ нравств. критерій. Натуралистическая и альтруистическая мораль Спенсера. **Книга третья: о нравственномъ долгѣ.** Естественная тождественность интересовъ и принципъ долга по Бентаму. Политическая экономія, соціальная полиція и симпатія. Искусственная ассоціація интересовъ въ мысли, какъ основаніе долга по Ст. Миллю. Искусственное отождествленіе интересовъ путемъ общественной организаціи. Утилитарное воспитаніе и религія. Нравственный организмъ и нравственный инстинктъ. Принципы долга по ученію Ч. Дарвина и Спенсера. **Книга четвертая: о нравственной санкціи.** Нравственная отвѣтственность. Соціальная отвѣтственность. Заключеніе и общіе выводы.

Цѣна 2 рубля. 458 стр. 8°.

М. Гюйго. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИДЕИ О ВРЕМЕНИ. Введеніе Альфреда Фулье. Предисловіе автора. Періодъ первоначальнаго смѣшенія. Пассивная форма времени; ея генезисъ исходитъ изъ понятій разницы, сходства, множественности, степеней и порядка.—Активная основа понятія времени; его генезисъ. Участіе воли, мѣренія двигательной дѣятельности. Настоящее, прошедшее и будущее.—Время и память, воспоминаніе и фонографъ. Пространство, какъ способъ представленія времени.—Нормальныя и патологическія иллюзіи времени.—Заключеніе.

Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями.—Книга первая Плотскія удовольствія.—Книга вторая. Духовныя удовольствія.—Книга третья Частныя и общественныя добродѣтели.—Книга четвертая. Новѣйшіе послѣдователи Эпикура.

Цѣна 2 рубля. 372 стр. 8°.

М. Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ. Предисловіе.—Книга первая: Принципы искусства и поэзіи.—Книга вторая: Будущее искусство и поэзія.—Книга третья: Будущность и законы стиха.

ОЧЕРКЪ МОРАЛИ. Предисловіе. Введеніе. Критика различныхъ попытокъ метафизическаго оправданія долга.—Книга первая: Нравственный двигатель съ здравой точки зрѣнія. Первые эквиваленты долга.—Книга вторая: Послѣдніе возможные эквиваленты долга для поддержанія нравственности.—Книга третья: Идея санкціи.

Digitized by Google

Цѣна 2 рубля. 376 стр. 8°.

М. Гюйо. Наслѣдственность и воспитаніе.

СОДЕРЖАНІЕ: Внушеніе и воспитаніе, какъ средства, измѣняющія нравственный инстинктъ. Генезисъ нравственнаго инстинкта; роль наслѣдственности, идей и воспитанія. Физическое воспитаніе и наслѣдственность. Переутомленіе. Цѣль и методъ интеллектуальнаго воспитанія. Школа. Высшее и среднее образованіе. Воспитаніе дѣвушекъ и наслѣдственность. Воспитаніе и періодическая смѣна культуръ интеллекта. Что составляетъ истинную цѣль эволюціи и воспитанія: наслѣдственный автоматизмъ или полная сознательность. Дополненія 340 стран. 8°.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

М. Гюйо. Искусство съ соціологической точки зрѣнія.

Предисловіе А. Фулье.—Портретъ автора.

Часть первая: Принципы, какъ соціологическая сущность искусства.—1. Общественная солидарность—принципъ наиболѣе полной эстетической эмоціи. —2. Геній, какъ сила общественности и какъ созданіе новой среды.—3. О симпатіи и объ общественности въ критикѣ. — 4. Выраженіе индивидуальной и соціальной жизни въ искусствѣ. — 5. Реализмъ. Тривіализмъ и средство избѣгнуть его.—Часть вторая: Примѣненіе принциповъ. Соціологическая эволюція современнаго искусства.—1. Психологическій и соціологическій романъ.—2—4. Введеніе философскихъ и соціальныхъ идей въ современную поэзію.—5. Стиль, какъ способъ выраженія и орудіе симпатіи. Эволюція современной прозы. 6. Литература декадентовъ и несравновѣшенныхъ; ея анти-соціальный характеръ. Нравственная и соціальная задача искусства.

Цѣна **2** рубля.

М. Гюйо. Стихи философа.

Книга I: **Мысль.** — Книга II: **Любовь.** — Книга III: **Искусство.** Книга IV: **Природа и человѣчество.**

Цѣна **1** р.

Digitized by Google

М. ЛЕКЛЕРКЪ.

ВОСПИТАНІЕ И ОБЩЕСТВО ВЪ АНГЛІИ.

Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

КНИГА ПЕРВАЯ. Воспитаніе среднихъ и правящихъ классовъ въ Англіи. Воспитаніе въ семьѣ. Англійская и французская семья. Воспитаніе въ школѣ, воспитаніе физическое, нравственное, умственное. Публичныя школы. Параллель съ Франціей. Родъ государства. Организація начальнаго образованія. Департаментъ наукъ и искусствъ. Техническое образованіе. Среднее образованіе въ Валлисѣ. Университеты. Характеристика старыхъ англійскихъ университетовъ. Внутренняя жизнь Оксфорда и Кембриджа. Расширеніе дѣятельности университетовъ. Вліяніе университетовъ на средніе школы и на страну. Мѣстные университетскіе экзамены. Распространеніе университетскаго образованія. Провинціальные университетскіе колледжи. Экзаменующія корпораціи. Печать, газеты и журналы. Библіотеки. Общій обзоръ современнаго положенія. **КНИГА ВТОРАЯ. Профессіи и общество въ Англіи.** Экономическое положеніе Англіи прежде и въ настоящее время. Развитіе общества въ политическомъ отношеніи. Общественные классы. Ихъ взаимныя отношенія. Политическое воспитаніе. Культура страны. Индивидуальная и общественная нравственность. Религія. 516 стр. 8°. **Цѣна 3 рубля**

Паульсенъ. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА БУДУЩАГО. Цѣна 40 коп.

Георгъ Майръ.

СТАТИСТИКА и ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЕ.

Профессора **ГЕОРГА МАЙРА.**

Въ двухъ томахъ.

Это капитальное произведеніе знаменитаго статистика, недавно появившееся въ нѣмецкомъ оригиналѣ, распадается на два тома.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА. Человѣкъ, какъ массовое явленіе. Соціальные группы и союзы. Соціальная масса, какъ объектъ научнаго наблюденія. Наука о соціальныхъ массахъ. Отношеніе науки о соціальныхъ массахъ къ другимъ отраслямъ знанія. Статистическая наука и ея общія основанія. Статистическій методъ и статистическая техника. Статистическія учрежденія. Исторія статистики.

ВТОРОЙ ТОМЪ посвященъ статистикѣ населенія.

Цѣна за оба тома (878 стр. 8°) **6 рублей.**

Digitized by Google

Принимается подписка на изданіе т-ва „ЗНАНІЕ“,
составленное Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.

Настольная книга по народному образованію,

Законы, распоряженія, правила, инструкціи, уставы, справочныя свѣдѣнія и пр. по школьному и внѣ-школьному образованію народа.

Пособіе для земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, учрежденій и лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, народныхъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію.

Въ трехъ томахъ, свыше 2500 страницъ очень убористой печати.

Изданіе составлено по первоисточникамъ; программа его обнимаетъ всѣ вопросы школьнаго и внѣ-школьнаго образованія народа.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. Отдѣлъ I. Завѣдываніе народнымъ образованіемъ.—Отдѣлъ II. Общія узаконенія и распоряженія, имѣющія отношеніе къ народному образованію.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Отдѣлъ III. Узаконенія и распоряженія, касающіяся государственной службы.—Отдѣлъ IV. Учебныя заведенія и испытанія, дающія права на учительскія званія.

ТОМЪ ТРЕТІЙ. Отдѣлъ V. Узаконенія и распоряженія о низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.—Отдѣлъ VI. О школьной гигіенѣ и санитаріи.—Отдѣлъ VII. Узаконенія и распоряженія, касающіяся статистики народнаго образованія.—Отдѣлъ VIII. О внѣшкольномъ образованіи народа.—Отдѣлъ IX. О до-школьномъ образованіи.

Цѣна за три тома по подпискѣ: 5 руб., съ пересылкой 6 руб.

Два тома (1538 стр.) вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ.

Особымъ отдѣломъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. вышедшіе 2 тома «Настольной книги» *допущены въ библ. учит. институтовъ и семинарій, въ учит. библ. низшихъ учеб. зав. и въ безплатныя нар. читальни и библіотеки.*

Народное Образованіе въ Россіи.

Г. Фальборна и В. Чарнолускаго.

Историческій очеркъ.—Современная организація начальнаго народнаго образованія въ Россіи.—Статистика изданія по народному образованію.—Финансовыя средства народнаго образованія.—Главныя статистическія данныя о современномъ положеніи народнаго образованія.—Грамотность населенія.—Таблицы.—Литература. Съ приложеніемъ статьи В. Ю. Скалона:

«Народное образованіе въ Финляндіи».

Цѣна 1 руб. 50 коп. 258 стр. 8°.

Digitized by Google

Справочныя изданія по народному образованію,

составленныя Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.

1) **Учительскія семинаріи и школы.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для учащихъ и учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ всѣхъ вѣдомствъ, а также для готовящихся къ поступленію въ нихъ. Цѣна 2 р.

2) **Испытанія на званія уѣздныхъ, домашнихъ, городскихъ и начальныхъ учителей, на магометанскія должности, на вольнопредѣляющагося II разряда и на первый классный чинъ.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ. *Второе, значительно дополненное, изданіе.* Цѣна 1 р.

3) **Испытанія на званіе начальнаго учителя** (начальныхъ училищъ; инородческихъ училищъ; церковно-приходскихъ школъ). Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ. Цѣна 25 к.

4) **Учительскія общества, кассы, курсы и съѣзды.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 50 к.

5) **Городскія, уѣздныя и мариинскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній о городскихъ училищахъ по Положенію 1872 г., объ уѣздныхъ училищахъ по Уставу 1828 г. Мариинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Цѣна 1 р.

6) **Народныя училища по Положенію 25 мая 1874 года.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 75 к.

7) **Приходскія училища.** Систематическій сводъ законовъ, постановленій и распоряженій о приходскихъ училищахъ по Уставу 1828 г. и городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ по Положенію 1839 г. Цѣна 25 к.

8) **Министерскія училища.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній о двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. Цѣна 25 к.

9) **Частныя училища и домашнее обученіе.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ II и III разрядовъ, домашнемъ обученіи, училищахъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и горнозаводскихъ училищахъ. Цѣна 50 к.

10) **Инородческія и иновѣрческія училища.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній объ училищахъ: колонистскихъ, протестантскихъ, католическихъ, армянскихъ, для раскольниковъ и сектантовъ, инородческихъ, магометанскихъ, караимскихъ и еврейскихъ. Цѣна 50 к.

11) **Инструкціи директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 40 к.

См. слѣд. стр.

Справочныя изданія по народному образованію,

составленныя Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.

(*Продолженіе*).

12) Народныя училища сѣверо-западнаго края. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Ц. 50 к.

13) Народныя училища юго-западнаго края. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Ц. 40 к.

14) Народныя училища Прибалтійскаго края. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Ц. 75 к.

15) Народныя училища Царства Польскаго. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 60 коп.

16) Народныя училища Кавказа, Сибири, Степнаго края, Туркестана, Архангельской, Астраханской и Оренбургской губерній, Донской области и Казачьихъ войскъ. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій программъ и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 75 коп.

Готовится къ печати рядъ новыхъ справочныхъ изданій по различнымъ вопросамъ школьнаго и внѣ-школьнаго образованія

Э. ЛЕВАССЕРЪ.

Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ.

Переводъ подъ редакціей Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

Въ составленіи книги принимали участіе: проф. Георгъ Майръ Блонкъ, Бодіо и многіе другіе выдающіеся статистики и государственные дѣятели. Она является плодомъ болѣе чѣмъ десятилѣтней работы автора, выполненной при помощи Международнаго Статистическаго Института. Цѣль книги—объединить и свести въ одну картину данныя о развитіи и современномъ положеніи народнаго образованія въ цивилизованныхъ странахъ міра.

Первая часть книги заключаетъ въ себѣ описаніе положенія народнаго образованія въ отдѣльныхъ странахъ. Вторая часть посвящена общему сравнительному очерку положенія народнаго образованія въ цивилизованныхъ странахъ.

Цѣна 3 рубля. 452 стр. 8°.

Digitized by Google

Финляндія.

Подъ редакціей Д. Протопопова.

При участіи И. Андреева (псевд.), В. Валлина, Г. В., А. Гранфельта О. Грундстрёма, Г. К—на, Я. Клерикуса (псевд.), К. Лейно, Neuter (псевд.) Д. Протопопова, В. Скалона, І. Тикканена, г-жи Т. Хультинъ, Т. Форселля г-жи М. Фрибергъ и Э. Эрнно.

Содержаніе: Географическій очеркъ. — Политическое положеніе Финляндіи и „Финляндскій вопросъ".—Законодательство, управленіе и судъ.—Церковное устройство и религіозныя движенія.—Финансы. Промышленность и торговля.—Сельское хозяйство.—Сельское населеніе.—Рабочіе. — Среднее образованіе. — Національное движеніе и партіи. — Общественная жизнь.—Періодическая печать.—Низшее образованіе.—Университетъ и студенческая жизнь.—Наука.—Литература.—Искусство.—Борьба съ пьянствомъ.—Призрѣніе бѣдныхъ.

81 иллюстрація: (виды Финляндіи, группы жителей, портреты выдающихся дѣятелей и писателей, картины финскихъ художниковъ и т. п.). Карта Финляндіи.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Вандервельдэ.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА ГОРОДОВЪ

Переводъ *Л. Винци.* Редакція Р. П. Цѣна 40 коп.

Дрейфусъ. ПЯТЬ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(1894 — 1899).

Съ французск.—Перев. подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. Смирнова.

Цѣна 1 р. 20 к.

А. И. Тертвago.

НЕ ПО ТОРНОМУ ПУТИ.

Третье изданіе.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Digitized by Google

К. ГУГО.

Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи.

(Städte-Verwaltung und Municipal-Sozialismus in England).

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей

Д. Протопопова.

Содержаніе: Глава I. Введеніе.—II. Исторія англійскихъ муниципалитетовъ.—III. Исторія самоуправленія Лондона.—IV. Совѣтъ лондонскаго графства.—V. Задачи городовъ въ области общественной гигіены.—VI. Пожарное и страховое дѣло.—VII. Рынки.—VIII. Снабженіе газомъ.—IX. Электрическое освѣщеніе.—X. Снабженіе гидравлической силой.—XI. Городскіе трамваи.—XII. Телефоны.—XIII. Народныя библіотеки.—XIV. Музеи, галлереи и художественныя школы.—XV. Техническія школы.—XVI. Отношеніе къ рабочему вопросу.—XVII. Реформа городского обложенія.—XVIII. Заключеніе.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

«Новыя теченія въ англійскомъ городскомъ управленіи, о которыхъ идетъ рѣчь въ чрезвычайно интересной и поучительной книжкѣ Гуго, заключаются въ постепенномъ расширеніи сферы городского самоуправленія и въ борьбѣ муниципалитетовъ съ частными предпріятіями» (Міръ Божій, іюнь 1898 г.

«. . . Мы дали только приблизительное понятіе о содержаніи этой любопытной и поучительной книги. Мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ ее всякому, кто интересуется вопросами городского самоуправленія». (Жизнь).

ВЫШЛА КНИГА:

Э. Бернштейнъ.

Историческій Матеріализмъ.

Второе изданіе.

Цѣна 80 коп.

Digitized by Google

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“:

Вольтеръ.

По Коллини, Ваньеру, Штраусу и друг.

Переводъ съ нѣмецкаго *И. Андреева*. Редакція Д. Протопопова.

Съ портретомъ Вольтера. Цѣна 1 рубль.

БІОГРАФІЯ ВОЛЬТЕРА И ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

«... Блестящая, полная, несмотря на свою краткость, штраусовская біографія Вольтера занимаетъ очень видное мѣсто въ литературѣ о «царѣ мысли XVIII вѣка» и вмѣстѣ съ книгою Морлея и подробнымъ жизнеописаніемъ Денуартера представляетъ лучшее, что когда-либо было написано о немъ. Всѣ болѣе важные факты долгой жизни Вольтера освѣщены съ мастерствомъ настоящаго художника, литературныя произведенія его оцѣнены съ тонкимъ критическимъ тактомъ. Переводъ очень хорошій». (Русскія Вѣдомости, 1898 г. № 228).

«Книга Штрауса, такъ блестяще и тонко написанная, составляетъ для нашей исторической литературы цѣнный вкладъ. Имя Штрауса русскимъ читателямъ извѣстно по его другому труду, тоже прекрасному, «Ульрихъ фонъ-Гуттенъ». Въ нашей замѣткѣ мы не дѣлаемъ разбора его сочиненія о Вольтерѣ, потому что самъ по себѣ трудъ этотъ давно уже занимаетъ первоклассное мѣсто въ ряду многочисленныхъ біографій и сочиненій о Вольтерѣ. Его отличительныя особенности—объективность и полнота, несмотря на краткость, и талантливое освѣщеніе дѣятельности Вольтера. Издана и переведена книга прекрасно».

(Жизнь, январь 1899 г., книга 2-я).

Куно Фишеръ.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ.

Поступилъ въ продажу томъ четвертый. Содержаніе:

Иммануилъ Кантъ. Возникновеніе и основаніе критической философіи.

Съ четвертаго, юбилейнаго нѣмецкаго изданія.—Перев. *Н. Н. Полилова, Н. О. Лосскаго* и *Д. Е. Жуковскаго*.—Съ портретомъ Канта.

Цѣна 4 рубля.

Digitized by Google

Изданіе товарищества «ЗНАНІЕ»:

ДЖ. А. ГОБСОНЪ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ РЁСКИНА.

Переводъ съ англійскаго *Н. Кончевской* и *В. Либина*.

Редакція **Д. Протопопова.**

СОДЕРЖАНІЕ: Первые годы жизни и ихъ вліяніе.—Переходъ отъ искусства къ вопросамъ общественныхъ реформъ.—Критика ходячей политической экономіи.—Теорія соціальной экономіи Рёскина.—Заблужденія въ наукѣ и практикѣ новѣйшей промышленности.—Промышленная конкурренція.—Истинный общественный строй.—Соціализмъ и аристократизмъ.—Машина и промышленный городъ.—Воспитаніе.—Положеніе женщины въ обществѣ и ея воспитаніе.—Промышленные опыты.—Гильдія св. Георга.—Краткая характеристика дѣятельности и вліянія Рёскина.

Съ геліогравюрнымъ портретомъ Рёскина.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЭРКМАНЪ-ШАТРІАНЪ.

ГАСПАРЪ ФИКСЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Переводъ *Е. Джунковской*.

Редакція **Д. Протопопова.**

Цѣна 65 коп.

«Въ живой формѣ разсказа въ этомъ произведеніи правдиво обрисовывается эпоха революціи 1848 г. и начало 2-ой имперіи во Франціи... Въ общемъ правдивый, ярко разцвѣченный искреннимъ чувствомъ разсказъ читается съ большимъ интересомъ»... (Отзывъ «Сѣв. Кавказа»).

ИНСАРОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ.

Исторія третьей республики. Цѣна 2 р. 50 к.

Digitized by Google

Новое изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“:

К. КАУТСКІЙ.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ.

Переводъ *И. Андреева* и *В. Либина*.

Редакція **Д. Протопопова**.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ф. О. Гертцъ.

АГРАРНЫЕ ВОПРОСЫ.

Съ предисловіемъ **Э. Бернштейна**.

Переводъ *А. Ильинскаго*. Редакція *Д. Протопопова*.

Цѣна 80 коп.

Л. Вигуру.

РАБОЧІЕ СОЮЗЫ

ВЪ

СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Съ предисловіемъ **Поля де-Рузье**.

Переводъ *А. Серебряковой*.

Редакція **Д. Протопопова**.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Digitized by Google

Изданіе товарищества «ЗНАНІЕ».

Э. ВУРМЪ.

ЖИЗНЬ НѢМЕЦКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго *М. Мандельштама.*

Редакція **Д. Протопопова.**

СОДЕРЖАНІЕ: Питаніе нѣмецкихъ рабочихъ, помѣщеніе, домашнее хозяйство, доходы, болѣзненность и смертность.

Цѣна 80 коп.

«...Въ каждой главѣ авторъ сопоставляетъ требованія нормальной гигіены съ данными точныхъ статистическихъ изслѣдованій о современномъ положеніи рабочихъ въ Германіи... Книга Вурма даетъ массу интересныхъ фактовъ и наводитъ на серьезное размышленіе... Переводъ сдѣланъ удовлетворительно и хорошимъ языкомъ». (Сынъ Отечества, 28 апр. 1899).

«Книга Вурма, депутата германскаго рейхстага, представляетъ огромный интересъ и навѣрно разойдется въ широкихъ кругахъ публики. Такъ какъ циклъ экономическаго развитія разныхъ странъ во многомъ совпадаетъ, то съ помощью книги Вурма мы, говоря словами проф. Чупрова, «какъ бы въ туманной перспективѣ» можемъ взглянуть въ будущія судьбы экономически отставшихъ странъ». (Извѣстія Книж. Магазин. Т—ва М. О. Вольфъ, № 9—10, 1899)

Роза Люксембургъ,

Докторъ Государственныхъ Наукъ.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТІЕ ПОЛЬШИ.

Переводъ съ нѣмецкаго *Ф. Гурвича.*

Редакція **Д. Протопопова.**

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Исторія и современное положеніе польской промышленности: 1) Мануфактурный періодъ 1820—1850; 2) Переходъ къ крупной промышленности; 3) Періодъ крупной промышленности въ Польшѣ; 4) Главные районы польской промышленности; 5) Сбытъ произведеній польской промышленности.

II. Экономическая политика Россіи въ Польшѣ. 1) Исторія борьбы между Лодзью и Москвой; 2) Условія промышленнаго производства въ Польшѣ и въ Россіи; 3) Экономическія отношенія между Польшей и Россіей; 4) Политическіе интересы Россіи въ Польшѣ; 5) Экономическіе интересы Россіи на Востокѣ.

Цѣна 50 коп.

Digitized by Google

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ:

Р. МУТЕРЪ.

Исторія живописи въ XIX вѣкѣ

Переводъ съ нѣмецкаго *З. Венгеровой.*

I, II, III тт. и ИСТОРІЯ «РУССКОЙ ЖИВОПИСИ» *А. Бенуа*, которая составляет отдѣльный IV ТОМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Введеніе.—Завѣты XVIII вѣка.—Начатки современ наго искусства въ Англіи.—Положеніе искусства въ остальной Европѣ. Реакція классицизма въ Германіи.—Классическая реакція во Франціи.—Т диція и свобода. - Возвратъ къ прошлому.—Назареяне.—Мюнхенское иск ство при королѣ Людовикѣ I.—Дюссельдорфская школа.—Завѣты нѣмец романтики.—Предвѣстники романтизма во Франціи.—Поколѣніе 1830 г. Juste-milieu.—Эпигоны классицизма и романтизма.—Историческая живоп въ Бельгіи.—Колористы въ Германіи.—Паденіе псевдо-идеализма.

Томъ II. Введеніе.—Побѣда современнаго искусства.—Рисовальщики Англійская живопись до 1850 г.—Батальная живопись.—Этнографичес жанръ.—Юморъ.—Анекдотическая живопись. - Соціалистическая тенденція живописи.—Сельская жизнь въ искусствѣ.—Пейзажная живопись въ Ге ніи.—Начатки paysage intime.—Пейзажъ 1830 г.—Миде (J. P. Millet).— лизмъ во Франціи.—Реализмъ въ Англіи.—Реализмъ въ Германіи.—Совре ное пониманіе колорита.—Японцы. Импрессіонисты.

Томъ III. Введеніе. - Реалисты.—Франція.—Испанія.—Италія.—Англ Бельгія.—Голландія.—Данія.—Швеція. — Норвегія.— Россія.—Америка.— манія.—Неоидеализмъ.—Духъ новаго идеализма.—Англія.—Уистлеръ и ландцы.—Франція.—Германія.—Литература.—Указатель рисунковъ.—Би графическій указатель художниковъ.

Томъ IV. Введеніе.—Первые шаги. — Портретисты XVIII в. — Ки ский. Тропининъ. Орловскій.—Венециановъ и его школа. Ѳ. Толстой.— вые пейзажисты.—Первый академическій періодъ.—К. Брюлловъ въ ліи.—К. Брюлловъ въ Россіи.—Бруни.—Эпигоны академизма.—Вліяніе а міи на реалистическую школу.—Академическій жанръ.—Карикатурис А. Ивановъ: Явленіе Мессіи.—А. Ивановъ: Эскизы.—Крамской.—В. І цовъ.—Нестеровъ.—Ѳедотовъ.—Переломъ 50-хъ годовъ.—Эстетика 50-х довъ. — Отказъ 13-ти конкурентовъ. — Реалисты 50-хъ годовъ. — І Соколовъ. — Сверчковъ. — В. Перовъ. — Художники 60-хъ годовъ. — шниковъ.—Крамской.—Рѣпинъ — Савицкій. — Ярошенко.—Верещаги В. Маковскій. Освобожденіе отъ тенденціи.—Пейзажисты Воробь школы. Лебедевъ—Ѳ. Васильевъ.—Айвазовскій.—Клодтъ. — Шишкинъ. инджи.—Саврасовъ.—Полѣновъ.—Дубовской. — Реалисты. Суриковъ.— вѣянія.—«Міръ искусства»: С. Дягилевъ. С. Мамонтовъ.—Левитанъ.— Сѣр Константинъ Коровинъ. — Нестеровъ. — Аполлинарій Васнецовъ. — Я кова. — Остроумова. — Ціонглинскій. — Интернаціоналисты. — Бразъ. — винъ.—Возрожденія декоративнаго искусства.—В. Васнецовъ.—Е. Полѣ К. Коровинъ.—Головинъ.—Малютинъ.—Націонализмъ въ искусствѣ. бель.—Бакстъ.—Лансере.—К. Сомовъ.—Литература.

Цѣна за всѣ четыре тома 17 руб.

Допускается разсрочка:

При полученіи	I-го тома	. . . . .	5 руб
» »	II »	. . . . .	5 »
» »	III »	. . . . .	4 »
» »	IV »	. . . . .	3 »

Роскошные переплеты каждаго тома по 1 руб., крышки по 75 к.

Digitized by Google

НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ Р. МУТЕРА:

ИСТОРІЯ ЖИВОПИСИ

ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ ДО XIX СТОЛѢТІЯ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *К. Бальмонта.*

Иллюстрированное изд. въ ТРЕХЪ томахъ:

томъ 280 стр. 8°, съ **52** рис. на отд. табл., на мѣл. бум.

Цѣна I тома **2** руб. **50** коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Мозаичный стиль.—Мистицизмъ въ станковой живописи.—Эпическій стиль Джотто.—Фресковая живопись конца треченто.—Борьба стараго духа времени съ новымъ.—Византійство и мистика.—Конецъ монументальнаго стиля.—Первые реалисты.—Буря и натискъ во Флоренціи.—Піеро-делла Франческа.—Зарницы.—Мантенья.—Послѣдователи Мантеньи.—Гуго-ванъ-деръ-Гусъ.—Эпоха Лоренцо Великолѣпнаго.—Савонарола.—Піеро-ди-Козимо.—Боттичелли. — Филиппино Липпи. — Религіозно-мірское настроеніе.—Кривелли.—Перуджино. — Беллини. — Мемлингъ.—Леонардо.—Сближеніе съ Италіей.—Нидерландцы.—Кельнцы.—Дюреръ.—Франконія и Баварія.—Эльзасъ и Швабія.—Гольбейнъ.

Только что вышелъ **II томъ.**

Томъ II. Вліяніе Леонардо.—Послѣдователи Леонардо.—Джіорджіонс.—Корреджіо. — Понятіе о красотѣ чинквеченто. — Тиціанъ. — Современники Тиціана. — Микель-Анжело. Побѣда формальнаго. — Рафаэль.—Конецъ Возрожденія въ Италіи.—Roma caput mundi.—Лоренцо Лотто.—Тинторетто.—Бассанцы.—Духъ контръ-реформаціи.—Церковная живопись.—Бытовая живопись.—Пейзажная живопись.—Рибейра и Сурбаранъ. — Веласкесъ.—Мурильо.—Рубенсъ.—Современники Рубенса.—Ванъ-Дейкъ. — Первые портретисты.—Франсъ Хальсъ.—Современники Хальса.—Рембрандтъ.

Томъ II. 242 стр. 8°, съ 40 рис. на отдѣльныхъ таблицахъ.

Цѣна **2** руб. **50** коп.

III томъ печатается.

СОДЕРЖАНІЕ III тома (краткое): I. Конецъ Голландской живописи. II. Аристократическое искусство во Франціи. III. Подъема буржуазіи.

Digitized by Google

DM 18.- 1191793/5

Послѣднія изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

М. Горькій. РАЗСКАЗЫ. Томъ I—V . . . . . по 1 р. — к.

М. Горькій. НА ДНѢ. Картины. . . . . — » 60 »

Л. Андреевъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. . . . . 1 » — »

Скиталецъ. РАЗСКАЗЫ И ПѢСНИ. Томъ I . . . . . 1 » — »

Е. Чириковъ. РАЗСКАЗЫ. Томы I—III . . . . . по 1 » — »

Е. Чириковъ. ПЬЕСЫ. . . . . . — » 60 »

И. Бунинъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »

И. Бунинъ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II . . . . . 1 » — »

Н. Телешовъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »

А. Серафимовичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »

А. Купринъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »

С. Юшкевичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . . 1 » — »

С. Гусевъ-Оренбургскій. РАЗСКАЗЫ. Томъ I . . . . 1 » — »

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЁМЫ . . . . . 1 » — »

Н. Гаринъ. ГИМНАЗИСТЫ . . . . . 1 » — »

Н. Гаринъ. СТУДЕНТЫ . . . . . 1 » — »

Шелли. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Новое трехтомное изд. Вышелъ томъ I, съ геліогравюрой Дюжардэна . . . . . 2 » — »

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ. Роскошно-иллюстр. изданіе: около 400 рис. въ текстѣ; портретъ Лонгфелло; 22 большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ . . 2 » — »

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ. Дешевое изд. . . — » 80 »

Платонъ. ПИРЪ. Иллюстрированное изд.: снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивіада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины «Пиръ» Фейербаха . . . — » 60 »

Бьернсонъ. ПЕРЧАТКА. Драма. *Второе изд.* . . . . — » 40 »

Штеррингъ. ПСИХОПАТОЛОГІЯ. . . . . . 1 » 50 »

Фальборкъ и Чарнолускій. СПРАВОЧНЫЯ изданія по народному образованію. Поступило въ продажу 16 книжекъ. Подробности см. на стр. 22 и 23 каталога. . . . . 0 »

Сеньобосъ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ совр...

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Stanford University Libraries
3 6105 124 450 730

PG 3470
P25
1903
v.1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

Digitized by Google

Digitized by Google